СИБИРЬ

1/93

С.А.НИЛУС.
"Близ есть, при дверех..."

Протоиерей
Евгений КАСАТКИН.
Русская святость.

Иркутская летопись.
Летописи П.И. Пежемского и В.А. Кротова.

СИБИРЬ

1 93

*Журнал писателей
Восточной Сибири
Учредитель
Союз писателей РСФСР
Выходит 6 раз в год*

Основан в 1930 году

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционный совет

ISSN 5 - 7424 - 0385 - 2

Сергей Нилус

"Близ есть, при дверех". (*)

Часть III-я

Тайна беззакония. "Вавилон блудницы"

(2 Сол. II г.7 ст.; Мф. X, 6 ст.)

"... вы делаете то, что видели у отца вашего... Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины. Когда он говорит ложь, говорит свое; ибо он лжец и отец лжи"

(Иоанн. YIII, 38, 41, 44)

Немногим более десяти лет прошло со дня первого опубликования мною тайны всемирного масоно-еврейского заговора в книге моей "Великое в малом".

Сколько за эти годы совершилось событий и во всем мире и на нашей несчастной родине, униженной, оскорбленной, разбитой на поле брани внешними врагами, истерзанной внутренней смутой, расколовшейся на враждебные друг другу партии, смущенной в своих религиозных и политических верованиях, отданной на "поток и разграбление" всему злому и хищному, что сдерживаемое раньше Церковью и сильною властью, таилось в норах и подпольях, скрывалось в притворах адовых!

Не перечесть их. не запомнить!...

И, вот, теперь - война! Всемирная война, небывалая, неслыханная, поднявшая народ на народ, царство на царство - воистину апокалипсическая брань конца мира...

(*) Продолжение. Начало см."Сибирь" N 4, 1991

Тому, кто внимательно прочел первые две части настоящей книги ясен теперь ход "Символического Змия", по утверждению "Протоколов", в 429 г. до Р.Х. исшедшего из Иерусалима попирать и сокрушать народы и племена земные. "Змию" этому до сомкнутия главы его с хвостом уже в 1905-м году оставался только один восьмой и последний этап - Константинополь.

И Константиноgоль уже захвачен.

Еще накануне сражения и заточения падишаха и воцарения на его месте отделения всемирного масоно-еврейского кагала в лице Комитета "Единение и Прогресс" во главе с шестью Салоникскими евреями, властитель дум среднего газетного читателя, Меньшиков из "Нового Времени", указывал нашей растерявшейся власти на величественную мощь Абдул-Гамида.

И, все, где Абдул-Гамид?

- "Лешана габаа б, Иерушалаим!" - "На будущий год - в Иерусалим" (1)

Кто теперь поручится, что это не совершится, если не в будущем году, то в одном из ближайших последующих?!..

Это ли не конечная победа "Символического Змия" над отступническим миром?!..

Но что же, наконец, это за символ - "Символический Змий", дающий такую силу и власть тем, кто, уповая на символ этот на наших глазах одержал столь блистательную победу над миром?

- "Знамена властителя ада подвигаются вперед" - так в 1884 году в энциклике своей писал Лев XIII, папа римский, предупреждая римско-католический мир об опасности надвинувшегося на него всею своею силою масонства.

- "Да, да!" - ответил на слова эти "Вестник итальянского масонства (1884 г. 306 стр.) "Знамена властителя ада двигаются вперед; и нет сознательного человека, любящего свою родину, который не встал бы под эти знамена, под эти хоругви франмасонства".

---

(1) Этим возгласом ежегодно, в день своего нового года, евреи приветствуют друг друга со дня своего изгнания и рассеяния.

"Символический Змий" и "властитель ада" не представляют ли собою одного лица? Не "дракон ли он". - "змий древний". не спадший ли с небес Денница - Сатана, "отец лжи", сам диавол, дерзнувший восстать на Триипостасного Бога? Не в этом ли мерзком и страшном имени и не в добровольном ли ему поклонении заключена великая тайна масонства, ревниво скрываемая им столько веков от непосвященных? Не в этой ли тайне заключена "велия беззакония тайна", о которой предупредил христиан всех веков Св.Апостол Павел, сказав, что она "уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь", т.е., по толкованию Св.Отцов, пока от христианских государств не отнимется благодать Св.Духа и Благодарования по образу Небесной иерархии Самодержавная власть Помазанника Божия?..

Не он ли тот бог, в которого верует отступивший от Истинного Бога Израиль, чью веру, по свидетельству "Протоколов", "с ее истинной точки зрения никто никогда не станет обсуждать, так как ее никто основательно не узнает, кроме евреев (наших), которые никогда не посмеют выдать ее тайны?"

Не он ли?

Не его ли называет "Великим архитектором" франкмасонство в своих ритуалах, актах и во всей своей литературе?..

Последуй за мной дальше, читатель, и тогда все узнаешь!

ВЕЛИКИЙ АРХИТЕКТОР(1)

Сатана. Его возвращение в мир христианский

Православная Церковь, канонически, соборными постановлениями своими запретив верным сынам своим какое бы то ни было общение с евреями, тем самым, как бы поставила над всем еврейским вопросом точку и более к нему не возвращалась, считая его исчерпанным и навсегда разрешенным. И Господь за Православие, по свидетельству Преподобного Серафима, миловал и Церковь Свою святую, и народ Свой Богоносец, - святорусское царство православное, и от масонства, и от воин-

(1) Этим именем масонство называет своего "бога"

ствующего на Христа Израиля. Православное церковное учительство, в силу этого, не встречало в течение ряда веков надобности обращать меч свой против этих исконных врагов Христианства и потому молчало.

Молчало и доселе еще молчит церковно-русское пастырство и учительство.

Не то на Западе, в отступившей в схизму, а после уже и еретичествующей церкви Римско-Католической. Лишившись за отступление охраны Благодати Божией в той полноте, какую ее доселе имело Православие, она вынуждена была вступить в борьбу с союзом еврейства и масонства с первых же атак этих врагов Христовых на Западную Европу: воинствующий Ислам, всевозможные жидовские ереси, люциферианство Тамплиеров, Реформация и, наконец, масонство - все это возмущение ада против Триипостасного Бога вызвало на борьбу с собою весь цвет Западной Церкви и породило огромнейшую литературу предмета, в высокой степени поучительную и для настоящего, переживаемого Россией и Русской Церковью момента, чрезвычайно важную.

В литературе этой выдающееся место принадлежит обширному труду каноника епархии города Лилля. доктора богословия, монсиньора Делассю. Называется труд этот - "Антихристианский заговор. Масонский храм, воздвигаемый на развалинах Католической Церкви". В виду важности труда этого в обще-христианском смысле и для Православной Русской Церкви, я позволяю себе привести здесь из него один отдел, касающийся той же тайны беззакония, разоблачению которой, в меру сил моих и разумения, служит и настоящее мое исследование.

Вот что сообщает Делассю:

"Выше масонов, выше главных руководителей, трудящихся над созданием масонского храма, не стоит ли еще некий верховный распорядитель, направляющий ход работ по разрушению старого религиозного и общественного строя? Нет ли скрытого архитектора того здания, которое возводится на обломках старого мира, нет ли инженера-строителя того храма, который воздвигается на развалинах христианской Церкви?

Высшее существо, под чьим покровительством великая французская революция, провозгласив "права человека", собиралась установить "культ природы", был и по мысли главных творцов "Декларации" и новой религии не Бог, Ему же поклоняются небо и земля, а Сатана [1]. "Верховное существо", или "Великий Архитектор", именуемый так на лживом и исполненном преднамеренного тумана языке масонских лож, и есть никто иной, как все тот же Сатана, утаенный от непосвященных (профанов) для сокрытия тайных целей, преследуемых масонской сектой. Вот этому-то "богу" настоящие "посвященные" и хотят воздвигнуть тот символический храм, под сводами которого они намерены соединить все человечество, связав его единой, общей для всех религией под единым для всего мира скипетром. "Посвященные" эти для своего культа уже покушались раз захватить наши святилища. Это было совершено теофилантропами по установлении культа этого Робеспьером. "Если, - так сказал тогда один из главарей секты, - оставить стоять старинные храмы, возведенные вековою верою, то пусть в них масонский треугольник введет торжественность своего ритуала, и священники Собора Богоматери уступят свои церковные дома пастырям "Великого Востока".

На втором заседании масонского конвента брат-масон Blatin высказался так: "в тех зданиях, которые властью жрецов христианского культа были посвящены религиозным суевериям, мы, быть может, призваны, в свою очередь, вести проповедь нашего учения, а вместо псалмопения клириков, которые еще доселе раздаются под обширными сводами и под колоннами этих зданий, мы услышим там стук наших масонских молотков, аплодисментов и шумных одобрений нашего Ордена".

---

(1)Дух зла в Св.Писании известен под несколькими именами, главное его имя - Сатана. По еврейски Сатана - значит "противник". Другое его имя "диавол", что значит "клеветник", "ложный обвинитель". Называется он еще и "демон", что значит "злой дух", "искуситель". Он "демон" и "диавол" по отношению к людям, как их клеветник и ложный обвинитель; по отношению же к Богу он - Сатана, Божий противник. Его мечты восхитить себе власть Бога. Он был ее скрытым восхитителем в эпоху "Декларации прав человека"; теперь он таковым открыто признается официальным отступничеством.

"Клеветник", "ложный обвинитель"! Да, он таков в действительноти, и в этом звании своем он есть истинный отец и наставник франкмасонства и его духовного влияния.

"Злой дух" и "искуситель"! И это правда, слишком хорошо известная каждому из нас.

В следующем 1884 году, 24 февраля, на новом масонском собрании, брат-масон Masson, уполномоченный ложи "Друзей независимости", повторив вновь вышеприведенное пожелание Blatin, сослался на него, как на авторитет в масонстве.

Можем удостоверить, что все эти слова и речи ничего общего не имеют с пустым бахвальством. Мы уже и теперь являемся очевидцами усилий масонской секты, направленных на достижение намеченных ею целей: наши церкви нам уже более не принадлежат; нас пока еще только терпят, но как скоро это наскучит, нас изгонят совсем из церквей наших и их для нас в один прекрасный день закроют навсегда.

В ожидании же того дня, когда секта найдет для себя наиболее удобным захватить наши церкви для своих надобностей, ею ведется упорная и последовательная подготовка умов к этой перемене: имя Божие постепенно, но неуклонно вытесняется из употребления и заменяется прославлением Сатаны.

Первая часть этой программы уже выполняется и очевидна: все новые законы, особенно же школьный, направлены к ее осуществлению. Что же касается второй ее части, то проведение ее в жизнь требует большой осторожности, и тем не менее она проводится с твердой неуклонностью. Известен отвратительный привет, составленный и посвященный Сатане Прудоном, и столь же омерзительный, принадлежащий творчеству Ренана. Мишле подсказал близость торжества Сатаны, и Кине открыто заявил, что он желал бы "задушить христианство грязью", чтобы на его месте поставить религию Сатаны.

И культ Сатаны уже начинает себя обнаруживать: именование масонами мест своих сборищ храмами, воздвигнутый в них алтарь, украшения и знаки отличия на одеянии масонских представителей, церемониальный обряд, ими совершаемый - все это указывает на существование у них культа, но отнюдь не культа Бога, Его Ангелов и Его Святых.

У сатанинской религии есть свои "священные" гимны, которые распеваются даже вне масонских капищ. У них есть и свои таинства: есть масонское "крещение", возводящее младенца в звание "волчонка"; есть масонское погребение, именуемое "гражданским"; такой же есть и масонский брак. Журнал всемирного масонства "Цепь единения" в номере от января-фев-

раля 1881 года посвящает желающих в обряды "таинства", совершаемого в масонских семьях.

У Сатанинской религии имеются и свои ученые. В журнале "La Tribune Pedagogigue", издаваемом педагогами для распространения в педагогической же среде, о Сатане говорится в таких выражениях:

"Сатана - враг католической церкви и, как таковой, является предметом симпатии для многих".

"Сатана не только отрицатель какой бы то ни было веры, основанной на религии, но к тому же еще и распространитель всякого научного знания. В мозгу мыслителя он - дух исследования, критики, философских изысканий, он - представитель союза научного знания с философией против обскурантизма.

Сатана, кроме того, есть представитель природы и, как таковой, является протестом против церковного учения. В юное сердце молодого человека Сатаною влагается все, что только есть сладчайшего на свете: влюбленное желание, огонь великодушных страстей; и если мы, люди, еще представляем собою какую-либо ценность, то ею мы обязаны только ему".

Не следует упускать из виду, что журнал этот педагогический, диктующий уроки свои наставникам и через них - детям.

Итальянские масоны, пока еще более смелые, чем масоны французские, основали в Анконе журнал под названием "Люцифер", в Ливорно - другой журнал - "Безбожник".

"Наш вождь - Сатана", - так объявили редакторы обоих изданий в своих редакционных программах. Мало того, во вторник Сырной недели 1882 года, они дерзнули вывести Сатану на сцену театра в Алфиери и в Турине и там петь ему гимны, приносить ему курение фимиама и жертвы, оповещая народ о явлении его на "огненной колеснице" и о грядущем царстве его на всей земле.

Известный гимн Сатане, воспетый прославленным итальянским поэтом Джозефом Кардуччи, выражает пожелание, чтобы отныне курение фимиама и пение священных гимнов приносились Сатане, как "бунтовщику против Бога".

22 июня на открытии в Генуе памятника Мадзини носили в процессии черное знамя, древко которого было увенчано ста-

туэткой Люцифера. После такой демонстрации антиклерикальный Генуэзский кружок послал в журнал "Католическое Единение", издаваемый в Турине, письмо и в нем объявил, что хоругвь Сатаны, когда наступит подходящий момент, предположено водрузить на всех церквах Италии и, главным образом, на Ватикане.

На Соборе кардиналов 30 июня 1889 года, Лев XIII-й вынужден был заявить протест против публичного выставления в Риме знамени Сатаны, что имело место на открытии памятника гражданской властью развратному растриге-монаху Джордано Бруно.

Когда раздался этот протест папы "Обозрение Итальянского Масонства" (том XYI, стр. 356-357) выразилось по его поводу так: "Папа сказал: "знамена князя ада двигаются вперед". Ну, что ж! Да-да, знамена ада двигаются вперед, и нет сознательного человека, любящего свою родину, который не встал бы под эти знамена, под эти хоругви франкмасонства".

Тот же орган масонства, несколько ранее (том X, стр. 265) напечатал следующее: "гений грядущего, наш собственный бог, в нас самих закладывает зародыш нового закона добра... Душа нашего бога отвергает необходимость для социального блага освобождение человека от его животности, ибо социальное благо в действительности есть ничто иное, как следствие человеческой животности. Ныне разрушающееся общественное здание нуждается в краеугольном камне (треугольном камне), и камень этот будет положен нашим богом. И не на небесах, а на земле место этому камню."

"Придите же вы, все страждущие, и поклонитесь Гению-Обновителю. Выше поднимайте чело ваше, братья мои масоны, ибо грядет он - Сатана великий!"

Культ Сатаны, таким образом, как мы видим, ищет повсеместно своего признания.

В октябре 1905 года богатый немец Герман Менц, обосновавшийся в Соединенных Штатах неподалеку от Нью-Йорка воздвиг на пригорке, в своем имении, статую Сатане. Вышина этой статуи 5 метров, кроме пьедестала. Статуя эта изображает Люцифера сидящего, как фавн, на корточках на скале и готового прыгнуть на мир. Голова его украшена двумя традицион-

ными рогами, а в руке судорожно сжатый трезубец. Герман Менц бесплатно раздает брошюры, в которых проповедует свою веру в "единого" диавола.

В Нью-Йорке есть клуб, носящий название "Клуб тринадцати". Клуб этот в торжественном заседании избрал Сатану в пожизненные члены.

И во Франции у нас идет прославление Сатаны публично.

Растрига-аббат Шарбоннель, предавшийся спиритизму еще в то время, когда не снимал с себя рясы, приезжал в Килль читать оекцию в собрании, на котором председательствовал масон Дебьер и там, в домовой церкви Редемторпетов изрыгал ужаснейшие хулы на Бога и славил Сатану.

Некий канадец в год смерти известной анархистки Луизы Мишель поведал в газете "Verite de Quebec" о том, что он видел и слышал у нас во Франции в 1880 году. В том году "красная девка", как звали анархистку, возвращалась во Францию из своего изгнания. 18 сентября в честь ее была устроена большая демонстрация. J.Chicoyne попал на нее в компании с двумя парижскими журналистами и одним люксембуржцем. В зале, где происходило собрание, было тысяч до пяти народу. Председательствовал Рошфор. Известная фраза Бланки: "Ни Бога, ни начальства" служила темой для самых гнусных словоизвержений. "Наибольший успех, - пишет J.Chicoyene"- выпал на этом сборище какому-то бесноватому апологету Люцифера. Он говорил: "если бы можно было принять на веру легенду об отпадении ангелов, то их вождю подобало бы обоготворение за то, что он первый воспротивился авторитету. Его следует признать покровителем всех борцов за свободу и эмансипацию.

- Да здравствует Сатана!- крикнул кто-то из толпы.

- Да здравствует Сатана! - подхватили этот клич пять тысяч голосов с жаром и увлечением, граничащим с безумием.

"Видеть толпу, обезумевшую от громогласного восхваления падшего ангела - так пишет Chicoyne - это было зрелище, какое не часто встретишь".

Но хвалебный клич этот еще раньше черни раздался из академического мира: его орган "Jurnal des Dedats" (от 25 апреля 1855 года) потребовал на своих столбцах восстановления чести демона: "Из всех существ, преданных некогда прокля-

тию, - так писали в этой газете, - и нашим веком от него освобожденных, более всего, конечно, от цивилизации и прогресса выиграл Сатана. Фанатичное средневековье на свой лад и себе в утешение изобразило его злым и безобразным уродом. Наш же век, столь плодовитый в реабилитациях всякого рода, нашел достаточно оснований и для реабилитации этого несчастливого революционера, пустившегося из-за жажды деятельности в неверные предприятия. Наша снисходительность по отношению к Сатане вызывается еще и тем, что и он не стал уже так злобен, как прежде, когда как дух-губитель, был предметом глубокой ненависти и страха. Очевидно, в наши дни зло стало менее сильно, чем было когда-то. Средневековью было позволительно питать к нему такую ненависть, ибо оно жило в постоянном присутствии зла сильного, вооруженного, укрепившегося за крепкими бойницами. Нам же, чтущим божественную искру, где бы она ни блестела, трудно предавать кого-либо бесповоротному осуждению из опасения осудить хотя бы и малейший атом красоты".

Это уклонение в сторону Сатаны исходит от евреев.

Еще до Рождества Христова, в особенности же со времени рассеяния, некоторые евреи начали обращаться к учению и обрядам черной или магической Кабаллы, представляющей собою ничто иное, как квинтэссенциюю идолослужения, религию и культ падших духов, демонов. Учение Кабаллы указывает способы входить в непосредственное с ними сношение. Масон Элифас Леви (1) утверждает, что "в средние века величайшими знатоками, учителями, и вернейшими блюстителями тайн Кабаллы были, главным образом, евреи. Не без основания, стало быть, фарисеи с их последователями в Апокалипсисе дважды названы Спасителем "сонмищем сатанинским".

Франкмасоны, следовательно, веру свою получили от евреев, и эта вера, по их мнению, некогда должна заменить собою веру в Господа нашего Иисуса Христа.

Известный знаток масонства и воинствующего иудейства Corgen des Mousseauf пишет: "Истинные вожди масонов нахо-

---

(1) Католический расрига - священник. Настоящее имя Альфонс Констан.

дятся в теснейшем, интимнейшем единении с воинствующими членами иудеями, с представителями и учителями высшей Кабаллы. То же подтверждает и профессор магии, вышеупомянутый Элифас Леви: "знание это, т.е. Кабаллы, нам передано евреями, а эти последние получили его от халдеев-сабеистов, потомков Хама, которые в свою очередь, по мнению, принятому в магической науке, унаследовали учение это от сынов Каина"

"Еврейская Кабалла - говорит в книге своей епископ Meurin - представляет собою философское основание франкмасонства и ключ к нему".

Растрига-священник Элифас Леви, он же - Альфонс Констан, слова которого мы привели выше, добавляет к ним следующее: "религиозные обряды всех иллюминатов - Якова Бема, Сведенборга, Сен-Мартена - все они заимствованы из Кабаллы. Той же Кабалле всеми своими тайнами и символами обязаны и все остальные масонские общества".

Того же мнения держится и католический орган "Osservatore romanno", 1 октября 1893 года в нем напечатана статья о франкмасонстве и в ней было сказано: "франкмасонство сатанично во всем, в происхождении своем, в организации, в деятельности, в целях, в средствах, в уставе своем и в управлении, ибо оно сделалось тождественно иудаизму, мало того - оно представляет собою величайшую силу и главную армию иудаизма, домогающегося стереть с лица земли царство Христово и заменить его царством диавола". (1)

В 1888 году некто Bossane, начальник почтовой конторы в Saint-Felicien в Ардеше, вышел из состава членов "Ложи друзей человека", находящейся в местечке Annonay. С редким мужеством он настоял на том, чтобы выход его из ложи стал известен обществу. С этой целью он написал открытое письмо в газету "Courrier de tournon", и в нем он пишет: "надоело мне заседать в собраниях Аннонея, Лиона, Валенции, Вены, Женевы и Лозанны и не быть посвященным ни во что. Не желая посвящаться

(1) До времени, ведомого Богу, евреи со дня богоубийства, излюбленный народ и орудие Сатаны. Они - его достояние приблизительно на том же основании, на каком по грехопадении и до искупления его достоянием было все человечество. Преступление евреев было для них как бы вторым первородным грехом. "Кровь Его на нас и на детях наших".

в высшие степени масонства, чтобы не быть связанным клятвой, я все-таки успел войти в общение с лицами из высшей масонской администрации, принадлежащими к различным национальностям, и от них узнал, вернее, понял, из намеков, что культ масонства есть культ сатаны". (1)

В некоторых потаенных ложах сатане совершается служение, до точности скопированное с католического Богослужения. (2)

Аббат Ribet в книге своей "Mystique divine" утверждает тоже, что "между шабашом франкмасонов и колдунов нет существенной разницы и что их сущность одна и та же - культ сатаны, осквернение сятыни и всяческое бесстыдство."

Serge Basset, редактор газеты "Figaro", однажды выразил печатно сомнение в существовании диавольских "черных месс" в тайных масонских ложах. На следующий день он получил письмо за подписью Bl.Ocagn и в нем приглашение пожаловать в ближайший четверг в 9 часов с номером газеты "Matin" в руках на площадь Saint-Sulpue; Он так и сделал. Какая-то женщина усадила его в карету и увезла на другой берег Сены, но куда, того он определить не мог. Происходившее на его глазах во время этой "черной мессы" он описал в газете "Matin":

должен быть низвергнут и заменен иным, основанном на чистом материализме; Каббалисты же действительно знаком этим хотят символизировать то, то Назарянин будет низверг-

---

(1) Bossane к этому добавляет: "Кроме того, масонство добивается уничтожения Франции"...

(2) Существует секта высшего посвящения (тоже масонская) - шевалье Кадош (Кадош по еврейски - "святой"). Секта эта поклоняется Эблису. Эблис - на Востоке имя диавола, и им преимущественно называют Змия, соблазнившего Еву. Деятельность этих Кадошей направлена к тому, чтобы заставить исчезнуть с земли "ересь Назарянина" и воцарить Эблиса над всем человеческим родом. В культе этом ясно показывается, что Кадоши или евреи-Каббалисты, или же их ученики; Отличительный знак, которым Кадоши сообщаются при встрече друг с другом состоит из поднятия указательного пальца по направлению к небу и в опускании его затем к земле. Этим знаком показуется, что то, что наверху (то есть Бог), должно быть низвержено вниз. Низшие степени масонства разумеют под этим, общественный строй, основанный на авторитете и на вере в Бога. Один из наиболее умных масонских писателей Рагон, особенно потрудившийся на пользу своей секты, издал в 1884 году в Париже под псевдонимом книгу под заглавием "Месса и ее таинства в сравнении с древними мистериями или дополнение к науке посвящений". Путем искажения истины в книге этой доказывается: происхождение всех частей мессы путем позаимствования от древних мистерий, сохраняющихся в тайных ложах, всех христианских праздников - из языческих празднеств, всех молитвословий, обращенных к святейшему имени Господа Иисуса, молитв к Пресвятой Богородице - словом всего христианского обряда - из ритуала и заклинаний, которыми сопровождались языческие церемонии.

нут в ад и что Эблис будет царствовать на небе. "На подобии престола восседал живой козел и перед ним сборище мужчин и женщин пело "слава в преисподней сатане"... Служащий черную мессу облачился в подобие священнического облачения и начал совершать пародию на мессу. Во время ее совершения он сделал перерыв, как это делают и священнослужители за настоящей обедней, и произнес проповедь, в которой сказал, что "мы собрались здесь для восстановления царства сатаны. Уничтожая Христа, мы тем самым разрушаем Его славу и восставим великого изгнанника в сверхвеликом его достоинстве. Настанет день, и князь мира сего, сатана, наш владыка, восторжествует над Христом и примет поклонение, как истинный Бог"... После этой проповеди была принесена "жертва", - верх всякого бесстыдства и кощунственного ужаса, - а за ней последовал свальный грех, завершенный возлиянием крови.

САТАНА. СОВРЕМЕННОЕ ЕГО СТРОИТЕЛЬСТВО. ГНОСТИЦИЗМ.

Сатана, изгнанный Крестом Господним из мира, ныне вновь в него призывается нашими современниками и вступает в него не только для искушения отдельных душ, но и для того, чтобы снова приобрести господство свое над родом человеческим, восстановить свое царство. Все тайные сообщества, во множестве покрывающие землю во всех частях света, вдохновляются сатаною и заняты искоренением христианской веры. Все усилия их направлены на разрушение ее скелета, ее догмы, всего того сверхъестественного, что составляет ее основание, как Божественного Откровения. Но есть и другие, не столь давно возникшие общества, цель их не только разрушение, но и созидание - восстановление культа и религии сатаны, чистого люциферианства, открываемого только посвященным и сокрытого от профанов.

Религия Сатаны - гностицизм и спиритизм.

Г.Жорж Буа, адвокат при Парижской судебной палате пишет так: "Франмасонство представляет собой ничто иное, как самый вульгарный род инициации (посвящения) в современном обществе. Но есть инициации более тайные и глубокие, и вербовка в них производится с гораздо большей осторожностью. Если глаза ваши открыты, и вы посвящены в то, что, так

сказать, неофициально творится на белом свете, то от вас не смогут укрыться зачастую слишком многочисленные следы культового демонизма, не пытающегося даже и прикрываться тайной. В предисловии своем в книге "Сатанизм и магия" Huyssmans говорит: "те люди, которых вы встречаете на улице, и которые, по-видимому, ничем не отличаются от других людей, эти-то люди сплошь и рядом и предаются упражнениям в черной магии и в общении с духами тьмы с единственной целью творить зло ради зла."

Тот же Huyssmans, сообщая о частых похищениях облаток для Причастия, задает себе такой вопрос: "кому нужны эти чудовищные преступления, кто пользуется их плодами? Отдельные ли лица, или демонические общества? С кем тут приходится иметь дело - с сатанистами, или же с люциферианами? (1) И мнение склоняется к тому, что в похищении облаток повинна секта люцифериан или "палладистов", "которая, - утверждает он, - охватила собою весь Старый и Новый Свет, у которой есть свой "антипапа" со своей курией, и которая преследует только одну цель - уничтожение повсюду христианства и подготовление царства антихристу."

Здесь попутно необходимо отметить, что все главари различных сект, о которых речь будет ниже, принадлежат франкмасонству и состоят в разных степенях посвящения, в соответствии со значением и влиянием руководимой ими секты в антихристианском всемирном заговоре. Чём влиятельнее секта, тем выше степень посвящения ее руководителя. С тех пор, как масонство "Великого Востока Франции" убедилось, что оно открыто, что организация его и действия стали известны обществу, особенно же с того времени, как оно вступило на арену открытой политической и социальной борьбы: с того самого времени позади него, во второй, так сказать, линии, сформировалось масонство еще более тайное, чем ранее того был "Великий Восток", и в нем восстановилось почитание древнего культа Тамплиеров, Альбигойцев, Гностиков и проч.

---

(1) Сатанизм есть вульгарный культ диавола, как нечистой силы, в концепции наших колдунов, ведьмаков, колдуний и проч. Люциферианство же есть поклонение духу зла, как Богу добра. Бог Ветхого и Нового Заветов для люциферианства есть бог зла, враждебный науке и прогрессу, Люцифер же сеть бог добра, источник и вдохновитель мировой эволюции. "Святые" его - все революционеры.

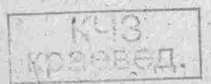
Культ этот не беспредметен и обряды его не лишены внутреннего смысла:

Это религия диавола и в ней заключена страшнейшая опасность для современного общества.

Франкмасонство подразделяется на несколько ветвей; ветви эти: Каббалисты, Теософы, Оккультисты и Люциферианe Палладисты, - в собственном смысле слова. Но есть и еще разветвление все того же франкмасонства, это - спириты, и оно имеет наибольшую распространенность в мире, обнимает собою наибольшее число последователей. Знаток этих различных сект Жорж Буа утверждает, что общее число их последователей превышает собою число евреев и протестантов, взятых вместе. "В каждом, - говорит он, городе Бельгии, Франции, Италии, Голландии, Англии (я говорю только о европейских странах, которые я с этой целью посетил) существуют группы спиритов, которые тут же, вслед, обособляют от себя особое, избранное общество оккультистов, мартинистов и теософов".

Оккультизм не поддается точному определению. Про него можно только сказать, что это некая философская система, соблюдаемая в тайне и находящая себе выражение в символах. Магия есть дочь оккультизма. Оккультисты и маги прибегают к некоторому методу действия для вступления в общение с некими "оккультными силами". Метод этот ими почитается научным. Молодежь в общества эти влечет любопытство, желание увидеть те опыты, как они думают, могут им, якобы, открыть еще "неизвестные силы природы". Молодежи этой внушается, что существует некая "влекущая сила", которая людям, достигшим известной степени совершенства, помогает развить природные чувства и через это увеличить естественный кругозор до бесконечности. Когда внутренняя мощь человека разовьется указанным способом, тогда, де, природа откроет ему свою скрытую энергию, и - смертный уже не узрит смерти, ибо нога его стала уже на пути божества.

Теософия, оккультизм, мартинизм и проч. - все это, по существу своему, различная форма древнего гностицизма первых двух-трех веков христианской эры, основанного евреями с целью задушить христианство еще в его колыбели. Во Франции

гнозис был восстановлен в 1890 году Jules Doinek, лем, впоследствии, однако, отрекшимся от своих заблуждений и обратившимся к христианской вере с ясно выраженными признаками чистосердечного раскаяния.

В наше время у гностицизма имеется своя иерархическая организация, есть и доктрина, восстановленная из древнего гнозиса. Существует и гностическая литература в виде двух "Обозрений": 1/ "la Cnose", ежемесячное обозрение эзотерических знаний. Это - орган группы гностиков, руководимой неким доктором Fabre des Essarts, выдающим себя за преемника умершего Doinel,я. Он именует себя Синезием архиепископом Парижским и епископом Mon Fsegur,а. 2/ Второе обозрение называется "Пробуждение гностицизма" и выходит два раза в месяц. Это орган доктора J.B.Bricanol, именующего себя "Его Блаженство Иоанн II-й, верховный патриарх". Редакция этого органа находится в Лионе. Большинство инициаторов этого гностического движения - жители г. Лиона. Ими основано несколько книжных издательств и магазинов для пропаганды своей и родственной по духу литературы, в сущности же для переиздания переводных произведений древних еретиков.

Чтобы быть принятым в секту, надо исповедовать два основных догмата возобновленного гнозиса: веру в эманацию (1) и веру во спасенеие через знание ("Gvobig"). Догмат эманации противополагается догмату Бога-Творца; догмат спасения через знание - догмату спасения через веру. Вступление в секту гностиков совершается через рукоположение от гностического епископа. Получившие это "рукоположение" именуются "пневматиками", т.е. духоносными. Следующая вторая степень посвящения называется "диаконатом", а третья - "епископатом" Епископ избирается собранием верных и диаконов. Избрание подносится на одобрение "Высочайшего Синода", составленного из всех епископов и из всех "Софий" (женщин, посвященных в тайны Гнозиса). Председателем этого "Синода" состоит гностический "патриарх", временный глава гностической церкви. Духовный же и небесный глава церкви этой есть

---

(1) Эманация - истечение. В данном случае вера в непрестанное, - подобно благоуханию от цветка, - истечение всего сущего от верховного Божества, невыразимого и невыявленного Откровением.

"София" - "премудрость", что для чтущего и разумеющего никто иной, как Люцифер.

Епископ, по избрании, правомочия свои получает через та-
инство рукоположения. Каждый епископ управляет своей
епархией, которая состоит из нескольких групп пасомых, име-
ющих во главе, каждая из них, диакона и диакониссу. Звание
"патриарха" равно-честно званию верховных вождей масо-
нства и ими таковым признается. У гностиков существует свой
культ, описывать который не представляется полезным. Про
него достаточно сказать, что гностическое богослужение на-
сквозь пропитано христианской литургикой, но формулы ее
скрывают за собой беспримерное люцифериантство, ибо все свя-
щенные песнопения и возгласы, относящиеся к Богу, там обра-
щаются к Люциферу. Обряды христианского богослужения,
применяемые в гностицизме, приспособлены к валентианов-
ской догме [1]. Облачение гностического священства во многом
сходно с облаченеием католического

ТЕОСОФИЯ выдает себя за эссенцию всех религий, про-
шедших, на стоящих и будущих. Центр ее находится в Лондо-
не. Учение это мало по малу распространилось уже по всему
свету и в Индии, и в Австрии, в Новой Зеландии, и С.Амери-
канских Соединенных Штатах, на Антильских островах, в Ан-
глии и Франции.[2] Французское отделение секты теософов
находится в Париже, N 59.

В нем имеется 25 подотделов и несколько действующих цен-
тров. От французских теософов - "Bullefin de la section francaise
de la socicfe fhe,sophigue". [3]

---

(1) Валентин - Ересиарх II-го века был одним из творцов гнозиса и догмата эманации

(2) Основательницей этой секты была русская Елена Блаватская. В насто-
ящее время глава секты - Анна Базант, разводка методического пастора и
"подруга жизни" известного умершего ирландца-революционера Брэд-
лоу.

(3) Лионский областной союз спиритов 15-го октября 1903 года собрался
на первую свою конференцию в Лионе, в зале собралось 800 человек.
Порядок дня был принят единогласно (за исключенеием 6 голосов). Он
призывал Комба довести до конца дело лаицизации школы и выразил
пожелание, чтобы спиритизму было отведено, наконец, подобающее ему
место в мире. Комбу тут же была послана докладная записка, убеждающая
его ввести изучение спиритизма в программу народного образования, в
частности же, как обязательный предмет во всех гимназиях. Автор этой
докладной записки, один из наиболее аворитетных и деятельных предста-
вителей спиритической религии, поводом к тому выставил, между прочим,
то, что, по его мнению, ни церковь, ни университет не дают ответа на
запрос души о судьбе человека и не могут дать правильного направления
его уму.

В мае 1907 года Charornae созвал конгресс оккультистов в Париже, в амфитеатре "Crand Hotel des sociedes savantes".

Этот конгресс высказал следующие пожелания: 1) чтобы администрация и представители общественности оказывали содействие применению психотерапии в деле перевоспитания детей и перступников всех категорий. 2) чтобы по всем городам оккультистам были разрешены публичные лекции и дано право устраивать подписки и собирать пожертвования на устройство оккультных библиотек. 3) Чтобы устроено было осведомительное бюро по оккультизму, где бы было сосредоточено производство опытом, и где велась бы регистрация преступлений, совершаемых религиозным фанатизмом (Под "религиозным фанатизмом" подразумевается всегда христианская Церковь).

На том же конгрессе было постановлено возложить на все оккультные братства и на отдельных оккультистов обязательную пропаганду в народе законов "мира и высшего знания" для того, чтобы эти законы легли в основание эволюции человеческого общества и вели его к социальному идеалу Прогресса и Братства".

За три года до реорганизации гнозиса был вызван к новой жизни доктором Папюсом (настоящее имя Encacesse) и мартинизм. Этот Папюс один из опаснейших люцифериан нашего века. Мартинизм был основан в 1754 году португальским евреем Mfrtintz Pasquelly: первым его последовлателем и учеником был Houir Uaude de Saint - Martin. У секты этой, таким образом, есть двойная причина называться мартинизмом.

Мартинизм берет свое непосредственное начало у еврейской каббалы, и ему принадлежит видная роль во всех ужасах Революции. В наше время он служит связующим звеном между большинством групп оккультистов, и гнозис без его помощи не мог бы выйти из области теории и получить современной своей реализации. Пожизненным великим мастером мартинизма состоит все тот же Папюс, ему принадлежит и председательствование в верховном совете мартинистов, состоящем из постоянных пожизненных членов. Под руководством Папюса образованные молодые люди, ищущие посвящения, проходят курс магических наук, и некоторые из них уже и сами стали

учителями магического знания. Тем же Папюсом пущено в ход колоссальное дело учреждения по всему свету групп эзотериков, ныне распространившихся во всем цивилизованном мире и служащих питомником высших служителей Люцифера. Папюс редактирует и издает ежемесячный журнал под названием "Хирам". Им основан Институт высших герметических наук с трехлетним курсом, окончание которого дает право на получение диплома. Менее 150 учеников в Институте этом не бывает.

В мартинизме 3 степени. Силу его составляет система посвящения, по которой тот, кто посящает, может быть известен только двум лицам: тому, кто его посвятил и тому, кого он сам посвящает. Этой системой утверждается так называемая "цепь молчания", столь необходимая оккультным обществам. Даже в недрах масонских лож и в ложах, от них зависимых, т.е. во всех тайных обществах, многие из членов могут знать только лишь очень немногих из своих собратий. Посвящающему одному лишь вменяется в обязанность не только знать, но и никогда не упускать из виду им посвященного.

Но помимо трех степеней в мартинизме существует еще как бы государство в государстве, нечто среднее между степенью и орденом.

Посвященные в него называются "Розенкрейцерами" и быстро размножаются в парижском мире - в высшем его обществе, в журналах, газетах, открывая мартинизму доступ повсюду, особенно же в университетском мире, где он становится полновластным хозяином. (1)

(1) Любопытную справку о масонском засилье в ученом и учебном мире Франции дает монархический и католический орган "he Gaulois" от 24 ноября 1910 года в статье Maurice Galncegra - h,Histoire ou hucee". Вот что пишет по этому поводу Н.Бутми в N 525 газеты "Земщина" от 9 января 1911 года:

"Всем, кто сколько-нибудь следит за жизнью европейских государств, известно, как систематически и упорно проводятся во французской школе идеи безверия и антипатриотизма, как всякое упоминание о Боге и религии тщательно исключается из французских учебников, как до неузнаваемости искажаются в этих учебниках священное достояние народа - его история, как величайшим историческим подвигам и славным событиям французской истории придается такое освещение, что вместо чувства национальной гордости, изучение такой искаженной истории вызывает в молодежи презрение к прошлому своей страны и своего народа. Грубейшая фальсификация в направлении производится с чисто иудейскими беззастенчивостью и цинизмом.

"he gaulois" от 24 ноября 1910 года в статье Мориса Тальмейра "История в лицее" приводится пример беззастенчивой фальсификации, направленной к развенчиванию и унижению в глазах будущих французских всего, чем создано было величие Франции.

Дело идет об учебнике "История Франции", составленном преподавателем лицея Альбертом Малэ, одобренном правительством и имеющем большое распространение, как в учебных заведениях, так и в частных домах.

Общий тон этой "Истории Франции" таков, что все "происходившее до 1879 года, все, что создали и любили предки, чем они жили, представлено каким-то ужасным кошмаром, а все, что было после великой французской революции - чистою идиллиею, верхом справедливости, добродетели и счастья". В учебнике этом встречаются настоящие перлы в смысле тенденциозного искажения фактов. На один из таких перлов обратил внимание Мориса Тальмейра известный во Франции историк Ричард де-Бойссон, приведя в своем письме к нему следующий отрывок из упомянутой "Истории Франции" Альбера Малэ:

"Феодалы бывали часто не только разбойниками, но настоящими хищными зверями: таков, например, этот дворянин из Перигора, современник Франца-Августа, по приказанию которого в одном монастыре в Сарла у 150 крестьян были отрублены руки и ноги и выколоты глаза в то время, как жена его занималась вырыванием ногтей и грудей у бедных крестьянок".

"Таким образом, - говорит Морис Тальмейр, - неосведомленный читатель, а таких большинство, в особенности же ученик у класса, столь же впечатлительный, сколь неспособный к критике, естественно должен прийти к выводу, что в средние века феодалы во Франции выкалывали глаза и отрезали руки и ноги у сотен несчастных крестьян, с целью доставить себе развлечение, и что это было столь же обыденным занятием, как охота, турниры, празднества или обучение военному искусству". Попутно делается намек, что католические монастыри были соучастниками подобного варварства.

Историк де-Бойсон, возмущенный явною недобросовестностью составителя учебника, стал доискиваться, откуда этот последний мог почерпнуть данные, возводящие столь тяжкое обвиненине на целое сословие средневековой Франции, и после долгих поисков нашел, наконец, указание на вышеприведенный факт в летописи Ионна Тарда. Вот что говорил об этом летописец:

"1209 год. В эти времена только и говорили, что об еретиках Альбигойцах...

1210 год. Против Альбигойцев обьявлен Крестовый поход: граф де Монфор назначен командующим армией. В течение 1212 и 1213 гг. он воевал в Лангедоке, а в 1214 прибыл в Креси... и, продолжая свое победоносное шествие, в ноябре появился на берегах реки Дордон, чтобы вытеснить этих мятежников из их укреплений. Он осадил замок Бернарда де-Козеак, считавшийся неприступным, и взял его, не встретив сопротивления, так как владелец замка бежал и оставил свое жилище пустым и беззащитным. Замок этот был разрушен до основания ввиду тех жестокостей, которые Бернард де-Козеак и его жена учиняли над католиками, ибо этот тиран, встречая католиков, направлявшихся в армию крестоносцев, приказывал отрубать им руки и ноги и выкалывать глаза или убивать в то время, как жена его, с подобною же жестокостью, приказывала обрезывать у женщин груди и пальцы рук, чтобы лишить их возможности работать... Граф де-Монфор, взяв этот замок, нашел затем в монастыре Сарла 150 мужчин и несколько женщин, искалеченных, как было описано вышеупомянутым Козеаком и его женою, и нашедших приют и пищу в монастыре..."

Из бесхитростного повествования летописца совершенно ясно, что дело происходило в эпоху религиозных войн католической Франции против жидовствующей ереси Альбигойцев, утвердившейся, как известно, на юге Франции в X1 веке и уничтоженной в XIII веке. Для борьбы с этой противною Церкви и Государству, созданною иудеями сектою, был обьявлен Крестовый поход, причем французские дворяне, верные Церкви Христовой под предводительством графа де-Монфор, выступили на защиту Церкви, Государства и несчастного христианского населения, которому нередко приходилось становиться жертвою сектантского изуверства и жидовствующих дворян-Альбигойцев, о чем и свидетельствуют подвиги Альбигойца Берьнарда де-Козеак и его жены, описанные летописцем, как одно из проявлений изуверского фанатизма. Что же касается католических монастырей, то они, как видно из летописи, исполняли свой долг

христианского милосердия, давая приют жертвам жидовской ненависти против Церкви Христовой.

Таковы факты в беспристрастном описании летописца, но современный учитель и составитель учебника, проникнутый масонскими идеями, ни одним словом не упомянув о том, что виновниками описанных зверств были жидовствующие Альбигойцы, прародители нынешнего масонства, сумел эти зверства жидовствующих изуверов приписать христианскому рыцарству с гнусною целью вызвать в юных сердцах негодование и презрение к тому сословию, трудами и подвигами которого создано французское государство.

Что иудейско-масонская организация, стремящаяся обратить человечество в однообразное, удобоуправляемое стадо, усердно искореняет в молодых поколениях все, что может вызвать укрепление национального чувства - вполне понятно, но глубоко печален тот факт, что правительство находится во власти этой жидовствующей организации и является, таким образом, соучастником масонского заговора, направленного против народа и государства.

Если во Франции воспитание молодых поколений в духе масонского безверия и жидовского антипатриотизма проводится вполне систематически и беспрепятственно, то попытки в этом направлении наблюдаются, к несчастью, и у нас в России.

Известно общество, именующее себя "Freres gosiernciens de la Roscoce" (1). Органом этого общества служит ежемесячник, основанный 25-го октября 1906 года под названием "Les entretiens idea listes". Журнал этот открыто обьявил себя католическим и даже воюющим с модернизмом. Но стоит только прочитать его главные статьи, в особенности статьи редактора Paul Vuillaud, чтобы стала очевидной проповедь в нем неогностиков и теософов (2). Теперь, впрочем, этот журнал и не скрывает своих симпатий к оккультизму и объявляет о бесплатной высылке своим читателям пространных каталогов по оккультному учению.

Немало католиков уже впало в соблазн утверждением, пущенным в оборот еще в конце XYIII века одним из главарей масонства Вейсгауптом, что "все религии, не исключая и христианской, содержат в себе эзотерическое учение", что это-то вот тайное учение Христа, ставшее ныне известным Церкви, и нужно, де, сообщить миру, чтобы посвятить человечество в истинную мудрость - в гнозис и подготовить его к истинному католическому, единой истинно-всемирной религии..."

---

(1) "Rosace" - архитектурное украшение в виде розы или звезды.

(2) Уже с 3 книжки журнала г. Vuillaud объявил, что в нем начнется печатанием впервые появляющийся на французском языке перевод еврейской эзотерической книги "Зогар". В статье своей по этому поводу Vuillaud не постеснялся предупредить читателя, что "все религиозные и философские системы во всем, что в них есть истинного, заключены в существе каббалистической философии". К этому он добавляет, что "мысли, выраженные каббалистической мудростью, тождественны с изложенными в христианском учении". То же повторено автором и дальше, причем он уверяет, "что каббала была оклеветана". Система г.Vuillaud с особой

откровенностью выясняется им в целой серии статей, озаглавленных "Mystagogiques".

Достаточно прочитать номер январь-февраль 1910 года жулрнала "he Reveil gnostique", чтобы убедиться с какой силой гностики и все им подобные отступники ожидают и предсказывают близость нового "Золотого века". Эти-то безумные надежды, засеваемые в народе тысячами сектантских изданий, и могут объяснить безнаказанность вожаков социализма, обещающих реформы, явно химмеричные. Толпа, настроенная этими изданиями, смутно верит наступлению нового, якобы мессианского строя и в прогрессе демократии усматривает зарю вновь обретаемого райского блаженства (1).

Таков могучий рычаг, который своими руками Сатана подвел под христианское общество в лице выше зарегистрированных нами оганизаций.

Теперь обратимся к спиритам.

САТАНА. СОВРЕМЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО. СПИРИТИЗМ.

Из вышеизложенного, таким образом, очевидно, что в наше время у Сатаны есть и своя оккультная церковь, свое общество верных, свои обряды, своя литургия - словом, полное дъяволос-

(1) По учению современных гностиков, вся история человечества заключает в себе девять эпох, в течение которых бездушная материя, под влиянием воздействия некоей "астральной материи" возвышаясь постепенно, достигает обожествления. Первая эпоха - эпоха браманизма, вторая - религия Египта, третья - христианская, четвертая - ревоюционная (в ней теперь мы и находимся), пятая - всемирной республики. Шестая, седьмая и восьмая эпохи в будущей истории человечества явятся, по учению этих еретиков, столь возвышенными для нашего понимания, что сущности их теперь еще и определить невозможно. Последняя девятая эпоха будет эпохой обоготворенного человечества.

Таково фантастическое мечтание, положенное в основу всех декламаций о "прогрессе" и духовном росте человечества, и им создается то состояние умов, которое служит на пользу только франк-масонству, но отнюдь не христианству. Когда нам неустанно жужжат в уши о том, что демократия есть конечная цель, до которой может достичь христианство, то под этой демократией подразумевается не форма правления, а ступень некоей таинственной лестницы, по которой человечество возводится к бесконечному. Всемирная республика, которую подготовляет прогресс, будет, по учению гностиков и масонов, настолько выше средневекового христианства, насколько это последнее, в свою очередь, было выше браманизма и языческого мира. Эта республика создается на смешении воедино всех вероучений, на уничтожении понятий патриотизма и родины, на отмене частной собственности и на рузрушении семьи.

Вот тот демократический идеал, которому поклоняются и служат и гностики, и масоны, вернее - все вдохновляемые ими демократы всех школ и именований.

лужение по подобию Богослужения, но во всем ему противоположное. Это - факт, и оспаривать его невозможно. Сила и влияние Сатаны над сынами противления и по гибели, из которых большинство спириты, огромны, если только не неограниченны, спириты же в главных догмах своих принадлежат к гнозису.

Спиритизм известен не со вчерашнего дня: деятельность его можно проследить во все времена и во всех странах. С особенною же силою он действовал в язычестве. Цицерон сообщает (1), что друг его, Аппий, вопрошал мертвых, и у Аппия это было обычным делом.

Также и по соседству с Арпинумом на Авернском озере - читаем мы у Цицерона - появлялись из глубины мрака вызванные тени умерших с еще необсохшею на них кровью. Оракулы мертвых находились повсеместно: их вопрошали и в Феспротии и на берегах Ахерона, в Аркадии, в Фигалее, на Тонарском мысе, в Гераклее, на Понте, в Кумах. И не одно только простонародье веровало в этих оракулов, но и цвет интеллигенции того времени Периандр, один из семи мудрецов, велел сперва зарезать свою жену, а потом посылал за советом к ее вызванной тени (2). Павзаний сам вызывал душу убитой им девушки (3). В свою очередь, старейшины Спарты заставляли Фессалийских некромантов вызывать душу Павзания (4). Тиверий казнил Ливия Друза за оскорбление величества при вызывании им душ умерших. Аппион-грамматик вызывал тень Гомера, чтобы узнать от него об его отечестве и об его родных (5).

Подобные же вызывания совершались в средние века колдунами и магами. В наши дни занятие спиритизмом стало принимать такие размеры и значение, что нет возможности не предасться по этому поводу самым тревожным опасениям.

Спиритизм, по определению спиритов, есть система сверхественных отношений людей с чистыми духами. По утвержде-

---

(1) Guseulanac. 1, 16.
(2) Геродот. у 92.
(3) Плутарх. Жизнь Кимона.
(4) Плутарх. Об отстрочке божественного правосудия.
(5) Плиний Старший. XXX, 6.

нию последователей, спиритизм обладает известными ему способами преступать границу, отделяющую царство людей от царства чистых духов, и вся система спиритизма основана только на том или на другом сочетании этих способов в более или менее удачных комбинациях.

Несомненно случаи обмана или заблуждения при спиритических сеансах бывают многочисленные, но не менее многочисленны и факты, характерные по своей сверхественной природе, и факты эти были так подробно обследованы, что по отношению к ним никакое сомнение невозможно. Отношние к этим фактам со стороны исследователей бывает двоякое: с одной стороны, их всех гуртом стремятся уложить в узкую форму научности, а с другой, их целиком отвергают, отбрасывая их в область шарлатанства и фокусничества. Нес сомнения, что при спиритических опытах бывают обманы, но, как говорит доктор Grasset, ошибочно будет утверждать, будто все медиумы прибегают к обману, и что медиум, однажды изобличенный в обмане, обязательно будет обманывать и во всех остальных случаях. С другой стороны, спиритические феномены не могут быть производимы всякий раз по желанию и воле их производящего, а это не дает возможности отнести их к области науки. Нельзя применять к ним и обычных науке точных приемов научной проверки. Прежде всего, для спиритических опытов необходим медиум(1). Мало того, даже и при наличности медиумов, опыт не всегда удается, ибо есть какая-то тайна в самом основании опытов, от которой зависят многочисленные неудачи в их производстве. "Феномены спиритизма, - говорит Maxwce, - не подчиняются дисциплине". Charles Richet говорит, что "такая неопределенность и случайность результатов опытов, производимых при одинаковых условиях, делает и самый спиритизм неподводимым, как случайность, под определение науки".

Таким образом, между явлениями физического мира и спиритизма лежит совершенно непроходимая грань: первые совер-

(1). Медиум - существо, человек - посредник. Так называется человек, - мужчина или женщина, - который является посредником между земным миром и миром духов. При его посредстве и могут только производиться спиритические опыты. Есть медиумы так называемой материализации, при их посредстве происходит видимое явление духов, как бы в плотской оболочке.

шаются явными силами природы или самостоятельно, или при посредстве вмешательства в них повелевающего им и в то же время им подчиняющегося человека. иными словами, - человек достигает выявления этих сил с помощью тех приемов, которые им самим заимствованы у природы. Человек изучает, например, свойства пара, электричества и пользуется ими для своих надобностей при условии, однако, соблюдения в точности тех законов, которые управляют этими силами и которые человек только лишь направляет по своему усмотрению.

Это область науки, область физики.

Но когда одним прикосновением к столу, мало того, - одним внутренним пожеланием, - человек может добиться невидимого явления некоего существа и даже беседы с ним, как с существом разумным и свободным, и, кроме того, невидимым и угадывающим его желание и мысль, то становится ясным, что тут имеют дело с духом.

Hanniarol du Dot сообщает, что в одной провинции пять епископов собрались однажды для совместного обслуживания некоторых вопросов церковного учительства и церковного права. Было это в 1849 году. Желая убедиться в истинности феномена вертящихся столов, они устроили между собою спиритический сеанс. Когда стол завертелся, епископы положили на него служебник и четки. Стол яростно сбросил с себя и то и другое на пол, а самого местного епископа вытолкал за дверь.

По всем признакам, Сатана в наши дни желает больше, чем когда-либо явить себя миру, но не с тою простотою, как раньше, а под прикрытием науки: тысячи ученых математиков, физиков, химиков и прочих служителей науки и знания устремились в область оккультизма с целью подвергнуть его своим опытам и уловить его законы.

Манифестации спиритизма попущением Божиим, впервые возобновились в наши дни в Америке, в 1847 году. В этом году князь тьмы открыл целый ряд манифестаций, последнее слово которых доселе еще не сказано, но которым суждено распространиться по всему миру. Первое его появление было в семействе некоего Фокса, проживающего в маленькой деревушке Хидервиль, в штате Нью-Йорк: семейство это было посещено

каким-то духом, который свое явление обнаружил таинственными стуками в доме. Сначала Фоксы были удивлены и даже перепуганы, но затем страх уступил место любопытству, и Фоксы постарались войти в общение с тем, кто производил эти стуки. Молодые девицы из семейства, в ответ на стуки, стали щелкать пальцами, и чьи-то пальцы ответили им таким же щелканьем. Так был установлен первый способ общения с кем-то. оказавшимся существом разумным. После того семейство Фоксов переселилось в Рочестер, дух последовал за ними и в этом городе обрел для себя более широкое поле деятельности, более обширный круг свидетелей, тотчас же ставших его апостолами, тем более, что, не оставляя Фоксов, дух последовал за ними и в их жилища, расширяя тем самым все более и более свою деятельность.

В 1853 году в Америке уже 500 тысяч человек находилось в постоянном общении с "душами умерших", а также и друг с другом с помощью двенадцати журналов и газет. По подсчету Babinet в одной только Америке несколько лет тому назад одних медиумов насчитывалось 60 тысяч человек, а уже в 1855 году Emmf Harting-Buttou в той же Америке насчитывалось 12 миллионов последователей спиритизма. Немного позже, судья Edmunds, сенатор и президент Палаты Штата Нью-Йорк, открыл еще до 3 миллионов новых исповедников этого лжеучения.

Сколько же их теперь в мире?

"Чрезвычайная популярность спиритизма, - говорит Lules Bois (1), - происходит от чрезвычайной общедоступности его чудес: все в них необыкновенно просто и доступно даже простонародью. Бог спиритизма - бог для всех, по плечу каждому, бог - демократ!"

У спиритов бывают свои международные конгрессы. Такие конгрессы были в 1884 году в Брюсселе, в 1886 году в Барселоне, в 1889 году в Париже. Этот последний, по случаю исполнившегося в 1889 году столетия со дня французской революции, собрался в "Великом Востоке Франции", в явное доказательство своих сношений между масонами, евреями-

---

(1) "he monole invisible" , 307 стр

талмудистами и сатаной. На этом юбилейном конгрессе присутствовало 500 членов.

На конгрессе 1900 года инициатором его, аббатом-спиритом Julio, были приглашены "все католики Старого и Нового Света, миряне и священники из числа тех, кто не может оставаться в стороне от научного обновления, влекущего человечество к славной конечной цели, указанной ему Божественным Учителем (?)" (2)

Заседания конгресса, - говорит Durville, - происходили в доме общества "Землевладельцев Франции" в составе весьма значительного числа магнетизеров, спиритов, герметиков, теософов и независимых спиритуалистов, явившихся на конгресс в качестве представителей от обществ и групп всех частей света. На этом интернациональном конгрессе спириты изложили в главных чертах основы своей религии.

"Denis, уже раз председательствовавший на конгрессе 1889 года, и на конгрессе 1900 года был вновъ избран председателем. Заняв председательское место, обратился к конгрессу с такой речью: "На конгрессе 1889 года, - говорил он, - перед спиритизмом стояли еще многочисленные препятствия и поступательное движение его еще было колеблющимся. Ныне число его последователей настолько умножилось, что им заинтересовались и публика, и пресса. Последователи нашего учения находятся и в мире науки, и в самых высоких сферах общества. Оккультные силы и сами действуют, и человеческую деятельность поддерживают в желательном для них направлении. После периода пропаганды и распространения нашего учения, для него ныне наступил период внутренней организации. Настал час, преисполненный надежд и обещаний: народная масса приведена в движение глухой работой мысли; ум и совесть к исканию нового идеала. Спиритизм представляет собой тот могучий росток, который в развитии своем приведет к перемене законов, и дней и общественных сил... Спиритизм призван переделать науку и не только науку, но и все религии; его влияние будет могущественно и в сфере социальной экономики и в общественной жизни. Нет силы, которая могла бы остано-

---

(2) "Rrevue du monole invisible". Сентябрь 1889 года.

вить спиритизм в его движении, ибо он проник в умы и сердца миллионов людей".

Таковы речи руководителей спиритов. И слова эти далеки от пустого бахвальства.

Итак, земля покрыта спиритами. Их можно найти повсюду, на всех материках. Они проникают в какую угодно среду, всюду содействуя и оказывая поддержку всем делам сатаны. Гнозис нашел себе прозелитов в рядах спиритов из интеллигенции, в среде литераторов, в свободных профессиях и, наконец, в среде, принадлежащей к высшему обществу. (1)

Для пропаганды своего учения спириты более всего рассчитывают на женщин. В докладе своем, читанном на общем заключительном заседании конгресса 1900 года, соединившем все спиритические школы, доктор Папюс сказал: "Наши конгрессы успехом своим обязаны женщинам: недаром говорят, что за кого стоит женщина, за тем обеспечена победа. Это их, женский, апостольский труд в промежутках между сессиями подготовляет успех нашим собраниям. Как неутомимые пчелы, летают они повсюду, собирая мед истины. Не будем же неблагодарны и воздадим должное женщине за успех спиритуалистической идеи во всех классах общества".

Таким-то образом, образовывается во всех странах новая церковь, с новым культом новой религии, цель которой изъять духовное управление человечеством из рук Церкви Христовой и передать ее власти духов, подготовляющих путь ко всемирному на земле царству хозяина их, Люцифера. "С помощью спиритизма, - так на конгрессе 1900 года говорил пастор Beversluis, - христианство (но только не официальное христианство) достигнет своего совершенства и... тогда - долой попов,

---

(1) Gaston Mery, основавший журнал "Эхо чудесного" поместил 10 сентября 1907 года в газете "hibre Parde" статью в которой утверждает, что аристократия вопрошает духов так же, как и во времена Калиостро. Для этой цели в ее салонах пользуются дощечкой из лакированного дерева, на которой написаны все буквы азбуки. На эту дощечку кладут нечто вроде небольшого опрокинутого вверх дном блюдечка с изображенной на краю его стрелкой-указателем. "Мне известны - говорит Gaston Mery, - салоны, где спиритические сеансы устраиваются периодически. Во время этих сеансов дамы из общества читают с помощью блюдечка перед приглашенными проповеди диавола и проповеди эти собирают потом в отдельные томики. В одном Париже найдется не менее трех-четырех книгопродавческих фирм, где люди из общества и из простонародья могут запасаться этой якобы загробной литературой на всякую цену, с очевидной целью пропаганды."

долой принуждение совести! Не будет тогда нужды ни в слепых подвижниках, ни в обоготворении авторитета одной книги; не нужно будет ни конфессионализма, ни догматичеєкой системы; тогда - прочь страх перед жестоким Богом, долой посредничество святых за людей перед Богом!"

И это-то часто именуется усовершенствованнием, очищением и упрощенным христианством!..

Программа этой новой религии состоит из двух частей - разрушения и созидания: 1) разрушение христианской Церкви и полное искоренение веры в Господа нашего Иисуса Христа; социальная революция при поддержке анархизма, имеющего цель поднять пролетариат против высших классов; ниспровержение идолов, т.е., ложных богов (под этим подразумеваются три Лица Пресвятой Троицы), низложение царствующих, всякой аристократии, дворянства, духовенства и отмена частной собственности. 2) Создание культа, основанного на истине и разуме, коему будет усвоено именование научного христианства ("Christianscience").

Спиритическое общество "Christianscience" было основано в 1879 году в Бостоне некоей мистрисс Эдди, получившей среди своих последователей имя "матери научного христианства"[1] Из Америки это общество распространилось повсеместно. Тридцать три года спустя после своего основания оно насчитывало уже 600 000 членов. Митрополия "сциентистов" для Европы находится в Лондоне. В 1905 году "Christianscience" имело уже 908 церквей или обществ в С.Штатах, в Канаде, в Мексике, на Филиппинах, во Франции, в Англии, в Норвегии, в Швейцарии, в Италии, в Индии, в Китае и других местах. Коренная их церковь находится в Бостоне и насчитывает в своей среде 34 000 членов. По мнению основательницы, сциентизм менее чем через 50 лет будет религией преобладающей в мире.

Может показаться странным, что секте, главной целью которой поставлено разрушение Христовой веры, усвоено название христианской, но это объясняется тем, что "христос" сциентизма есть некий "мировой разум", он же - "великий

---

(1) В декабре 1907 года мистрисс Эдди получила от французского правительства патент на звание "Officier d Academie".

магический возбудитель", - другими словами, Люцифер. Собственно говоря, сциентизм или "Christianscience".есть религия Сатаны, и к этой-то религии и должны привести все спиритские опыты и манифестации.

Доктор Yibar в книге своей "hes choses de l,anfre Leode" сообщает, что на сеансе у некоего г. Nus столик поведал присутствующим, что."новая вера заново переделает своды старого христианского мира, расшатанного под ударами протестантизма, философии и науки".

Переделка эта состоит в замене царства Христова царством диавола. "Заканчивающийся уже ныне труд наш, - утверждают спириты, есть прелюдия того философского и нравственного обновления, которое вскоре обнимет собою весь земной шар".

Таким образом, вызываемые в спиритизме духи в великом между собою согласии всячески стараются внушить спиритам всего мира одну великую ненависть - ненависть к Христовой Церкви, как к извечному врагу, которого надо во что бы то ни стало уничтожить. Когда приходится читать журналы и произведения вождей спиритического движения, то невольно поражаешься той страшной силе ярости и ненависти, которою дышат они против догматов веры и Церкви и против церковной иерархии. И цель у всех них одна - основание новой религии на месте Христовой веры, учреждение вместо Христова царства на земле царства Его противника, диавола, в лице лжемессии Израиля, антихриста".

Капитальный труд монсиньора Delassus, из которого мы извлекли вышеизложенный небольшой отрывок удостоен особого одобрения высшей церковной власти, утвержденного благословлением святейшеего престола Римского первосвященника.

Он - голос всей римско-католической церкви и, как таковой, не лишен значения и для Церкви Православной, а как ученое исследование знаменитого специалиста и знатока тайн масоно-еврейства, он является неоспоримым авторитетом для каждого, добросовестно желающего проникнуть и уяснить себе сокровенный смысл и значение переживаемого великого исторического момента.

ВЕЛИКАЯ ЛЕГЕНДА ОБ АДОНИРАМЕ

"Я говорю то, что видел у Отца Моего; а вы делаете то, что видели у отца вашего,.. Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего" (Иоан.YIII, 38, 43).

Но и само масонство собственными своими руками приоткрывает перед желающими видеть, слышать и разуметь, уголок завесы, скрывающей за собою страшную и мерзкую тайну своей религии, "тайны беззакония" поклонения сатане, как Единому Истинному Богу.

Завеса эта - "Легенда об Адонираме", о которой известный историк и сам открытый масон "Lhouis Blanc" в своей истории французской революции говорит, что на ней, как на священном фундаменте основано все масонство.

От некоторых даже вполне единомышленных мне людей неоднократно доводилось мне слышать сетование, зачем я в книге своей коснулся этих "глубин сатанинских", зачем я извлек из тьмы на свет Божий эту отвратительно-кощунственную легенду.

Прошу прощения у соблазнившихся и у будущих моих читателей, но легенду эту из моего исследования исключить мне не представляется возможным, ибо она - святая святых масоно-еврейского лжеверия и является единственным неопровержимым доказательством, прямой уликой того, что у масоно-еврейства действительно есть тайна, что тайна эта заключена в его религии, отец которой и бог есть диавол и что ни масонство, ни еврейство доказательство это опровергать не станут, потому что не могут, не смеют.

Сатана со своими поклонниками шутить не любит.

Предлагаемая вниманию читателя легенда, именуемая масонством "великой", представляет собою отрывок из "священной" библии масонства талмудического еврейства, еврейства Каббалы и чернокнижия. Европе она стала известна со времен Крестовых походов, когда христианству Запада пришлось столкнуться с тайными богоборческими силами Востока и, увы, быть оскверненным ими. Силы эти действовали тайно во все

времéна, работали они и во дни Мессии Истинного, но воочию явлены были только со дней знаменитого в летописях истории процесса Тамплиеров, рыцарей Соломонова храма, первых явных представителей этих сил в Европе, едва не сокрушивших во дни своего могущества христианских алтарей и тронов Западной Европы. Прочти легенду эту, читатель! Огради только себя от искушения крестным знамением: пред тобою разверзаются "глубины сатанинские".

(Продолжение следует)

Поэзия

Михаил Вишняков

КАЗАЧЬЯ ПЕСНЯ

* * *

Уснуть никем. Проснуться знаменитым -
такое можно в сумерках, в стране,
с ее давно утраченной элитой,
эстрадой шумной, дерзко плодовитой,
да песенкой, отысканной "на дне".

Что Бога нет, что обнищали души -
есть ложь и неустройство наших дней.
Я блеск таланта чувствую в грядущих,
летящих в безднах, по земле бредущих,
и дай мне, Бог, приветствовать их свет!

* * *

Русская интеллигенция бедствует.
Горестно ищет - что делать и как
в обществе, где непременно соседствуют
белая вилла и черный чердак.
Высохли слезы под жесткими ветрами -
в недрах больной и усталой страны.
Самые честные, самые светлые
на вымирание обречены.
Нет на земле для поэтов землячества,
нет и не жди отпущенья грехов.
Русское, черное, злое босячество
так и глядит из картин и стихов.
Власть не проймешь голубыми листовками,
власть, она личным достатком пьяна.
Черная лошадь страшна забастовками,

белая лошадь ничем не страшна.
Горько шумят над Россией осинники,
темень к душе подступает, как тать.
Время приходит, друзья-сотаинники,
нам беспощадную правду сказать.
Жизнь завершается злыми заметками.
Чу! это к нам похоронная медь.
Черную лошадь прокормят объедками.
Белая лошадь должна умереть.

* * *

Какой народ, какая власть
историю напутствуют?
Земля как будто создалась,
а ось вращения отсутствует.

Вот на дороге столбовой
как будто сшиблись ветры спорные,
поднялся вихорь столбовой,
ан нет - лишь только вьюшки сорные.

А, может быть, срывая злость
бушует космос перегруженный?
Корежит мировую ось
сам Бог или медведь разбуженный?

А кто там дразнит медведей
крушеньем храмов и идей?!

СВИСТ

В этом лагерном веке
повелось неспроста:
память о человеке -
ни куста, ни креста.
Будь ты единоличник
или коллективист -
уходить не привычно
под разбойничий свист.
Разверзается яма,
конвоиры молчат,
только зэки упрямо
и устало свистят.
Свист буравит ущелье,
осыпает скалу.
В нем печаль и прощенье,
и амнистия злу.
И от стенки карьера,
белым прахом роясь,
свист уходит, как вера,
как последняя связь,
с этим лагерным веком,
где давно неспроста
память о человеке -
ни куста, ни креста.
... Вьюги отголосили,
отстучала кирка.
Свист бредет по России,
словно вечный зэка.
То в сибирской деревне,
то в станице донской
ломит ветки деревьев,
стонет болью людской.

Коллективный и страшный
через столько-то лет
он и Спасскую башню
чуть потряхи - вает.

* * *

Коль общество и власть
не действуют согласно,
общественная страсть
разгульна и опасна.

И кровоточат раны,
и некому пенять.
Нет грамоты охранной,
чтоб граждан охранять.

•

Кровавая стихия,
не мозг, а вещество.
Товарищи глухие
не слышат ничего.

Идет на брата брат,
резня, как бой, жестока.
Чуркизм да газават -
религия Востока.

Их танками не смять,
и словом не осилить.
И снова плачет мать,
Гробы везут в Россию.

* * *

Вечное небо томится
бременем жертвенных гроз.
Дервиши и ясновидцы,
где он, ваш тайный прогноз?

Что ожидает Россию?
Пена кислотных дождей,
культ сатанизма, насилье
в космосе, в душах людей?

Что там за столб над закатом,
странно сверкая, горит -
старый чернобыльский атом,
новый ли метеорит?

Где те слепцы и старухи
с книгой оккультных наук?
Слухи, лишь темные слухи
разум берут на испуг.

След отдаленной кометы
давит земная стопа.
Дружно замолкли поэты.
Заговорила толпа.

Яростно заголосили
те, кто безгласен и нем,
кто разбудил эти силы,
не понимая, зачем.

* * *

Опьянила свобода слова:
дайте вволю наговориться!
Не смешалось зерно с половой,
стала речь, как пчела, роиться.

Разлетелась по белу свету,
распылилась по чисту полю.
Говорим и про то, и про это,
обсуждаем, речем, глаголем.

Распалились и не остынем,
словно огненной лавой дышим.
Мир большой, почти как пустыня,
говорим, а никто не слышит.

Открестились враз от былого,
заявляем легко и смело:
опьянившись свободой слова,
протрезвеем ли ради дела?

Стихи о Нерчинске

Нерча, как старинная сабля,
ржавеет среди берегов.
Какой городок угасает
в плену тишины и снегов.
Ветшает и слава, и слово,
и этот, как белый венец,
воспетый в стихах Вишнякова,
почти ренессанский дворец.
Какие здесь гости съезжались
на первых осенних балах,

какие плеча отражались
в заморских его зеркалах.
А пылкие речи, и страсти,
а люстры серебряный свет,
а этот, на смуглом запястьи,
в живых изумрудах браслет!
А белые гулкие своды,
лепные карнизы, цветы...
Восстали б иные народы
при гибели сей красоты.
А наши? Ну... это знакомо,
построив тюремный редут,
у грозных дверей исполкома
стоят за талонами, ждут.
Закат опускается хмурый,
и хмур у прохожего взгляд.
К подножью великой культуры
пустые бутылки летят.

* * *

Катастройка - привычное дело
смуту сеющих, смутно-больных,
порождающих красных и белых,
правых-левых, как братьев родных.

Протянулись незримые нити
от шагов истукана в граните
до последнего шага Христа,
где "убейте, сожгите, распните"
извергают все те же уста.

Полыхает страна, как осинник.
Верить страшно, не верить страшней.

Ничего не случилось с Россией.
Дым Помпеи клубится над ней.

* * *

Уходят из Монголии войска.
И кажутся рисунками наскальными
объекты из металла и песка,
брони и пыли, зноя и окалины.

Земля коловращения племен
с несомкнутыми вечно горизонтами.
За шлейфом наливных автоколонн
пылает Гоби, как дыра озонная.

Глубокий, темный гусеничный след
от Керулена до Онона милого.
И ликованья нет, и горя нет -
путь не усеян русскими могилами.

На первой остановке у берез
радар прощается с буддийским космосом.
Эфир, забитый треском ближних гроз,
наполнился усталым русским голосом.

Нам кажется: - нас - тьмы и тьмы, и тьмы:
грохочут танки и пылят уазики.
Никто не знает Азию, как мы.
Но мы сейчас совсем не знаем Азию.

На родине Есенина

У околицы русской неясности
остановимся и помолчим.
Устрашимся великой опасности
торопливо предстать перед ним -
этим домиком с бедными окнами,
где до боли синеет стекло,
где недальними или далекими
могут быть только песни его.
Под обрывом Ока предвесенняя,
снег и слякоть, и март голубой.
Это - родина, это - Есенина
неизбывная радость и боль.
Здесь дорога рязанская древняя
незаметно укрылась в село,
словно неопалимая временем
безызвестность и слава его.

Казачья песня

Гуляй же со мной
мой конь вороной,
седая головушка.
Да пика остра,
да пламя костра,
да в поле соловушка.

Гуляй же, гуляй,
друзей вспоминай,
судьбину казацкую.
Прошел эскадрон
Аргунь и Онон,
и степь забайкальскую.

Гуляй же, гуляй,
друзей вспоминай.
Эх, верные соколы.
Сказал атаман:
- На сопках туман,
а солнце за сопками.

Сказал есаул:
- На сопках багул
огнем разливается.
Хорунжий сказал:
- Нет, это гроза,
гроза надвигается.

Ты помнишь, казак,
турецкий табак
и почести царские.
Вершины Балкан,
и братьев-славян,
и волны дунайские.

Останусь живой -
поеду домой.
Скачите, дозорные.
Аллюр - три креста!
Встречай нас Чита,
цветочек лазоревый!

Вечерняя казачья песня

В поле, в чистом поле в первом эскадроне,
у костра ночного пели казаки:
эх ты, пуля-дура, ты нас не догонишь,
только пыль седая сядет на виски.

Ворон, черный ворон, басурман безбожный,
мы еще живые, мы еще поем.
Наша сила в саблях, наши сабли в ножнах,
наша память в поле, в ковыле степном.

Чарку пригубили, будто погостили
во своей станице и опять в седло.
Воля нас родила, сабля нас крестила,
нашу путь-дорогу вьюгой замело...

* * *

Российская воля - широкое поле
и ветер, и дождь.
Старинные кони бредут с водопоя,
и ты, как слезинка, за ними бредешь.

Роса накипает. Колосья продрогли
и зябко шумят.
Луга и стога, полевые дороги
ненастную, долгую думу таят.

А ветер срывается, гулко и странно
по дуплам гудя.
И поле туманно, и воля обманна,
один ты живой, беспризорник дождя.

А цвет одичалой нагорной рябины

волнует до слез.
Любимой приснился не ты, а любимый,
под шапкой весенних ревнивых берез.

Такая эпоха, пути и распутья,
Отечества дым...
По вере и чувству, точнее, по сути
довольно тебе! И довольно другим.

* * *

Этот букет у меня на столе -
лучший подарок давно позабытой подруги.
Будут еще на земле
вьюги на вьюги.
Будут среди беспризорных ночей
в душу стучать ледоходы и лодки.
Будет золотоносный ручей
мыть и выкатывать рыжие самородки.
Будут поэты Сибири мне руку жать.
Поле цвести, наливаться спелью,
женщины - обожать
и предаваться веселью.
В горе и славе, в памяти и седине
всех нас прибьет к одному причалу.
Бог моей жизни придет ко мне
хмурый, но величавый.
В семьдесят с лишним лет
скажет: твой путь в перепутьях вьюги.
Был этот белый-белый букет
лучшим подарком давно позабытой подруги.

Троице-Сергиева Лавра

С.К.

Проснешься, а Лавра сияет,
горит и восходит из тьмы,
и нимб золотой осеняет
поля, перелески, холмы.
И липу, и ель голубую,
они здесь прижились давно
в усадьбе, где небом любуясь,
в зарю засмотрелось окно.

Волнуюсь, пытаюсь ревниво
понять эту русскую даль,
холмы этой вечной равнины,
ее синеву и печаль.
Еще и росы дуновенье,
и спеющий цвет, и томленье,
и пики зубчатки лесной
на утреннем благословеньи,
как свечи, встают предо мной.

Великую веру вселяет
земли этой малая пядь.
Проснешься, а Лавра сияет,
и будет сиять и сиять.

Виктория Балябина

Поповская слободка

(Воспоминания жены писателя Балябина Василия Ивановича)

Утром Василий неожиданно удачно сделал начин главы, который никак не давался ему, и теперь в отличном настроении - дальше само покатится!

В клетчатой выгоревшей рубахе вроспуск, китайских рыжих, до зеркального блеска залощенных, штанах, неуклюжий и широкий, похожий на лесное корневище-выворотень, он расхаживает, похрамывая, по терраске, помахивает небольшим топориком, прикидывает, где приспособить стол, умывальник, из чего сколотить посудную полочку, и, как всегда, когда у него легко и свободно на душе, трубит одну из любимых своих казачьих песен. Трубит громким остервенело-рьяным голосом, как турман, надувая короткую шею:

Што-о во сумрачной было горе, да-а!

В чи-иистом-та поле-е было под гру...

Ах, под гру-у-ушаю-ю,

Лежал мой, лежал мо-ой от милай на ковре-е-е..

Трубит до тех пор, пока я не взмолюсь или прикрикну, чтоб перестал, и тогда он, продолжая все также рьяно надуваться, таращить глаза и разевать пасть, поет безгласно, мимически. Я, не выдержав, рассмеюсь, и тогда, обрадовавшись, рванет снова во весь голос:

Дайте в ру... дайте в ру-уки мне трубу подзор...

Ах, подзо-о-о-орную-ю,

Посмотрю, посмотрю-у я во чисто поле-е-е...

Тут уж хоть проси его, хоть ругайся, хоть молоти его кулаком по широкой спинище - не остановится, доревет всю песню,

старательно, со всеми повторами, коленцами и вариациями, до самого конца.

- Как же, матушка, - скажет, закончив петь, - где это видано, чтоб работу на половине пути бросать? Не казацкое это дело!

Наконец-то мы оставили дорогую и надоевшую нам московскую гостиницу и переехали в деревню, называется она Смоленской. Здесь мы намерены прожить до тех пор, пока Василий не закончит все свои дела с издательством, то есть, пока со своим редактором П. не приготовит вторую книгу "Забайкальцев" к печати. Договор на нее был заключен еще до того, как книга была написана.

Снятая нами половина дома - кухня, комната и терраска - невероятно запущена: грязные обои, закопченные потолки, давно не мытые пропыленные окна, все еще не распечатанные с зимы. Под стать жилищу и "мебель": в простенке между окон стоит старый, с облупленной краской, стол, к нему две древних, расшатанных во всех суставах, табуретки; под одной стеной - ржавая железная кровать, таких размеров и веса, что обрадовала бы любового сборщика утильсырья, под другой - кушетка с вылезшими в прорехи пружинами. На кухне всего "мебели" - огромный плотницкий верстак. Хозяин, рабочий с соседнего со Смоленкой газового завода, хотел было вытащить верстак в сарай, но Василий воспротивился: "Каку холеру его выносить, вместо стола будет, еще лучше!"

Сегодня мы с Василием устраиваем свой временный быт. Я снимаю с потолков паутину, чищу обои, мою окна. Василий починяет крыльцо. Он уже сделал из двери, валявшейся возле сарая, стол на терраску, из доски сколотил скамью к нему, прибил в комнате пересовец для одежды, смастерил посудные полочки, неуклюжие, конечно, но такой же несокрушимости и плотности, как сам мастер. Прибил вешалку в кухне. Сделал из обрезков досок, валявшихся в сарае, стол под пишущую машинку. Павел Андреевич, владелец второй половины дома, наш земляк-забайкалец, принес нам две чистых, набитых сеном, матрасовки, одеяло, меховую подкладку от летческой куртки, старую барчатку. Из всего этого добра мы соорудили себе постели, закрыли их привезенными из Москвы новыми простынями, и когда покрыли бумажными скатертями столы, разложили на них бумагу, книги, машинку, в простенке между окон прикололи кнопками картину из "Огонька" с пашушим

ниву Львом Николаевичем, а на окно поставили банку с васильками, жилище наше приняло обжитой и даже уютный вид.

Обширный, но старый, поросший мхом, дом наш стоит на самом краю села, как-то даже на задах его, на широком зеленом холме, так что и села самого не видно. Отлогий спуск с него раскопан под огороды, зеленеет садами, еще ниже поднимаются купы больших ракит, верхушки старых берез, и среди них чуть проглядывают коньки разноцветных сельских крыш.

Позади наш холм через глубокий и длинный овраг омывают полевые просторы. И глазу и душе хорошо глядеть в них: зеленеющие пашни, перелески, снова поля, чуть видные вдали деревушки, туманный голубой окоем... Кажется, что там, вдали раскинулась на тысячи километров простая, трудом и жизнью милая сердцу, деревенская страна. Справа, тоже через овраг, до самого горизонта, лес. Вблизи он словно нарисован в две краски: темнозеленое масло - ели и сосны, простая водяная краска - березы, осины, дубы. С передней же стороны села - просторная долина, заросшая березами, на свежих ее полянах пасется деревенский скот, а на песчаном взблоке над долиной чернеет густой старый бор. Высоко вверху, за черными стрелами и копьями елей, торчат две белые трубы с сизыми султанами дыма. Там - газзавод и рабочий поселок при нем. От села через долину по песчаному склону петляет белая тропа, по ней сельчане ходят в газзавод: в магазин за хлебом, за всяким другим товаром, на автобус, чтоб ехать в Москву.

Еще несколько слов об окружении нашего дома, с одной стороны его - большое кладбище. Могилы, ограды, кресты и пирамидки со звездочками тонут в зелени высоких покляпых берез, гибких рябин, пышных кустов сирени, черемухи, шиповника. Овраг, охвативший кладбище с двух сторон, не дает ему хода дальше, и оно медленно, шаг за шагом, подбирается к дому. Это служит причиной постоянных раздоров между селом, газзаводом и обитателями старого жилища.

С другой стороны нашего "ковчега", прямо перед нашими окнами, стоит заколоченная красивая и печальная церковь. Сложена она из красного, потемневшего от времени, кирпича. На широких цоколях двух ее куполов растут маленькие березки, весь день они колышутся на ветерке, посверкивая молодой листвой. В проемах звонницы, в прохудившихся куполах, в продранных луковицах под крестами, за многочисленными украшениями в виде кокошников и раковин живут птицы: голу-

би, галки, стрижи. А близь растрескавшихся, поросших пастушьей сумкой и васильками, каменных плит главного входа дружно колышется молодая рожь. Горячий ветер гонит по ниве толпы серебристых валов, мягко доплескивает их от церкви аж туда, где из глубины оврага выдрался по крутизне вверх веселый лесной народ - пушистые елочки, березки и широкоплечие молодые дубки.

Высокий холм с церковью, кладбищем, с нашим домом, с большой зеленой лужайкой перед ним, с тремя-четырьмя домами напротив нас и вниз по переулку в село, называется поповской слободкой. Дом наш когда-то принадлежал здешнему священнику.

* * *

Проснулась очень рано, вышла на веранду. Нежно разгорается край неба, сияет тоненький серпик месяца. На вишневых кустах под окнами, на молодых яблоньках, на крыжовнике, на траве и лопухах возле крыльца лежит крупная седая роса, прохладно и свежо до дрожи в теле. И птичий щебет: весело чирикают воробьи, нежно посвистывают стрижи, чиликают малиновки, а вот где-то в молодой рощице над обрывом премьерским голосом, раскатисто и серебряно ударил соловей.

В зеленой глубине оврага за домом лежит белая длинная пелена - это туман от речушки, что петляет по его дну. Из тумана, как из полой воды, повторяя извивы речки, поднимаются седые купы ракит, темные кроны ольхи. В воздухе такой покой, такая неподвижность и тишина, что посреди птичьего грома и шепота листвы с росою слышен тихий шум и плеск воды со дна оврага.

После завтрака вместе с Василием пошли по воду к речке. Она оказалась загаженной: газзавод спускает в нее свои отходы. От воды, черной, с грязножелтой пеной, несет тяжелой вонью. Как жалко! Жалко речку, как человека. Жалко и всю здешнюю прелесть: весеннюю долину, ракиты, дубы, поля и лес на другой стороне. Они с погубленной речкой все равно, что прекрасное молодое лицо с бельмом на глазу.

Постояли на мостике под ракитою, повздыхали, отправились домой и на полпути встретили Павла Андреевича, соседа. Это сухой, высокий старик с манерами и лицом провинциального интеллигента. Всю свою жизнь он проработал в сельской

школе преподавателем математики, физики, потом инспектором районо.

- Доброе утро! Что, видами нашими любуетесь?

- Утро доброе! Это оно што же такое с речкой вашей, Павел Андреевич? Ведь с нее не то, что напиться, подойти невозможно, разит запахом, как из волчьей пасти. А ведь, небось, и щучки, и караси в ней водились прежде?

- О, да еще какие! Сомов, случалось, вот таких вытаскивать, - Павел Андреевич развел широко руками, показывая, какие прежде лавливались у них сомы. - Ребятишки здесь все лето, как на курорте, были, а вода, скажу вам, была такая, что за нею москвичи с бидонами сюда ездили.

- Да как же вы все тут допустили такое, - сердито удивлялся Василий.

- А что мы могли поделать? - Павел Андреевич пожал узкими плечами. - Нас об этом не спросили. Говорят, в Волге всю рыбу погубили, так что тут уж об нашей Росянке толковать.

- Сволочи... испохабили красоту эдакую... мать их...

- Было тут шуму много из-за этого, - немного спустя сказал Павел Андреевич. - Писали, ругались, мало не дрались, по начальству в разные инстанции бегали - ничто не помогло.

С Размахниным Павлом Андреевичем мы познакомились недавно в музее Советской Армии на собрании дальневосточников и забайкальцев - ветеранов гражданской войны.

- Боже ты мой, где только не встретишь наших забайкальских казачков! - сказал Василий, дружелюбно, даже любовно разглядывая высокого, масластого Павла Андреевича. - Конечно, казак! И лицо смуглое, и скулы, как у тунгуса, и чуб и фуражечка набок. Обличье самое казачье, его, паря, никуда не денешь!

Худое, высокоскуластое лицо Павла Андреевича цвело деликатнейшей и добрейшей улыбкой. В конце собрания он снова подошел к нам.

- Я слыхал, вы хотите где-то в подмосковье снять комнатку месяца на два, так чего же лучше, как у нас в Смоленске! Половина дома, в котором мы живем, пустует. Хозяева не живут в ней и будут рады хоть на весь год сдать ее вам.

- В самом деле? - обрадовался Василий. - Ох, хорош-шо бы эдак-то, в гостинице, брат, того... готовы с зубов шкуру слупить. А как все это сделать?

- Да я завтра же переговорю с хозяином и дам вам знать.

Через два дня мы переехали в Смоленку. Вечером того же дня Павел Андреевич и Мария Ивановна пригласили нас к себе.Мария Ивановна - тоже забайкалка и тоже учительница. Уже на пенсии. Она выглядит настоящей буряткой. В располневшей этой немолодой женщине не чувствуется мягкой деликатности ее мужа. В выражении широкоскулого, плосковатого и смуглого лица ее, во взгляде небольших черных глаз с желтоватыми белками, в низком голосе нет-нет и промелькнет что-то угрюмоватое, нетерпеливое, резкое.

Жили они в Чите, в Иркутске, в Бурятии, а теперь вот несколько лет, ка приземлились в подмосковье возле сына. Правда, сын живет не с ними, а в небольшом районном городке, всего в пяти-шести километрах от Смоленки.

Размахнины занимают ту часть дома, что к кладбищу. Это их собственность. Квартира эта состоит из прихожей, кухни и комнаты. Комната обставлена безо всяких претензий на стиль и новомодность: круглый стол у дивана с полочками, небольшой письменный стол у окна, кровать и традиционный ковер над нею, шкаф и этажерка с книгами и газетами. Сени ведут на деревянное крылечко, вокруг него кусты сирени, рябины. В их тени стоит старая раскладушка, на ней отдыхают днем. От крыльца начинается хорошо ухоженный садик с вишнями и яблоньками, с кустами крыжовника, с грядками моркови, редиски. Весь вечер сидели за столом. Сначала поиски общих знакомых, потом краткая биография семьи и семейный альбом. В нем чуть ли не все выдающиеся люди революционного Забайкалья. С одними Павел Андреевич вместе рос, с другими учился, с третьими они с Марией Ивановной работали в школе, посещали тайные кружки. Вспоминали первые годы после революции, учительские коммуны, тогдашнюю зарплату - тюремными решетками и колючей проволокой, которые обменивали в селе на картошку и крупу. Решеток этих в Забайкалье, средоточии тюрем и каторги, было предостаточно, люди разбивали тюрьмы, ломали их на кирпичи, наивно полагая, что теперь-то, после революции, они уж больше не понадобятся.

* * *

Отцвела сирень, осыпался давно вишневый и яблоневый цвет в брошенном колхозном саду, а дождя все нет и нет. Томятся люди, поля, деревья, травы. Осатаневшее солнце жарит и жарит весь божий день, как нанялось, а зайдет в конце дня - все не становитсяч легше: давит тело и душу тяжкая, густая духота. Только под утро остынет воздух и все вокруг: молодую рожь, лопухи у крыльца, траву, кусты и деревца во дворе окатит обильная крупная роса.

На широкой зеленой поляне перед нашим домом два пастуха: молодая курносая бабенка, горластая матершинница и паренек на коне - пасут колхозный молодняк. Телочки уже большие, им тоже душно, они не столько пасутся, сколько балуют. Вот одна из них, пестрая, забралась в рожь возле церкви, пастушок, заметив это, скачет, грозно щелкая кнутом.

- Ты скажи, куда забралась, жаба! - поваркивает Василий, наблюдающий эту картину в окно. - Нет ей другого места... ну-ка, жгни, жгни ее хорошенько, халя-а-ву... так ее! Так! Эх, конек хорош, а ездить паренек не умеет, сразу видно - не казак...

Василий тоже томится, все поглядывает на небо, не выплывает ли откуда тучка.

- Никак, паря, не родится дождь, што ты будешь делать! А дождя крайне надо... тулуп не пожалел бы, выкинул, только бы помочило хорошенько...

Томится Василий еще по другой причине: не пишется ему сегодня, не работается. Возьмет ручку, в десятый раз проверит, есть ли в ней чернила, наклонится над чистым листом бумаги, даже будто соберется что-то написать, да вдруг покосится глазами в окно.

- Ишь, наелись, - скажет, - зализываться начали, значат, удовольнились. Кони, те пасутся долго, едят и едят, а быки, коровы наедаются скоро и сейчас лизаться...

И, забывшись, долго глядит в окно, а на лилейно белую страницу опустится чета мух. Он заметит, наконец, схватит самодельную мухобойку...

- Ах, стервуги, общественные нравы развращать, - хлоп!

После этого еще посмотрит, нет ли где мух, - Ага! Вон на стене еще одна! - С плотоядно заблестевшими глазами косолапо крадется к стене, медленно заводит руку, старательно примеривается - хлоп! Гвоздь! И прежде, чем я успею засмеяться, деланно грозно повернется в мою сторону. - Нишкни!

Затем, припадая на правую ногу, шаркая разношенными шлепанцами, выйдет на тераску, поглядит на выжженое зноем небо, на лес по другую сторону оврага, на купола церкви и снова задумается, крепко и косолапо расставив ноги, по-бычьи наклонив кудлатую, волчьей масти голову. А в раскудрявившейся молодой ржи возле церкви негромко переговариваются перепела: пить-пи-ит-пить... В это время напротив нас через эту самую поляну, где пасется молодняк, из двора, осененного громадной липой, раздастся лязг железа. Василий сразу оживет, повеселеет глазами: дядя Степан уже действует, и Виктор, поди пришел!

Он как-то уж неожиданно прытко сбросит шлепанцы, сунет ноги в старые хозяйские сапоги, возьмет с балясины брезентовые рукавицы:

- Сбегаю-ка я, матушка, к дяде Степану, погляжу, что там у него. и, ныряя на правую сторону, торопливо закосолапит через поляну. Минут через пять в таких же старых сапогах, в рукавицах, туда же прошагает сухой и длинный, как шест, Павел Андреевич. Лязг в ограде дяди Степана станет чаще, веселее, громче.

Сосед наш, Степан Матвеевич, или, как его здесь все зовут, дядя Степа, решил поставить у себя во дворе колонку: колодец далеко в селе, воды оттуда не наносишься, в речке вода грязная и ядовитая. К нему присоединился Рзмахнин, тому тоже трудно с водой, и зять Елизаветы Григорьевны, бабы Лизы, соседки Михалевых, механик на газзаводе. Потом к ним пристал Василий. Он - просто из любви в свободное от писанины время поделать какую-нибудь работу: постучать молотком, помахать косой, а то и просто побыть среди работающих людей, помочь, поговорить, послушать.

У Михалева возле избы большой участок: огород, сад. У забора, неподалеку от калитки - огромная старая липа. Говорят, ей уже лет триста. Чудовищно громадная и густая крона ее заселена птицами - певучее птичье государство. Да, ведь я ничего не написала о самом Степане Матвеевиче Михалеве. Это здешний патриарх, у него с его старухой десятеро детей:

семь сыновей и три дочери. Баба Лиза, кладбищенский сторож, ее в шутку здесь величают "директором кладбища", рассказывала нам, что раньше у Михалевых была страшная нищета и нагота. Самого его со старшим сыном брали на войну. Как старуха крутилась с остальными шестерьми детьми без него - один Бог знает!

Вернулся дядя Степан с войны с победою и с осколками в плече. И сын вернулся. Невредимыми остались и остальные дети, после войны их еще прибавилось. Подросла вся эта михалевская поросль: здоровая, бойкая, на всякую работу умелая и ухватливая. Где только нет теперь семени Степана Матвеевича! Сыновья его и на газзаводе, и в Москве, дочки в районном городке и в портновской, и в больнице, и в магазине. Всем женатым дали квартиры, дали квартиру и Степану Матвеевичу в этом же районном городке, в новом каменном доме. Он квартиру взял, а когда заикнулись насчет того, чтоб забрать у него его старое гнездо, дядя Степан вспомнил славные военные времена, трахнул культяпым кулаком по столу и заявил: "И думать не могите! Сначала отберите дачи у генералов, а потом приходите за моей развалюхой!" И не дал, и стало старое гнездо под великаншей липой чем-то вроде семейной дачи и подсобного хозяйства.

* * *

Всю неделю ветер. Ветер и солнце. Дует он с сельской стороны, с синих туманных ее далей, налетает крылатый, горячий, нетерпеливый, тугой, пахнущий травами и дымком пастушьих костров. Рослые березы на краю кладбища раскинули навстречу ветру косматые ветви, пружинят белыми крепкими стволами, шумят, как речка на перекате. Колоссальная липа михалевская ревет - как набат, контрабасами гудят в логу под обрывом дубы, густо и мягко шумят ракиты вдоль речки. Волнуются и кипят серебрянною узкою листвою их плотные кроны.

Люблю летний ветер. Выйдешь из дому, и накинется он на тебя веселым молодым зверем, крепкий, сильный, проворный, купает тебя в волнах чистейшего тугого воздуха, бодрит тело и душу.

Василий глаза промозолил, все выглядывает дождь. Глядя на тонкие, раздутые ветром, просвечивающие синевой неба облака, сокрушается: "Морока-то тонкие, как на постных щах пленка, порожние, неоткуда дожжу взяться..."

Вторая книга "Забайкальцев" уже в издательстве. На нее еще до ее рождения заключен договор, и она внесена в план будущего года. Василий ожидает издательские рецензии, потом работа с редактором. Сейчас он собирает материалы для третьей книги: документы, газетные статьи того времени, статьи в сборниках воспоминаний, рассказы стариков-партизан, участников гражданской войны в Забайкалье.

* * *

Когда Василий хорошо поработает утром - это зарядка бодрости и веселости на весь день. После занятий "умственными сопосбностями" - так называет его литературные занятия дядя Степан, Василия обуревает жажда делать что-нибудь физически. И тут только успевай подавать ему заказы, чем больше и труднее, тем лучше. Будет ходить по двору, по терраске, прикидвать, примеривать, строгать, точить, шить, вполголоса напевая: "Соловей кукушку уговаривал, полетим, кукушка, в Казань-город жить..."

Попросишь его сделать набойку на каблуки у туфель или пришить отвалившуюся подошву у тапочка - он со всем удовольствием, даже рад. Неторопливо пойдет к Мишке в сарайчик, найдет там кусочек старой кожи или сходит за тем же к Размахниным, потом обвяжется как фартуком мешком, хотя для видавших виды китайских штанов его эта мера уже совсем излишняя, повяжет голову тесемочкой, чтоб волосы не мешали, разложит возле себя на тряпке шило, цыганскую иголку, кусочек воска, тут же лежит лапа или то, что будет ее заменять, намочит тапочек, чтоб податливей шилась кожа, и уже потом только начинает сучить постегонку. Сучит он ее дедовским способом: завернув гачу, на голом колене. Запасшись постегонкой, приступает к основной операции.

Ему, наверное, вспоминается в это время родное село, деревенские длинные вечера, когда по избам бабы прядут или вяжут, мужики мнут кожи, починяют хомуты, ичиги, а кто-нибудь из старших, медленно попыхивая трубочкой, рассказывает о войне с "японцем", о беглых каторжниках, о хунхузах, о Гришке Фомине, справедливом разбойнике: он богатых грабил, а бедных награждал...

От этих мыслей лицо у Василия тихое, кроткое, в нем сейчас много чего-то деревенского, крестьянского.... так и есть: в детстве, на заимке...

- Андрей Целифоныч, - говорит он, - нашему дедушке - родной дядя - неразговорчивый был, всегда сердитый... первая ругань у него была: "Штоб тя заразило!" Он, когда на него находил добрый стих, все рассказывал по Гуака многострадального. Но этого стиха надо было долго дожидаться. История та была бесконечна, он рассказывал нам ее на заимке частями чуть ли не целую зиму. Вот, бывало, мы, ребятишки, пристанем к нему: "Дедушка Целофоныч, а што же дальше-то приключилось с Гуаком-то?.."

- Отстаньте, штоб вас заразило, - скажет и отвернется. А через два-три дня, когда мы уже уляжемся спать, прогудит с печи недовольным голосом...

- Ну, слушайте... про Гуака сказывать стану. - И заведет чуть ли не до утра, а мы ляжем, не спим, слу-ушаем...

- А дядя Петруха, второй сказочник был. Тот все страшные сказки сказывал. Он не жил с нами, а только на перепутье заезжал, когда с сеном ехал. Вот приедет под вечер, кони и сам весь в куржаке, в усах сосульки ледяные, а глаза озорные, веселые... сам из себя хоть и не высокий, а крепкий, ладный...

- Ну, ребятишки, промерз до самых кишок, побегу греться, а вы коней распрягите, - скажет. - Я вам сказку привез, вот сказка, так сказка, стра-а-ашная, аж самого морозом по спине подирает!

- Мы рады стараться. Коней выпряжем, корму зададим, как охолонут, на водопой сгоняем, а вечером обсядем Петруху кругом:

- Ну, дядя Петруха, давай свою сказку!

- А не забоитесь?

- Не забоимся!

- Ну, глядите.

- И примется сказывать, тут и ведьмы, и упыри, и разбойники, и принцесса прекрасная, и Змей Горыныч, и добрый молодец, крестьянский сын...

- На заимке жили, почитай, всю зиму, сено с дальних делянок, где-нибудь на Хауле или Дербуле за Аргунью, домой не возили. Просто угоняли на зиму туда скот и жили при нем на заимках, в зимовьях. Зимников этих рядом ставили три-четыре, а то и больше, в них людно: бабы, девки, мужики, парни, ребятишки. Вечером, бывало, соберутся в одной избушке - хорошо, весело, шумно, как на вечерке. Печь жарко топится, лучина или коптилка горит, по стенам тени огромные мечутся. Бабы вяжут, мужики упряжь чинют, девки с ребятами хороводются: шутки, смех, песни начнут петь... Мне дядя Петруха скрипочку из соснового полешка выдолбил, струны и смычок из конского волоса приладил. Научился я на той скрипочке подгорну, барыню, кадриль играть.

- Ну-ка, Васятка, - просют девки, - сыграй-ка барыню!

- Меня просить долго не надо. Сейчас пристрою свой "струмент" к подбородку и - пошел! А они пляшут с парнями, только топоток стоит, да юбки широченные развеваются. И вот, скажи пожалуйста, хорошо, ведь казалось, лучше не надо! Потом, как подрос, все мечтал настоящую скрипку купить, да так и не пришлось.

* * *

А сегодня, наконец-то! Поплыли по небу дымно-серые, похожие на разметанные стога сена, тучи. В них сердито поваркивает, посверкивает, погромыхивает. Снимая на ходу брезентовые рукавицы, через поляну торопливо храмлет Василий, он от дяди Степана.

- Ну, Вичунька, - говорит он радостно, - дрожжа сегодня будет, ух!

Сердитый ветер мотает в садике оробевшую вишенную зелень; волнует, чешет, пригибая до самой земли, серебристо-зе-

леное руно ржи возле церкви. Снова шумят березы в начале кладбища, парусит и гремит водопадом чудовищная михалевская липа. Со стороны газзавода, захватив уже полнеба, медленно движется на село иссиня-черная, с жутковатыми белыми отсветами, туча. Становится все темнее и темнее. Тревожно гудят провода высоковольтной передачи.

- Погрянывает! - ликует Василий. - Ну-ну, матушка, - обращается он к туче, - тряхни дождичком, да так, чтоб все напиталось вволюшку!

Побежали во двор мыть под дождевую воду огромную железную бочку. А дождь уже покапывает холодными иголочками, сеется по листве, по лопухам. Вот припустил сильнее, застучал по железной крыше... Вдруг неожиданно близкая, зеленоватая молния ослепила на миг все вокруг. Издалека откуда-то негромко начал свою запевку гром: сначала будто зашумела, посыпалась с горы мелкая щебенная осыпь, потом вдруг ухнуло, и обвалилась скала, и тяжеленные гранитные глыбы, обгоняя друг друга и сшибаясь, увлекая все на своем пути за собою, понеслись вниз, и, наконец, всколебав небо и землю, грянул небесный обвал! И вслед за этим, словно он только и ждал этой минуты, ударил ливень. Сразу кончились все волнения, ожидания, страхи. Притихшие деревья, кусты, трава, рожь, земля взахлеб пили, хватали тяжелые прохладные струи, не могли напиться.

Дождь вымочил нас до нитки. И вдруг, когда бочка уже была вымыта и водружена на камни под водостоком, когда с грохотом ударила в нее яростно веселая струя, ливень начал потихать, потихать и совсем перестал. Над синей заводской рощей, ее называют глебовской - по имени давнего ее владельца, помещика Глебова - показалась узкая янтарно-розовая, как на закате, полоса неба. Туча, оказывается, прошла стороной, захватив нас только краем.

Выглянуло солнце. Крупный спорыш вдоль дорожки к калитке, вишенник, картофельная ботва - все полно дождя, все сверкает, брызжет каплями. Тонко и свежо пахнет влажной рожью: она только расцветает. На выгоне возле церкви важно ходят грачи. Церковные дырявые купола, сад за рожью, кладбище, сам обновленный сияющий воздух полны птичьим ще-

бетом. А на чисто промытой яркой голубизне неба из-за глебовской же рощи уже показались черные зубцы новой тучи. Еле успела сходить по молоко, как уже снова полило.

После обеда Василий, почесывая под рубахой живот, объявляет, глядя на занесенные сизыми облаками небо:

- Морока толстые, дожжа будет много, а в дождик, матушка, грех не поспать. Спишь и чувствуешь себя, словно ты на пашне в Бойцекане. Падь такая у нас есть на китайской стороне Аргуни. Последние слова он договаривает уже из-под полы барчатки. Минуты через три со старой софы уже слышится сладкое посапывание, а еще через три - смачный храп.

* * *

Василий за столом над рукописью бормочет что-то сам с собою, вздыхает, крякает.

- Ты чего крякаешь, Вася?

- Да как же, матушка, не крякать, ведь я сено на стог подаю! Вон какие навильники, что твоя цыганская вязанка! Не крякнешь, паря, ничего не выйдет.

* * *

Вечером я ходила по воду, это внизу, в деревне. В ней было так же пусто, как и днем, только неподалеку от колодца, на скамейке возле палисадника какой-то парень или молодой мужик играл на баяне. Сидел один, глядел на пустую улицу, на розовеющее закатное небо и играл. Возле ворот напротив стояли, разговаривая, куда-то намереваясь идти, две бабы и старик в теплом пальто и картузе.

Василий с Сашкой, внуком дяди Степана, за полночь играли в шахматы. Я тоже не ложилась, сидела у открытого окна, в темной гущине над оврагом куковала кукушка. Умолкала и снова принималась куковать, как будто ее томил этот душный, щемяще-тоскливый вечер. Небо затянуло целое облако маленьких, круглых, прозрачных облачек, меж них тихонько

пробирался молодой месяц, золотя вкруг себя кружевную их зыбь.

Деревня внизу лежала как вымершая, даже собаки не лаяли. И вечер этот, и деревня казались кем-то брошенными.

* * *

После недели непрерывных дождей сильно похолодало. День сегодня хмурый и сырой. По мокрой, озябшей ржи возле церкви ходят белесые волны, низко над нею летает ворон, холодный ветер сносит его вкось. Ворон как будто дело какое-то неотложное исполняет: сделать поскорее, чтоб отвязаться, а потом поскорее в затишек теплый на старую колокольню! Вишневые кусты за окошком гнутся, мотают ветвями, полощутся листвой в промытом на десять рядов воздухе. Трепещут и маются на резком ветру маленькеие березки на церковной крыше. На штакетнике у окна висит конопляная мочалка, два воробышка суетливо раздергивают ее и таскают в свои гнезда.

И как ни холодно, ни мокро, как ни хмуро, а кукушка кукует во весь голос где-то в рощице над оврагом. И сразу вспоминаешь, что лето только в разгаре, что будет еще солнце, тепло, ласковое небо.

Снова пошел дождь, а мне надо по воду. Пошла не по проулку, там сейчас непролазная грязь, а под гору, мимо огородов, садов. Не так уж и холодно, пахнет унавоженной землей и мокрой полынью, ее здесь полно по обочинам тропки. Моросит мелкий дождик, шепчется с травой, с лопухами, шевелит резную седоватую листву крапивы. А в садах домовито посвистывают, пощелкивают пичуги, так и видится: уселись по своим гнездам, устроились семьями потеплее, переговариваются друг с другом о чем-то своем, птичьем.

- Вичунюшка! Залазь скорее, матушка, под барчатку, а то замерзнешь начисто! - зовет меня Василий. Пока я ходила по воду, он пришел уже от дяди Степана, забрался под шубу, уже согрелся и даже вздремнул, и сейчас лежит, руки за голову, улыбчиво, мягко глядит перед собою. От каких-то мыслей, видимо, очень приятных, тунгусские глаза его поголубели, помолоделию.

- Люблю летний дождик, - говорит он задумчиво, когда я, сунув ноги под барчатку, тоже примостилась с книгой на софе. - Адали снова в молодости побываешь... В Булдуруе, на пашне... На Аргуни с удочкой...

Василий любит в разговоре употреблять чисто забайкальские слова и речения: адали, лонись, вечерось, утресь, ночесь, никогда не скажет - позавчера, а всегда - третьего дня.

- Вот, бывало, во время сенокоса задожжит, -- продолжает он, - старики ругаются: косить надо, кошенина в валках не погнила бы, а молодежь потихоньку радуется передышке - косить-то ведь труднее, чем пахать. На пахоте там уповод отпашешь и - отдыхать, снова отпашень и снова отдых, а на сенокосе не-е-ет! Весь день работают, отдыхают только за едой... ну, вот и радуешься, как дождь-то пойдет. Сейчас заберешься в балаган и - спать! Красота: ветер в щелочку какую-нибудь посвистывает, дождь бьет в травяные бока балагана, шумит адали дубрава в осенний денек. А в балагане темновато, затишек, травой пахнет, дымком: в дождь не на улице чай варили, а в балагане костерок раскладывали...

- ... Только угреешься, крича: "Васютка! Коней где-то не видать, поди, опять на елани в хлебах! А вставать не хочется, однако, встанешь, идешь на ветер, на дождь, на холод, коням всякого добра нажелаешь... так и есть - у Кузьмы Ивановича в пшенице пасутся, холе-ры! Займешь их, поближе к балагану подгонишь, скорее ичиги с ног, теплушку в головы и - как растаял...

- ... Или в пахоту заненастится, дождь, как из ведра... тут уж какая работа! В такие дни все дома сидят, но все равно никто без дела не бывает. После завтрака дедушка сейчас загадает, кому что делать: кому на луг пойти, быков, коней досмотреть, кому под сарай - волосяные пута плести, хомуты починять, сам тут же на чурбачке усядется грабли строгать к сенокосу.

- ... Семья у дедушки большая была: шесть сыновей и три дочери. Старшие сыновья, как мой отец, уже поженились и детей своих имели, а все вместе жили, хозяйство неделено было. За стол по восемнадцать человек, бывало, садились. Летом спали, кто где: на сеновале, в амбаре, просто на дворе на телеге, на санях в завозне, а зимой в избе - настелят на полу

соломы, закроют ее потниками, в головы курмушки старые, на себя одяло из овчин, полушубок ли - и спи-ишь себе, да ешь как спишь!

- ... Хозяйством управлял дедушка. Загадывал работы: косить, сеять, пахать, молотить, возить хлеб с пашни, зимою - по дрова, по сено. Все делали взрослые дети, а он только распоряжался да проверял. хорошо ли сделано. Сам он уже сидел дома, присматривал за хозяйством, починял и шил хомуты, выделывал кожи, ездил в город продавать муку, покупать, что надо для дома...

- ... Дедушка у нас был интересный старик... Сам из себя он очень на Льва Толстого походил: такое же лицо, лысина со лба, брови лохматые и борода мочальная на два хвоста, только дедушка намного корпусней Льва Николаевича был. Ходил он всегда в халате, у нас старики в халатах ходили, в ичигах и обязательно в старой казачьей фуражке - все после ребят донашивал. Все уважительно звали его Кузьма Ларионович. Лет восемьдесят ему было, однако же, бодрый был и легок на ногу, выпить любил и поговорить. Бывало, соберется куда - халат повыше подвяжет, палку в руки и - пошел! И сильно религиозный был, с кружкой на построение храма ходил, на мирскую свечу собирал, а это не так-то просто, не каждому доверят такое дело, а только самому благочестивому, разумному и уважаемому на селе человеку...

- ... Бабушка была полная, тяжелая телом, степенная и добрая. Все семейные любили бабушку за доброту и боялись за нее: сердцем сильно слаба была. Бывало, который-нибудь из дядьев со службы едет, так домой сразу не заявляется, завернет к соседям и ожидает гонца. А бабушку начинают готовить: "Казачки наши, мама, со службу возвертаются, людно их в поселок приехало, наверное, и наш Ондрюха скоро домой нарисуется." Вот бабушка в окошки запоглядывает, ждет, радуется, велит кого-нибудь послать к приехавшим, расспросить, далеко ли еще едет дядя Андрей. Тогда дяде дают знать, он и является во двор, как будто бы только что приехал. Бабушка не делала ничего уже тяжелого, она пряла шерсть, вязала варежки, шарфы, чулки, наставляла дочерей, невесток, присматривала за их работой по дому, нянчила внуков.

- ... Бывало, бабушка говорит: "Не ходи, Васятка, в огород, там полудница тебя схватит!" А мне охота гороху порвать, огурчиков молоденьких. Вот не вытерплю, созову младших братишек, Мишку да Митрия, и шась тихонько в огород: хватаем горох, боимся, оглядываемся, а как што шелохнется где, мы, как воробьи, стрелой в избу.

- Бабушка, а мы полудницу видели, стра-а-ашная! Из подсолнухов выглядывала, хотела нас схватить, да мы не дались, убежали!

- Вот я же говорила - не ходите одни, схватит полудница, тогда што будете делать?

- ... Летом мы с бабушкой спали в амбаре. На дворе - луни-и-ища! Каждая щелочка в амбаре светится, на полу, на сундуках - свет полосками сквозь щели. Ти-и-и-хо. То корова, слышно, спокойно так вздохнет в хлеву, то поросята не поделят места под материном брюхом, чушка хрюкнет на них сердито. Лошади хрумтят сено, а то ветерок, откуда ни возьмись, набежит, вениками под навесом прошелестит, их мого запасали с лета и развешивали, чтоб сохли. А то собака залает, мне станет страшно: а вдруг волк?

- Бабушка, - спрашиваю, - чего она лает?

- А кто ж ее знает, может чужой кто пришел.

- А если волк?

- Ну, волк сюда не придет, он людей да собак боится...

- А если придет?

- Не бойся, дурачок, дверь--то у нас закрыта, да и Серко на дворе, он ему! Спи, завтра на помочь с дедушкой поедешь!

- ... Мне и страшно и радостно: завтра с дедушкой на помочь! С тем и засыпаю...

- ... Утром проснусь - солнышко ясное-ясное, радостное, небо чистое, синее-синее.

- Бабушка, а где же помочь?

- Уехали уже давно, Васятка.

- И дедушка уехал?

- Дедушка дома. Вот чайку напьемся, и поедете с ним на пашню.

- ... Я испугался, что дедушка уехал, что проспал помочь, и теперь рад.

... Вот напились чаю, бабушка колобов напекла, положила в телегу хлеба, калачиков, боченок с простокишей, боченок с водой. Дедушка, с такой вот бородой по всей груди, в старой фуражке, садится в телегу.

- Но-о-, Карька, но-о-о!

... Хорошо-то как! Выехали за поселок, за поскотину, обратно ее закрыли, чтоб скот какой не выбрался в пшеницы. Кругом пашни - рожь, овес, пшеница, завернули за небольшой колок - вот и наша пашня, а на ней наро-о-оду! Вся родня: дядья с женами, тетушки с мужьями, две материных сестры: тетка Фалья да тетка Васта, обе корпусные, крепкие, обе богатырши. Шумно, весело, пшеница так и горит под руками жнецов.

... Завидели нас, обрадовались, идут к телеге. Мама и тетки расстилают длинное полотнище, кладут хлеб, калачики, колоба, ложки, миски, наливают в них простокишу. Все идут к ручью мыть руки, а кое-кто и купается: вода в нем прозрачна, как стекло, и такая студеная, что зубы ломить и обжигает тело.

... Садятся прямо на землю, на межу возле телег и костров и начинают есть. Я только успеваю бегать туда-сюда, глядеть да слушать разговоры, шутки. Тут и Пашка, мой братан, такого же возраста, как и я, - будем играть.

... Вечером все сначала разъезжаются: кто на своих конях, кто на наших - по домам. Надо подоить коров, загнать овец, телят, задать сена, переодеться и, захватив "захребетника", уже идти ужинать к дедушке.

.;.. А ужин все равно, что свадьба: закололи нетель, приплавили от китайцев ведро спирту, настряпали, напекли всякой всячины полные подносы. Крестный, дядя Окакий, стоит в сенях, встречает каждого гостя стопочкой водки. Тот выпьет, крякнет и идет в избу за стол. А стол ломится от еды: и холодец, и рулеты мясные, баранина жареная, поросятина, и грибы соленые, огурчики малосольные. Весельство пойдет, как на свадьбе.

- Сват Микита, да брось ты эти разговоры всякие, а ну, нашу, служивскую, зачинай! Тот и зачнет...

Закати-илось солнышко за-а горо-о-ю-ю-,

Солнце за горою-ю...

... А все подхватят, грянут, ажно стекла в окнах задребезжат и посуда:

У каза-а-ка заболе-е-е-ело се-е-ерцо-о...

... А в сенях молодежь, гармошка играет, танцы. Вечерка идет.

- ... Да-а, жизнь когда-то в селах, как река полноводная текла. Все шло по исстари заведенному порядку: пахота, сев, сенокос, жатва, кладево... Тяжкая, но своя, любезная сердцу, работа чередовалась с праздниками, весельство со строгостью и истовостью веры. Не знали мы таких злодейств, какие теперь есть. Вера в Бога да труд крестьянский держали людей в чистоте духовной. Какой если грех случится - не могли долго на душе таить, десять раз батюшке покаются. Батюшка расспросит, попеняет строго, потом скажет: "Бог простит. Больше так не делай!"

- "Не буду, батюшка, истинный Бог, не буду!" - И пойдет человек, как на крыльях полетит, грех с души своротив - светел, ясен. А грехи-то какие были?! С соседом поругался, в пост оскоромился, отцу поперек слово сказал! Редко-редко в селах наших казачьих, да и в крестьянских, настоящие преступления были: воровство или убийство. В селе нашем двое воровать овец принялись, так с ними быстро разделались: лишили казачьего звания и с земли казачьей выселили. В ногах валялись у сельчан, а прощения не получили. Так и убрались куда-то. Убийство на памяти посельщиков одно только и было. Вдова у нас жила, двое сынов у нее. Сама еще молодая, статная, чернобровая, румяная, одним словом, в соку баба. Называли ее Анна-блядушка. А название такое получила за то, што спуталась с мужиком одним по прозвищу Солон. Он был женатый, жена болезная какая-то. Ходил к Анне, по хозяйству помогал: то пашню вспашет, то крышу на избе, на амбаре ли починит. Пока дети были малые, все шло как шло, а как подросли сыновья, стали говорить Солону: "Дядя Федор, не ходи к маме, нам стыдно". А Солон никак не отстанет, любовь у них с Анной. Так однажды в праздник сыновья Анны напились и кольями убили Солона...

- ... Села у нас были людные, большие, богатые. Никто никуда из своего села, из своей избы и двора не стремился. Тут родились, тут век жили, тут и умирали, ложились в землю родную под плач да вытье всей родни... А сейчас... не то, што один человек - села в Приаргунье умирают...

Василий махнул рукой, веки у него покраснели...

Нас с Василием потешает в дяде Степане его любовь к философским обобщениям. "Раньше, - рассуждает он, - было две астрономии: одна говорила, что в жизни все же есть што-то, одним словом, есть Бог; а другая астрономия твердила опять же, што Бога нету. И вот теперя обе эти астрономии слились в одну линию, и теперя так пошло, што кто верит в Бога, а кто и нет. А я вот верую, в церковь в Замково хожу, все, што положено по вере, справляю. И до смерти уж буду в этом доживать..."

На днях он рассказывал нам, как сам командир корпуса в войну агитировал его "писаться" в партию, но он не записался, потому что крепко блюл наказ покойной матери: "... живи по-старому, веруй в Бога, ни в какие партии не пишись и проживешь долго и спокойно, не послушаешься - хватишь беды..."

- А надо было записаться, - жалеет дядя Степан, - теперь бы, при моей удачливости, в больших чинах был бы, в ЦК вместе с Хрущевым заседал бы, как пить дать! Мне ведь всегда везло!

Сегодня его сильно шмыгнуло канатом от ворота их "бурмашины" (я сказала бы "долбежной снасти", потому что она долбит, я не бурит)...

- Ка-ак пальнет - я так и улетел кверху брыком, - рассказывает дядя Степан, - испужался! А Василь Иваныч тоже трухнул крепко и про ревматизмы свои забыл, как стреканет поперед меня в малинник! Я лечу - меня машиной кинуло, а он своим ходом от меня не отстаеть!

Хохочут. А я сержусь: а ну, как сильно бы ударило?

Пробили двадцать три метра, добрались до плывуна, и тут начались чудеса: плывун ушел, началась снова глина да песок, и скважина, главное, не увеличивается, а уменьшается. За три последних дня укоротилась на два метра, хотя грунт вынимают каждый день. Артельщики считают, что снизу что-то давит, может быть, вода, работают эти дни до изнеможения, каждую минуту ждут воду...

* * *

Василий рассказывает о первом в его жизни сенокосе...

В тот год дедушка пообещал взять меня на сенокос. Я обрадовался и все не мог дождаться, когда же мы поедем, все спрашивал бабушку, куда поедем, где наш покос.

- На китайской стороне, через Аргунь, через хребет, в пади Бугловье, - рассказывала бабушка.

- ... И вот после праздника Кирики-Улиты наступило время ехать. Всегда начинали косить после Кирики-Улиты. Косили вместе с дядьями, братьями отца, хотя те жили уже отдельно со своими семьями. К нам еще подрядился на сенокос кузнец Лавер. Славный человек, веселый, разговорчивый, бородка русая клинышком и вверх. Отбыл здесь срок и остался...

Василий руками показал и бородку, и как она задиралась вверх.

- ... Утром бабушка зажгла свечу перед иконой, все помолились, позавтракали и поехали. Все, что надо было взять на покос: литовки, сухари, крупу, чай, ведра и котелки, одежду на случай дождя, - уложили в телеги с вечера.

... Я с дядей Лавером поехали на телеге, запряженной Кауркой и Гнедком, отец - на Соловке. На ту сторону Аргуни переплавлялись на батах, на берегу - наро-о-оду! Все на свои покосы. Как переправились через Аргунь, поехали падью, а на горах тайга, деревья высоченные, толстые... Я все дядю Лавера дергал: "Погляди, дядя Лавер, какие деревья, ой-е-е!"

... Вот перевалили хребет, тут и падь Бугловье: широкая, длинная, далеко вперед видно. Как приехали, сразу стали делать балаган общий, человек на десять, поставили его на пригорке, с одной стороны березовый колок, а вокруг голубичник. Прямо на голубичник поставили.

... Вечером жгли костер, варили кашу, чай, а дядя Лавер рассказывал про Седого, нашего де посельщика, казака, как он расправился один с хунхузами. Я не помню, как уснул...

... Проснулся - а на дворе уже светло и в балагане никого нет. Испугался: а ну, медведь придет, что тогда делать? Хотел, было, заплакать, да увидал нож дяди Федора - длинный, в кожаном чехле. Обрадовался: придет медведь - я его ножиком! Обвязался шнурком, нож привесил и так осмелел, что выбрался из балагана, глянул - вокруг голубицы, аж сине в глазах! И тут услыхал, как где-то недалеко литовку вострят, разговари-

вают - значит, свои недалеко. Взял котелок и начал собирать голубику, почти полный набрал, а тут - голоса, ближе, ближе, гляжу: отец с дядьями, с Лавером на балаган идут, первый уповод откосили, в платках от гнуса, веселые...

- Вот молодец, Васятка, почаюем с голубикой! - Разожгли костер, сварили чай, и все это весело так, быстро...

Потом, как позавтракали, дядя Лавер и говорит: "Ну, Васятка, пойдем, будем с тобой косить."

- ... Оказывается, он мне литовочку небольшенькую сделал, привез с собой. Отошли мы на поляночку неподалеку, Лавер взял мои руки вместе с литовкой в свои и показал, как надо стать, как держать литовку, как переступать, как делать, чтоб коса не зарывалась носком в землю. Прошел он со мной прокос и ушел, а я начал литовочкой помахивать, загорелся: выкошу всю деляночку, пока придут! Пот с меня градом, Dfct интересно. Прокос, правда, пока что получался неровный, трава на нем и так и эдак лежит, гривки пооставались, но это сначала, я их потом все равно скосил. Как притупится литовка, я бегу к дяде Лаверу - править...

- Ну как, косец, устал? - спрашивает.

- Ничего-о, еще немножко покошу!

...Так и выкосил тогда ту деляночку, пока обедать пришли. Еще успел сухих веток да сучьев насобирать для костра. Дядя Лавер пошел, поглядел на мою кошенину, похвалил: "Молодец! Всегда так старайся!"

* * *

Речь у дяди Степана плавная, рассудительная, слова он выговаривает мягко: идеть, поеть, пьеть. На круглом, незатейливом лице ни одной морщинки, в небольших голубых глазах постоянно светится простодушно-хитроватая, но и самоуважительная, себе на уме, улыбка. Короткопалые, без указательного пальца на правой, руки ухватливы и сноровисты на всякое дело, да и сам дядя Степан, несмотря на свои шестьдесят лет и совсем лысую голову, еще крепок, жилист, его еще не сшатнешь. С лысиной своей лучезарной, с плутоватой улыбкой он похож на какого-то чисто крестьянского святителя.

Сегодня дядя Степан заговорил нас насмерть: рассказывал, как его контузило и ранило осколком в плечо в войну. Как лечили его в госпитале, как он приехал домой на поправку, а дома - голод. Старшие двое на войне, старуха с младшими детьми мается. Да, вместо поправки, устроился на работу... Дядю Степана можно слушать весь день, и все к делу, все о жизни.

- Скажи-ка, Степан Матвеевич, - спрашивает его Василий, - как это ты колхоз свой бросил, почему ушел?

- Как тебе сказать, - отвечает дядя Степан и лезет культяпой пятерней к лысому затылку. - Охлаждение у меня с колхозом получилось. С начала этих колхозов мы, было, крепко за работу взялись, я тогда еще молодой был, но ребят уже полон угол, и батя с мамой еще живы были. Ну, вот и работали все, не огинались по углам. В первые годы справно зажили: по пятнадцать килограммов на трудодень зерна выходило, так поверишь, некуда было его девать, по макушку в хлебе ходили, и овощ у нас всякий, и скотина, все по-хозяйски было. Председатель у нас тогда был из этих... из двадцати пятитысячников, Парфен Иванович, хороший человек, умница, не скряга, как иные какие. Ему не жалко было, чтоб трудящий человек, тот же колхозник, лишнюю ложку сметаны от своей же коровы съел, или, штоб его баба лишний раз пирожок какой для ребят завернула...

- Ну, так вот, жили мы, значить, старались, работали в колхозе и со стариками, и с ребятами, потому как завлекательный был этот труд тогда, да-а-а... И вот возьми же и напади тогда на скот болезнь... эписодия какая-то, и не выговорить. Начал везде скот дохнуть, пропало и у нас много скотины. А это как раз в те годы подошло, как стали сажать всех хороших, стоющих людей в свои же лагеря ... ну, вот, и нашего Парфена Ивановича замели: враг, дескать, народа, скот в колхозе погубил. Посадили его, и так с тех пор, как в воду человек упал... ни слуху, ни духу про него, жена с детишками осталась. А ее, эписодию эту самую, слух прошел, американец нам нарошно тогда подсунул, в лоб его... Ну, ладно, стали мы жить с другим председателем, тут уж пошла у нас совсем иная статья...

...Тот, первый, был как отец родной, уважительный, почтенный человек, вот как задумает что-нибудь новое, сейчас и

соберетъ нас всех: так, мол, и так, как на ваше рассуждение? Советовался. Выслушаетъ, бывала, а потом и свое слово скажетъ, а этот не-е-ет, все рывком да швырком, о собраниях позабыли мы, каки они и бывают, держал себя так, словно одному ему Бог ума дал, а нас всех остальных обнес... вроде мы дурачки у него, ничего в хрестьянском деле не смыслим. Ну, это еще ладно, вихорь с ним, заело нас другое: отбирать хлеб у нас стали. Заработаем на трудодень по десять килограмм, а нам - три, остальное сдать, заработаем по пятнадцать, а нам - три все равно... а нам начерта это? Сами робим честно, детей на работе мучим, а как до расчета дошло, так сейчас хитрости всякие - встречные, да перевстречные... ну, мы и того... тоже так, спустя рукава робить начали... день проводить да дурака колотить, а вы сами знаете, как в хрестьянстве без антересу робить... Так и пошло все хуже и хуже, колхоз беднеть начал, кто мог каким разом - тот и уходил с колхозу. И што вот чудно: мы беднеем, а председатель наш богатеет, разъелся, как клещ в собачьем ухе. Квартиру купил в Москве, дачу сгоношил в Валентиновке, спрашивается, на какие шиши? Нам все о трудностях да сознательности трощит, а сам дачу себе... Возвращаюсь с войны весь побитый, поранетый, и сыны мои чудом каким-то уцелели, ногу, правда, старшему прострелило, но кость пуля не тронула, а он, председатель-то, тут отсиделся и сына своего как-то ухитрился, что его на войну не брали, будто как сердце у него, у жеребца...

- Кто ни вернется с войны - забирает семью и на уход.

Одни старики да сидни, которым уже некуда податься, поотставались. Поглядел я, поглядел на такое дело, подумал: детей-то как-то младших надо поднимать, что я тут в этом колхозе заработаю? Оно, если бы как прежде когда-то, да если бы прежний председатель Парфен Иванович, а этот... разве ж он поймет што? Махнул рукой да и пошел с колхозу. В КЭЧИ устроился, а за мной уж и ребятишки потянулись.

- Ну, а как же председатель этот, - спрашивает Василий, внимательно слушавший дядю Степана.

- Сняли его потом, дачу отобрали. За ним еще два таких же штукаря было, теперь опять новый... все такой же, своим умом не живет, все на начальство смотрит, какой ногой куда ступить, когда пшеницу, когда овес сеять, а начальство это в

хрестьянском деле, как коза в газете... и довели колхоз до того, што и людей-то в нем молодых не осталось, одни старики вот, как Анна, у которой вы молоко берете. Вот они теперь и ответствуют за все и за всех. Анне-то уже близко шестьдесят, пора бы отдохнуть, а она вот до сих пор хребет ломает в колхозе.

- То же самое и у нас за Байкалом творится, - грустно сказал Василий, когда дядя Степан ушел. Рассказ этот расстревожил его. - Хиреют бывшие казачьи села, пустеют, многих-многих уже и нет совсем... А какие села были, народу в них, как зачерпнуто, жизнь кипела ключом. Хлеб ростили, скота пасли, охотились, ловили рыбу... и люди тогда словно бы иные были: простые, работящие, гостеприимчивые... В любой двор заезжай, живи, сколь надо, баню истопят, накормят, коня обиходят, вечером полна изба народу наберется - послушать дорожного человека... уходит куда-то все это... сначала, сразу после гражданской многие из казаков, которые в белых служили, за границу ушли, в трехречье, опасались остаться - а ну, советы мстить за их службу в белых начнут. Потом эта раскулачка началась, потом паспортизация, у кого кто в белых был или за границей, расказачивание это... народу выселили тьму, и все люди работящие, умелые... настоящие крестьяне... а там и сами начали уходить с насиженных, обжитых дедами-прадедами гнезд... Будуруй наш... там двор пустой лебедой зарастает, окна, двери выдраны, потом опять в другом месте, а приречной улицы - Икутатихой называлась, людная, детишек в каждой семье по пять-шесть душ, - сейчас как и не бывало ее вовсе, трава выросла на месте том, Боже ж ты мой...

Василий подпер голову рукой, веки у него покраснели...

- ...Зимою по вечерам дедушка работал кожи. Соскребал квасило, - рассказывает Василий. - Вот уж дух от нее, от кожи-то! Ой-е-ей! И ничего! Кроме дедушки еще в семье человек восемнадцать-двадцать, ведь неделено жили шесть братьев с женами, с детьми, да зимой, кроме того, и теленок тут же, и ягнята, и поросята в плетеной из тальника мордушке, и куры, конечно.

...Изба большая, печь в полизбы, гобчик, железная печка с коленчатой трубой, стол в переднем углу, да стол в кути напротив печи, над ним посудный шкафчик, а под ним - чушарка, широкие сосновые скамьи вдоль стен - вот и весь тебе "гарни-

тур"! Ни комодов этих, ни кроватей! Куда их ставить при таком многолюдстве? Спали на печи, на гобчике, на лавках, остальные - просто на полу. Принесут из сеней соломы, накроют кошмами, попонами, овчинные одеяла кинут, под голову - что придется - вот и постель готова!

- ...Летом спать ложились почти с солнцем, а зимою, после ужина, еще долго сидели при свете коптилки. Бабы прядут или вяжут, мужики тоже, кто чем занят: кто постегонку сучит, кто валенки подшивает, а кто просто сидит возле раскалившейся до красна железной печки, покуривает, слушает разговор...

- ...Хорошо эдак-то вечером возле печки, тепло от нее так и нежит, так и ласкает, гудят и стреляют лиственничные поленья, вся семья в сборе, все ладно. Кто-нибудь из старших заведет рассказ о японской войне или хунхузах - китайских разбойниках. У нас, ребятишек, ушки на макушке, сидим, слушаем, глаз не сведем с рассказчика...

* * *

Ездили с Василием в Москву, в издательство. Узнали новость, которой не знаем, радоваться или печалиться. Рукопись "Забайкальцев" пожелал вдруг почитать один писатель, довольно известный, член редколлегии издательства. Взял он ее, по-моему, так, для очистки совести - член редколлегии все-таки - надо бы почаще бывать там, просматривать материалы, а тут времени ни на что не хватает - писателю никогда не хватает времени... Выдалась какая-то свободная минута, он и взял первое, что подвернулось под руку. Писатель большой, основательный. Как-то примет ржаной хлеб васильевой прозы?

После всех своих дел в Москве заехали, как сегда, к старикам Ждановым. Они каким-то чудом оказались не в кроватях, как обычно, а на ногах, и в довольно-таки бодром и даже боевитом духе: собрались поехать на дачу к себе. В квартире, захламленной всякими вещами, большею частью не неужными, все вверх ногами. Ко всему этому сейчас прибавились собранные в поездке рюкзаки, сумки, авоськи, поставленные в самых неподходящих местах.

Старики страшно обрадовались нашему приезду. Тетя Дуся сразу же начала хлопатать о чае, Борис же Глебович, как впился в Василия, так и не отпускал его до самого отъезда.

Несмотря на годы, Борис Глебович сохранил прекрасную память, душевную живость и ту, натренированную долгой борьбой, а затем и трудной работой в первые годы советской власти, очень методичную и очень принципиальную деловитость, которой обладали коммунисты ленинской еще закалки.

- Василий, помни, - твердит он без конца, это стало уже рефреном чуть ли не в каждой его фразе, - помни, Василий, что ты делаешь очень серьезное и ответственное дело. Помни: все в твоей книге должно быть показано в истинном свете, так, как оно было тогда, никаких перекосов, никаких даней коньюнктуре, а ее было хоть отбавляй, помни, за это дело, о котором ты пишешь, гибли люди, за него Фрол и Богомяков смерть страшную приняли.

Василий знает наизусть уже все, что скажет Борис Глебович. Он добродушно поматывает в знак согласия головой, посмеивается и поглядывает на меня, как будто напоминая: "А что я тебе говорил?"

- Отстань, старый, - кричит ему Евдокия Николаевна (Жданов немного глуховат), - что Василий Иванович без тебя не знает, что писать. Надоел ведь ты ему, как горькая редька, со своими припевками!

- Ты ничего не понимаешь, Ду-уся! Кто еще, как не я, скажет ему это?

- Без тебя знает...

- Знает... ну и отлично, что знает, а напомнить лишний раз человеку тоже не повредит... он ведь живую историю пишет, по нашим следам идет. Такую книгу нельзя с потолка, по ней будущие люди о наших идеалах, о нашей борьбе, о нашей жизни судить будут. О нашей с тобой жизни,. Дуся, тоже...

- Совсем старый рехнулся! - Евдокия Николаевна подсаживается на минутку к столу с посудным полотенцем и чашкой в руках. - Да он же ведь не учебник пишет, а роман, ро-о-ман, хлудожественное произведение!

* * *

Василий, закончив главку, весело скажет: "Вот, матушка, сложил я, наконец, хороший стожок, вывершил его, очесал - любо посмотреть, сверху вешала набросал, чтоб ветром не раздуло". И ходит, облегченный, светел лицом, а мыслями уже в новых делах и событиях.

Проснется утром Василий и рассказывает...

- Приснилось мне, что я кошу по росе. Падь широкая, не то Кустово, не то Халза... солнышко еще только пробрызнуло из-за сопки, над травою туман курится, а трава высокая, густая, седая вся от росы, а в ней и желтые лилии, и саранки, и белые ромашки крупные. Литовка, как бритва, вострая, только вжи-ик, вжи-ик, вжи-ик, по лезвию светлому роса ручьями... хорошо! Первые два-три дня у нас косют с утра до вечера, валят траву, а потом только по росе... почают и начинают грести ту кошенину, которая подошла...

Василию часто снятся эти крестьянские сны: то он косит где-то за Аргунью, на китайской стороне, то копнит сено,то пашет на быках весною. Утром вспомнит, расскажет, а потом в течение дня нет-нет и задумается, разулыбается глазами, улетит мыслями в прежний свой крестьянский мир.

х х х

Иногда Василий притихнет у себя за столом, обопрется на руку щекой, заглядится на что-то за окном, задумается. Долго так сидит, словно и нет его в комнате, не скрипнет табуретка, не шевельнется лист бумаги. Я войду с улицы, он как будто проснется, переведет на меня затуманенные только что виденным глаза...

- Свое село вспомнилось, - скажет, и веки у него покраснеют. - Возвращаемся мы будто с покоса, - Василию еще раз хочется пережить и увидеть припомнившееся, сумерки уже, девки сидят по завалинкам. Отец и дедушка на телеге, полной травы, я на Рыжке сзади. Отец дремлет, дедушка впереди потряхивает над крупами коней возжами: "Но-о-о-о!"

- Я устал, по спине тянет вечерним холодком, хочется спать, приятно думать, что сейчас приедем домой, там бабушка с

мамой ужин уже приготовили: картошки нажарили в сметане, самовар наставили.

...После ужина отец закуривает...

- "Съезди-ка, Васька, коней напои, поди, выстоялись уже, да привяжи потом покороче!"

...Я начаевался, угрелся, разомлел, однако же, делать нечего: отец приказал - надо ехать. Сажусь снова на Рыжка, Гнедуху и Каурка в поводу и - на Аргунь.

...Кони забредут далеко по самые паха, где чище и прохладней вода, и пьют много, долго... я сижу на Рыжке, ногами в воде, а вода теплая, ласковая. Полноводная Аргунь плывет тихо и широко. На той, на китайской стороне, под самое небо многоглавые черные горы, а над горами - лунища... от нее на воде длинный размытый на конце столб, он похож на метлу, словно бы кто-то метет текучий плес огромной золотой метлой. На том берегу темнеют тальники, ' ам тихо и пусто, а на этом, пониже, стучат уключины весел: двое мужиков заводят невод, голоса их как будто рядом раздаются по воде...

...И мне так хорошо почему-то, не холодно, и сна, как не бывало, сидел бы вот так долго-долго и все глядел бы и слушал... А Аргунь все плывет и плывет, вся светлая, мерцающая... и тишина вокруг, только разве рыба всплеснет или ком земли с под берега отвалится в воду...

...Но вот кони, наконец, напились, начали шалить: наберут в рот воды, а потом и выпустят назад в реку, и струйки с их губ бегут совсем золотые. Рыжка старый, работящий, умный конь. Вот он набрал полон рот воды и, не проглотив ее, уставурился на луну, ушки топориком наставил, слу-ушает... потом громко проглотит воду и снова слушает, смотрит... И мне кажется, что он, как и я, все видит, все понимает: и что горы на той стороне черные, жутковатые, и что луна, поднимаясь над нами, все больше полнится золотом, что тишина, что Аргунь горит, как сазаний бок... и что ему сейчас так хорошо, как и мне...

Вот за это-то, Василий, и люблю тебя, чертяку! Вот потому-то и живется мне возле тебя, словно у широкого. открытого настежь в просторы зеленые, в синь небесную, на ветер, на солнце, окна!

* * *

- Всякую работу надо делать красиво, так, чтоб людям и со стороны приятно было на тебя смотреть, - рассуждает Василий. - Вот регулировщик, например... ах, видел однажды здесь в Москве: сам красив, румян, строен, рус. Движения четки. Ну - картина, глаз не отвести!

Он поднимается с софы (в одних трусах - душно), становится на стойке "смирно", (ноги колесом), делает орлиный взгляд, поворачивается, вскидывает руку с воображаемым жезлом.

- Ах, черт возьми, орел! Настоящий молодец! А потом на том же месте девчонка появилась. Стоит в валенках, ноги раскорячила, плечи опустила, жует что-то... - Василий опять изображает девчонку, потому сплевывает. Холера бы ее забрала, жабу! Так бы подошел и дал мешалкой по ж... - не лезь, холя-я-ва, не в свое дело!

Затем Василий снова забирается на софу, укрывается от мух моим халатом и продолжает:

- Однажды я в ивановской бане долго очереди ждал, много народу было. И вот банщик, старик какой-то, ходит, подошвами шаркает, сопит, вид у него такой, как будто он к вечеру на тот свет собрался. "Ням-ням-ням"... Тьфу! И не разберешь, что говорит, сидим в предбанной все, дремлем... А потом глядим, пришел на смену старику какой-то маленький, плотный, горбатенький. Разделся, форму свою, куда полагается привесил, взял от того старика номерок, глянул на него да как гаркнет: "Шестьдесят шестой второ-ой сотни-и-и!" Мы даже подскочили все, проснулись, засмеялись, заговорили, зашевелились, словно нас свежей водичкой сбрызнули. Очередь так и пошла, так и пошла, а горбун, знай себе, только покрикивает! "Семьдесят первый второ-ой сотни-и... семьдеят второ-ой второ-ой сотни-и!" Голос у него крепкий, веселый, живой. Я не заметил, как и очередь моя подскочила: все на него любовался...

* * *

Ездили с Василием в Москву, в ленинку. В ленинке подняли забайкальские газеты времен революции, двоевластия: нарсо-

вета и совдепов. Василий собирает материалы для третьей книги.

Из Москвы приехали и я заболела, видно, где-то просквозило в автобусе или метро. Вот уже три дня температура, озноб, горят голова и ноги. Василий старательно ухаживает: сидит возле меня, пишет, читает вслух из "Литературки", а больше рассказывает что-нибудь из детства, из деревенского своего прошлого. Лапшу молочную посолил по своему вкусу, рад, что дорвался, она у него вышла соленой, как морская вода. Лечит меня от простуды излюбленным своим методом, доставшимся ему от дедушки - водкой с перцем.

- Вот, как хватишь этого средствия, матушка, - говорит он, осторожно и косолапо ступая по веранде, - так распаление это самое, мать его за ногу, не будет знать, в какую сторону ему кинуться...

Чем осторожней он старается ходить, тем тяжелее и неуклюжей это получается у него. Словно громадный битюг топает по веранде. Хороший такой, старательный и добрый битюг. Дрожат стекла в переплетах веранды, там, где они еще остались, трясется софа, на которой я лежу, гнутся и стонут половицы.

- Ты, Вася, как конь топаешь, - говорю ему, - вот послушай, все звенит, как ты ступишь.

- А ты разве не помнишь? Я в той жизни, ранишней, и был конем. Работящий такой конь, смирный, Рыжкой меня звали. Хозяин на мне пахал, зимой по сено, по дрова ездил, на ярмарку в Нерзавод, который раз, волочуга, напьется до бесчувствия, еле до телеги доползет, я его домой потом везу, хозяйке с рук на руки сдам. А ты собаченкой жила по соседству. Вздорная такая собаченка была, лаяла всегда без толку. Хорошо помню: приехали мы с хозяином в субботу с пашни. Хозяин париться в баню ушел, а меня привязали на выстойку в холодке возле амбара. Потом хозяйский сынок, вот уж теперь забыл, как его звали, не то Ванятка, не то Егорушка, как-то так, конопатый такой шустрый мальченка с облупленным носом, погнал меня на Аргунь поить, а ты выскочила из соседнего двора, да и пристала ко мне, как репей - гав да гав! Вздорная, говорю, собаченка была, непутевая, пустолайка... Да-а-а... Вот ты вокруг меня вьешься, а я наработался, устал, иду - нога за ногу,

надоела ты мне, проклятущая! Постой же, думаю, халя-ава, я тебя сейчас угощу, будешь знать, как приставать, жа-аба! И как ты подкатилась ко мне поближе, поднял я ногу, да ка-ак лягну тебя по боку - ай-яй-яй! Визгу на весь околоток! На трех лапах скорей домой поскакала и приставать забыла! Вот посмотри, у тебя на ноге и досе знак остался с того разу...

Кто сказал, что Василий некрасив, стар? Разве тот понимает что-нибудь в людской красоте, если он сказал это? Только недалекий человек скажет, что некрасива эта голова с просторным черепом, с дремучей полуседой чуприной, что некрасиво это скуластое тунгосоватое лицо с толстоватым добротным носом, с белыми, крепкими, до единого здоровыми, зубами, с приветливым взглядом, тунгосоватым же, голубых глаз, умеющих с одинаковой выразительностью передать и детскую простоту души, и мудрость пережитого человеком, и всегдашнюю веселость, и доброту, и казачье удальство, какую-то соколиность души, и тут же мужицкая хитринка, лукавинка умная природного крестьянина. Все это так крепко, так удачно, сочно переплелось в нем, так хорошо сошлось. И оно не только в глазах, в выражении лица, оно и во всей его неуклюжей и крепкой фигуре, в короткой шее, в спокойных старательных короткопалых руках, в том, что и как он делает. Возьмется табурет делать - примется за работу неторопливо и с удовольствием, сделает крепко, основательно, а красиво ли - это уж дело десятое, главное, чтоб отвечало назначению. Так же сделает полку для посуды, вешалку, пересовец. На нашей "даче" сейчас полно его изделий. Сразу видно, что это дети одного отца, сработаны одной рукой. Все крепко, плотно, просторно, не лишено этакого широкого, косолапого изящества, и все, как и мастер, глядит простодушно, весело, словно радуется, что вот появилось же, наконец, на свет, живет: а жизнь, что ни говори, - славная штука!

* * *

- Ты думаешь, почему мухи липнут на липучку?

- А почему?

- Вот летит муха и видит ленту липучки, всю черную и даже мохнатую от мух: "Это пошто же народу здесь столько собра-

* * *

Василий рассказывает...

- После гражданской первое, што мы сделали с ребятами - организовали в селе комсомольскую ячейку. Захватило это дело меня еще в армии. Новый ведь совсем мир открылся, да какой мир! Все в нем честно, строго, справедливо, и человек в нем - богатырь, головой под самые облака... Ширь распахнулась перед душевными глазами такая, што дух захватывало... Во всей станице у нас до этого и слыхом не слыхивали о комсомоле, и слово это выговорить не умели. Отец мой вместо комсомол, говорил "коломас", думал, что это какая-то партизанская часть.

...В первую ячейку вошли Федька, Офонька и Андрей Ильич Дементьевы, Илюшка Макаров, Бояркин Алешка, я да Володя Шишмарев. Зарегистрировали мы в Укоме свою ячейку, и закрутились у нас дела. Ликбез устроили - мужиков грамоте стали учить, дом семеновца одного, удравшего в Трехречье, Волокитина, переоборудовали под клуб да избу-читальню. Вместе с пограничниками начали спектакли ставить. Вгорячах и вечерки начали было разгонять, как бескультурье и пережиток, а когда из-за границы выходила банда, кидались на коней и гонялись за нею по хребтам и падям, Все комсомольцы в то же время и чоновцами были. С оружием и на спектакль, и на пашню.

...Когда Федя Меньшагин задумал жениться, мы долго рассуждали, как же свадьбу играть. Чувствуем, что как-то по-новому, по-комсомольски надо, а как именно - холера его знает. Сначала решили было в клубе, под красным знаменем, доклад о международном положении, потом речи о красном браке... На заставе нас очурали: "Делайте, - сказали, - обыкновенную свадьбу, только к попу не ведите и речей поменьше говорите" Оркестр прислали...

...Родные жениха да невесты, как услыхали, што свадьба без венцов - на дыбы: "Нет нашего благословения на эту собачью вашу свадьбу!" Што тут делать? Еле-еле мы уломали Федькиных родителей, а невестины - ни в какую! Пришлось Фросе без воли родителей, убегом за Федю идти7 Собрала она как-то вечером узелок - да к Федькиной тетке-старушке.

...Мы с молодыми в загс, а ее отец с братьями да сыновьями за колья да туда же! Ругань, рев, драка в сельсовете учинилась, последние стекла в окнах повыбивали. Пограничники опять же и тут подмогнули нам. Крепко они нам помогали всегда. Начальник заставы тогда был Нечитайло Дорофей Филиппович, ха-арошний человек был, умница, строгий, но справедливый.

...Отец Федора все же обхитрили нас малость: как стали они с матерью встречать молодых хлебом-солью на крылечке, тут он в общей суматохе вынул иконку из-под полы и благословил жениха с невестой незаметненько, тут оркестр заиграл, народ отовсюду валит - посмотреть на новую свадьбу, да музыку послушать... Сели за столы, молодых поздравили, отца с матерью, нас, "сватов". Завязалась, потекла застольная беседушка, веселье стало закипать, глядим - посыльный из погранзаставы: немедля всем комсомольцам-чоновцам явиться на заставу при оружии и на коне. Банда Демида Пичугова из Трехречья вышла, скот угоняет, сельских активистов да комсомольцев с коммунистами уничтожает. Посхватывались мы с мест, да на коней, свадьба смешалась, перебуторилось все: плач: причитание, вытье...

... Дольго мы вместе с пограничниками гонялись тогда за Демидом по тайге и, все-таки, под Урюмканом, наконец, навели ему, гаду, решку: самого его убили, банду рассеяли. Пятерых ребят тогда у нас бандиты убили: двух пограничников да троих наших - Вовку Шишмарева, Алешку Бояркина и... Федю Меньшагина, мужа-то Фросиного. Едем в село с победой, а сами, как в воду опущенные, коней их под седлами по казачьему обычаю ведем. Ребят нам жалко, а уж Фросю... Осталась она ни девкой, ни мужниной женой...

- Ну, и как же она, к отцу с матерью вернулась?

- Нет, не вернулась. У тетки Федькиной так и осталась. Грамоте мы ее научили. Активисткой стала...

* * *

- Думали ли мы тогда, что разбредутся наши булдуруйцы кто куда, а саму Аргунь отгородят от людей железной проволокой... - продолжал однако же дальше Василий...

- План планом, мечты мечтами, а пока соорудили мы на том месте, где должно каменному дому стоять, огромный балок,

что-то вроде зимовья или заимки. Я взял в сельсовете отпуск на месяц, и приехали мы сюда с ребятами на покос. Всего было нас тогда двадцать шесть человек в коммуне. И вот на второй день, как приехали, вышли мы до восхода солнца косить. Все молодые, все один к одному, мужики да парни. Как встали, да как взмахнули литовками - Боже ж ты мой!..

У Василия снова смотрели глаза, и снова он на минуту умолк, подавляя это свое чувство.

- А перед нами елань, вся голубая от росы, за еланью - речка Аргунь, белый туман над нею висит, не колыхнется, птичка нигде не чирикнет. На китайской стороне горы высоченные, многоглавые, под самое небо вершины поднесли свои, в небе еще по-ночному светят звезды.

... Ах, и красота же это какая - косить до восхода солнца! Ни комаров, ни мошки, воздух чистый да прохладный бодрит тело и душу: ноги не ступают - танцуют, руки так и просят работы. Идем один за одним по прокосу, да только - вжи-ик, вжи-ик.

Василий, сияя лицом, улыбкой, мерно взмахивая руками и плечами, показал, как это приятно косить, когда еще ни свет ни заря.

- Трава из-под литовки ручьями, прокосы длинные да ровные, глазом не окинешь... И не заметишь за такою работой, как время пройдет, а дядя Малый уже от балагана в трубу заиграл: ту-ру-ту, ту-ру-ту-ту - завтракать зовет. Дядя Миша, мы его звали Малым, потому что в семье был еще один Миша, старший брат - у нас в Забайкалье часто двум детям давали одно и то же имя - два Петра, две Анны... Петр большой, Петр малый... Так вот дядя Малый этот на службе трубачем был, с собою с фронта трубу привез и приспособил ее к своему поварскому делу на покосе.

... Ну вот, ладно, сидим, чаюем, а над восточными горами уже небо засветилось, по нем легкие облачки-барашки вдали букеты розовые поплыли, с каждой минутой все ярче и ярче; а на седловине горы деревья, словно огромные маховые перья, огнем горят. И чуть погодя, из пожара этого вдруг просверкнет первый луч, горбушка солнца прорежется и пойдет, и пойдет расти, подниматься, здороваться с божьим миром. А на ответ ему запоют птицы, застрекочут скачки, затрубит лесной голубь в соседенем колке, удод заведет свое "уду-ду-уду-ду".

Туман над Аргунью порозовеет, задымится, роса на траве, на цветах радугой возгорится, паутинки, и те все в бусах самоцветыных... Ах, и хороша же матушка наша земля, солнце, труд наш простой крестьянский. Хорошо то времячко нашей молодости и молодости наивной наших идей тогдашних. Казалось - силам нашим не будет износу, не будет старости, казалось, построим мы какое-то сказочное крестьянское государство, берендеево царство, святой примитив русский, и заживем мы по этим чистым и строгим, добрым берендеевским законам, и сами будем, как берендеи...

Василий засмеялся, даже головой осуждающе покачал...

- И в головушку мы тогда не брали, что власть над жизнью возьмут эти чумазые, грохочущие города, эти нахальные чудища - машины, заводы, что в небе станут летать и греметь такие же железные чудища. Что отсосут они всех нас из деревень наших от земли, оторвут от пашен, и станем мы среди этого машинного бедлама не детьми, а пасынками жизни, придатками тупых роботов. Что забудем мы настоящий вкус хлеба, молока, мяса. Что небо наше покроется дымкою копоти, деревни наши зарастут крапивою и лебедой, привольные луга сенокосные зарастут некосью, кустарником, реки рыбные станут канализационными отводами городскими, заводскими, кожевенных комбинатов, свалками попросту... Думали ли мы, что забудем мы свои забайкалськие песни, сказки, что не в памяти и не в душе нашей будут они жить, а храниться на пыльных полках библиотек, никому, кроме ученых червей, не нужные...

* * *

- Женил меня отец в неполных девятнадцать лет, - рассказывает Василий. - Женитьба эта мне, как вострый нож, да делать нечего: дома еще братишки малолетние да сестренка, а хозяйки нет - мама молодой умерла, мачеха тоже не зажилась долго. Отец не захотел третью жену брать...

... Взяли за меня Нюру, дочь Максима Ларионовича, девушку здоровую, работящую, с лица не так, штобы красивую, и года на четыре меня старше. Оно бы все это ничего: я человек смолоду уживчивый, постоянный... да уж больно разные мы с ней были... В сенокос идем, бывало, мы с ней по колку, а на него

вдруг верховой ветер набежит, протяжно да густо так зашумят сосны, им листвянки отзовутся - мягко да напевно... березы зашелестят, ветвями тонкими запластаются в воздухе, ах! Так бы и не ушел отсюда: стоял бы, да слу-ушал, слу-ушал... да грустил о чем-то...

... Вот, бывало, зашумит эдак-то лес, я и скажу: "Подожди, Нюра, постоим, послушаем, как дубрава шумит". А она постоит-постоит возле меня, да вдруг и зевнет так, што в скулах у нее захрабустит: "А каку ее холеру слушать", - скажет, - "Ну, шумит и шумит, впервое, что лича! Пойдем лучше догребеем тот клин, а солнце-то уж эвона где!"

- Как скажет она мне эдак - словно сучком в сердце ткнет, день ясный потемнеет вокруг... немилым станет.

... Еще до ухода в партизаны и так, и сяк было, а как вернулся я после войны домой, да комсомол в своем селе организовался - пропал я с греха с нею. Я на собрание - она в рев. Я на репетицию в клуб - она за полено хватается! Стыда, сраму на все село с ней. Поначалу я ее с собой звал: "Пойдем, Нюра, со мною вместе, грамоте тебя обучим, в постановках вместе будем играть, книжки читать..."

- Гори оно все ясным огнем, - отвечает, - и грамота твоя, и комсомол, и книжки, я еще совести не потеряла, штобы по твоим клубам подол трепать.... Бросай к черту все свои игрушки да бирюльки, за ум пора уже приниматься, хозяйство ставить!

... А мне хозяйства этого хоть бы век не бывало, а с комсомолом расстаться, да с товарищами - все равно, што живому в могилу лечь...

... Не знаю, до чего бы мы дошли с Нюрой в возгоревшихся этих домашних страстях, если бы жизнь не подсунула нам новых событий, да таких, што понесло меня и закрутило в них, как собаку в колесо.

* * *

- В двадцать первом году случился недород у нас. Двадцать второй был очень трудным, особенно для нашей семьи. Наступил двадцать третий, первый советский год, такой же трудный. Стали мы с отцом думать, как же беду избыть: заработков нет,

продать нечего, сеять нечем, есть нечего. Как ни крути, а до покрова надо где-то подзаработать. Вот и пришлось мне наняться к Андрею Ивановичу Кислицыну в работники. Богато жил мужик, двух работников уже имел, я третий.

... Вот весну отпахали мы, отсеялись, время пришло - на покос поехали за границу: косили в вершине Бугловья, падь такая есть за Аргунью на китайской стороне. Кошенины навалили пропасть, четверо или пятеро было нас тогда, уже не помню. Гребь подошла. В тот день два стога сметали, третий начали, и тут, глядим, из-за колку трое вершных выбегают, подъехали к нам:

- Ну, Василий, бросай работу, в станицу тебя вызывают!

- Чего такое, - спрашиваю.

- Председателем сельсовета тебя, паря, выбрали, дела принимать надо!

- Вот те на - председателем! Да вы, мужики, говорю, што думали, какой же из меня председатель в двадцать три года! Не нашлось вам постарше, што ли?

- Да вот, - отвечают, - пошти што так, паря. Филиппа Федоровича выбирали - жена у него больная, отказался, а больше и мужиков-то грамотных у нас нет, Не Главдея же Романыча, богатея, на власть ставить!

... Тут Андрей Иванович, хозяин, и говорит:

- Я тебя, Василий, удерживать не могу, поскольку, значить, в атаманы тебя выбрали, а только подкузьмил ты меня, брат, момент-то какой, сам понимаешь, сено крайне убирать надо...

- Да не буду я председателем, - горячусь я, - поеду сейчас в волость, откажусь.

... Приехал тогда в волость, рассказываю, што батраком нанялся, присевок пропадает, а дома семья, своих детей уже двое.

- Ничего, - отвечают, - присевок не пропадет, возьмем у хозяина!

- Это как же я возьму его, если я его не заработал? Не-ет, так я не согласен. Да и молод я, какой из меня председатель!

- Научишься! Где же нам пожилого взять, не из-за моря же его выписывать. Ты комсомолец, красный партизан, света повидал... а молодость - што ж... молодость - не порок!

... Так и не приняли моего отказа. Дома уж меня отец ждет.

- Как, - спрашивает, - жить будем с этим твоим председательством, будь оно неладно... платить-то хоть будут что-нибудь?

- По разверстке с посельщиков собирать хлебом, как попу... Мне шесть пудов пшеницы, секретарю - десять, а рассыльному - тоже шесть.

... Тут отец как вроде духом немного воспрянул:

- Пшеница, - говорит, по рублю девять копеек за пуд, ярица - по шестьдесят. Ничего, хоть и не разгуляешься на это, но жить можно. Я и собирать буду: и тебе, и писарю, и десятнику...

А потом и совсем повеселел:

- Да не родись, девушка, на свет! Еще больше соберу, у меня не пропадет! А вот атаман из тебя, паря, хреновый, молод ты... ну, да ничего-о, насобачишься! С народом только дружнее живи!

... Сначала мужики плохо слушались меня, беда! Мягкий я смолоду. Назначишь кого в подводы, а он, холера, придет: "Ну, паря Василий, ослобони, по сено я на четырех собирался!" Освободишь его, назначишь другого, тот тоже прибегает: "На базар крайне надо в Нерзавод, уж будь так добр, брат, отложи на ту неделю!" Назначишь третьего - и у того что-нибудь не слава Богу. Уж десятский наш, Урюпин, ругаться стал:

- Да это што же такое, - говорит, докуда же я по селу бегать буду? Пошто ты их, Василий, освобождаешь? Эдак-то ведь потом и совсем никого не допросишься!

... А я не могу отказать, неловко мне, ведь он, мужик этот, старше меня намного. Я еще под стол пешком ходил, когда он уже отслужился, хозяин... однако же, пришло время - озлел и я.

... Ялу у китайцев надо было выкупать, это значит, разрешение косить у них сено за Аргунью... да... ялу выкупать, а денег нет. Собрали сходку, постановили разверстку по дугам сделать: кто, значит, сколь запрягает лошадей, тот соответственно этому и вносит на ялу. А если обманет - штрафовать. Вот стали мы запись делать, у кого сколько рабочих лошадей. Богачи, конечно, норовят утаить, поменьше записать. Ладно, утаивайте... Главдей Романович, богатый мужик, записал че-

тыре коня, а поехал в лес по дрова на восьми. Мы с комсой прознали про такое дело и - караулить! Вот главдееские приезжают домой, а мы тут, как тут: "Четыре коня записали, а запрягли восемь? Все дрова в школу!" Сам выскочил, старший сын за кол схватился, началась драка... а все-таки, дрова конфисковали.

... Не успели с этим делом разбраздатвся - прибегает вдова Спиридониха: Никишка, бывший атаман, траву у нее на залежи выкосил. Плачет. Посылаю Урюпина за Никишкой - не является. Ждать-пождать - не идет.

- Вот што, - говорю, - ты, тетка Настасья, бери коня и вези кошенину домой. - Она так и сделала. Тут Никишка и без вызова прибежал: "Што-о? Ка-ак? Пошто сено увезла, так ее и эдак?!"

- А ты, - спрашиваю, - почему не пришел, когда тебя вызывали?

- Вызывали? Да я тебе кто? Пешка? Я сам в атаманх ходил, не я к тебе, а ты ко мне должен являться, молокосос!

- Ах, так? Пиши, Киктенко, протокол, што он чужую траву скосил!

... Составили протокол, Никишке принудки две недели закатили. Мужики с тех пор как шелковые стали: и в подводы, и налог, и на собрания. И я уверенней в себе стал.

... И все-таки, главдеевские мне тех дров не простили. В ту же зиму скараулил меня Егорка. Я с собрания вечером шел, а он выскочил с колом:

- Ты нам дрова те, мать-перемать, думаешь возвернуть?

- Нет.

- Ну, так вот же тебе, гад ползучий, получай! - И ударил меня сначала кулаком наотмашь. Я не удержался на ногах, упал... И вот скажи, што спасло меня: речка тут была, земля по краю берега отвалилась, выщерб этот снежком занесло, я в него головой-то и попал, снег продавил. А Егор-то в горячах не заметил, што у меня голова ниже плеч, да и звезданул со всего размаху колом по земле, даже кол разлетелся. Он думал, што по голове меня, кинул обломки и - ходу домой!

... А я схватился, да к ребятам, а потом все вместе - к нему! Он, как увидал меня, сполотнел, сукин сын, затрясся...

- Ну, что потом? Как ты с ним расквитался?

- Милиционер у нас с кулачьем, оказывается, был связан. Мы не знали тогда. Он и выкрутил Егорку...

... Простота же раньше была, как подумаешь да вспомнишь, Боже жь ты мой! - продолжает дальше Василий с легкой улыбкой. Он глядит перед собою, словно воочию видит то, прошлое, молодое, новое, неустроенное.

- Теперь расскажи кому, так не поверят. Урюпин не из нашей станицы был. Лядащенький такой мужиченка, бороденка тощенькая. - Василий руками и выражением лица показывает, как узколицым и мыршавым был этот Урюпин. - Ергачишко на нем вытертый добела, ичиги - глядеть не на што. Приехал к нам в Булдуруй с женой, с тремя ребятишками - одна голь... ну, как есть, ничем-ничего. Приняли мы его в сельсовет рассыльным десятником, поселили в сельсовете, прямо в этой же избе: кутнюю половину отгородили канцелярским шкафом, наш стол в передней половине, а в кутней - Урюпин с женой, туда же иконы перенесли, а ребятишки лето и зиму на печи.

... Мужиков всегда полна изба, рассядутся, где кому вздумается, а то и так, на корточках под стеною, самосад курят, разговаривают о всякой всячине, а урюпинские ребятишки слушают, головы с печки посвешивают, а иногда заиграются и раздерутся тут же на печке. А то увидят, что ребята катаются на санках с горки: сейчас который-нибудь прыг с печки, единственный ватник на всю семью, который и на себя, и под себя, накинет, схватит овчинку и айда на улицу! Босиком! Бежит-бежит, кинет овчинку, постоит на ней, погреется и - дальше. Как добежит до ребятишек, санки скорей у кого-нибудь схватит, упадет на них и - пошел с горки! Ноги зайдутся - опять на овчину. Раза три-четыре скатится и, дуй не стой, снова на печку! Ноги красные, как у гуся. И ни простуда, никакая холера их не брала.

... Потом Урюпиха еще и красна в избу затащила, стала людям на мешки ткать. Сидит своем углу да -- бух! бух! краснами, а мы с Киктенкой, секретарем, сидим в своем углу, пишем. А потом оказалось, што она, холера, еще и знахарить умела: и от лихоманки заговаривала, и от красноты чертила, и хомуты сымала, с глазу, от испуга, бабничала тоже. Бабы к ней

всякий день шастают, зайдут за печку, она и ладит там, шепчет... это в сельсовете-то!

- Ты это мне брось, - говорю ей, - в сельсовете пакостью разной заниматься, советскую власть позорить. Не бросишь - погоним из избы к такой-то бабушке!

- А ей каво сделается, власти-то, если я какой дуре и пошопчу, ребятам крынку простокиши заработаю. Должна же я их чем-то довольствовать. Власть-то эта, совецкая, чья? Бедняцкая! А мы с Кешкой опять же кто? А-а, то-то же! Власть эта наша, и обиды ей от нас никакой не может выйтить.

... Вот и поговори с ней, с жабой!

- Вспомнить, как мы тогда, в первое-то время, работали - смех берет... толклись, тыкались во все стороны, как слепые щенки, за што приняться - не знали. Ну, налог соберем, в подводы пошлем, тяжбы разбираем. Мужик с бабой раздерутся - мирим, а дела настоящего еще не было, вернее, не знали мы еще тогда, что это за дело. И вот, когда волости ликвидировали и создали один район, созвали нас, председателей сельсоветов, на инструктаж. Возглавлял райисполком тогда Казаков... вот человек был! Умный, дельный, не заносчивый... на своем месте человек был. Приемных и неприемных дней не устраивал, как теперешние, в любое время зайди к нему - выслушает внимательно, вникнет и скажет, што и как сделать... ха-ароший мужик был, настоящий партиец, жаль только - не зажился долго... Вот этот-то самый Казаков Василий Михайлович и говорит нам:

- Налоги собирать да повинности с мужиков требовать - это десятое дело в вашей сельсоветской работе. Это мы милиционера можем прислать, он и соберет. Ваше дело - учить людей по-новому жить и работать. Вы должны приохотить мужиков побольше хлеба сеять, семенные фонды создавать, штоб семенами снабжать бедноту. Должны во время школу отремонтировать, да проследить, штоб все детишки пошли учиться в нее. О бедноте должны заботиться, взаимопомощь для них создавать, чтоб беднота чувствовала, што советская власть - родная ее власть.

... И вот тут уж началась тогда настоящая работа: и крестком организовали, и клуб начали строить, артель создали, сначала совсем небольшую, хозяйств десять всего, добровольную, и меня же председателем ее выбрали. Стал я двойным председа-

телем. Вот тут-то и закипело, закружилось все, как в котле, а там раскулачка началась, сплошная коллективизация, борьба, восстания. Партизаны начали восставать: "Мы де не за колхозы кровь проливали, не за такую жизню!" Стали по своим старым частям собираться, командиров бывших призывать...

Наконец-то установилась теплая и ясная погода. Правда, целыми днями торопливо плывут по небу кучи снежно-белых, как паруса, надутых ветром, облаков, и по вечерам, по ночам еще холодновато. Все вокруг зелено, свежо, намного раз промыто, очищено, продуто до последнего листочка ветром и дождями.

Дружно и сразу поднялась, сочно, густо зазеленела картошка на огородах, наливается клубника, румянеют вишни в колхозном саду, их уродилось очень много, рясно. Наш лужек перед домом забархател густою травою, цветами. Во ржи возле церкви засинели васильки, а в роще над обрывом, в теплой тени молодых березок и елей расцвели крупные фиолетовые колокольчики, запахло грибами. Цветет рожь.

Сейчас я мало печатаю и читаю, зато много хожу. Пройду по любимой своей дорожке во ржи, постою над обрывом, а потом уж и не могу уйти: ну, как не спуститься с обрыва в тенистый овраг, не навестить бедную Росянку, не послушать ласкового шороха старушек-верб, тихого шепота ольховой листвы над нею? Как не пройтись по извилистой белой дорожке вдоль всего оврага и не выйти с нею в широкие поля с волнующимися под ветром и солнцем нивами, с пением жаворонков над ними, с ласково открывшимися далями, с синеющими в них деревушками и рощами?

Будто становишься сильнее, стройнее, моложе от тугого чистого ветра, от запаха полей, от веселого луча солнца, то и дело прорывающегося сквозь летучие белые облака.

Хочется без конца идти. Идти, смотреть, слушать и думать, думать... но то, что бывает на душе в это время, дума ли это? По чистоте своей, по музыке, по просветленности, по грусти, по способности до судороги в горле чувствовать и любить все, что вокруг - это скорее состояние полнейшего счастья.

Становится грустно за будущего человека: когда мы "покорим" природу, а с нею и красоту, и мощь ее, где же тогда тот

будущий человек станет обновляться, очищаться душою, набираться сил?

* * *

Василий рассказывает:

- Если не седалось долго молоко в крынках, значит, они кем-то испорчены. Призывали понимающую бабку ладить крынки. Она шептала какой-то наговор, окуривала крынки богородской травкой, и они направлялись...

Я подозреваю, что он где-то там, в самом крестьянском закоулочке души, до сих пор в это верит. Верит, что всякое дело надо начинать на новый месяц, что ячмень на глазу надо лечить древесным сучком, что знающие бабы могут "надеть хомут" - напустить болезнь, а другой "знающий" человек может снять его. Верит, что для того, чтоб водились деньги, надо каждый раз, как появится молодой месяц, показать ему несколько серебрушек и потом уже никуда не тратить их...

* * *

Василий шутит:

- Приснилась какая-то писанина, а не прочитать - сильно мелко написано, как бисером нанизано. Сегодня лягу спать в очках, может, разберу...

* * *

Сегодня хоронили старую женщину. На двух автобусах приехало с Газзавода много родни, соседей, оркестр. Отчаянно рыдала и убивалась самая младшая дочь покойницы, маленькая беременная женщина с опухшим от слез, горячечно-багровым в рыжих мотяжах лицом. Неподдельно болезненные ее вопли и безутешные причитания над матерью, должно быть, любимой, единой советчицей, будоражили толпу. Люди тяжело вздыхали, охали, сморкались, плакали: каждому вспоминались свои потери. Даже пацаны, опустив головы, шмыгали носами. Мы с Василием тоже вышли на кладбище.

Покойницу похоронили, взяли под руки охрипшую, полумертвую ее дочь, уселись в атобусы и уехали. Неподалеку от

дома остался невысокий сиротливый холмик свежей глины и земли, увенчанный некрашенным деревянным крестом.

После того, как-то очень быстро наступил вечер. Было очень неприятно, грустно, тоскливо. Мы с Василием отпили чай и совсем рано улеглись в постели. За окнами было тихо и черно: небо плотно занесло тучами, время от времени посверкивала дальняя молния.

Сон не шел ко мне. Все время вспоминалась та покойница, восковая прозрачная старушечка, в белом бумажном платке, стоны и крики ее дочки... А молнии все ближе да ближе, всплески их все сильнее, все жутче, слышны стали раскаты грома. Шла гроза.

Мне стало жутко, я разбудила Василия, успевшего уже заснуть. За окном в кромешной темноте уже начал накрапывать дождь, вдруг очень близко и ослепительно сверкнуло, осветились грозные недра тучи, и на фоне их черный силуэт церкви... от грохота грома двигнулась земля, дрогнули стены, тонко вскрикнули стекла...

За стенами шумело, грохотало, палило, сверкало, с желобов рвались потоки воды, и вдруг налетел ветер, ударил в окна струями дождя, засвистел в деревьях, загудел...

Мне сделалось совсем страшно. Я все время будила Василия, а он все время засыпал тут же. Не покидала мысль об этой женщине: вот она первую ночь здесь, на новом месте, одна, и над нею так гремит гроза, бушуют деревья, кричат провода...

... А утро родилось розовое, ясное, кроткое. За чаем рассказываю Василию о ночных своих страхах, а он улыбается виновато, удивляется, что проспал все...

- Теперь ей хорошо, - говорит он о покойнице, - чего об ней думать, все от нее отлетело, отлегло, кончились ее заботы, немощи, болезни, не болит сердце о детях... лежит себе тихонечко, на утро ясное радуется, на небушко синее... а может быть и так: тело ее, выношенное, старое, в земле лежит, а сама она, свободная, легкая, снова молодая, вьется где-нибудь пташкой в вышине, волюшке радуется, простору, солнышку, новой какой-то жизни... кто знает, может, наука и до этого дойдет, что духовность это тоже материя, особенная какая-то, или энергия там... как электричество, например... умрет человек - тело его к своему корню отходит, духовность - к своему...

и то, и другое путь свой продолжают, какой положен им... Не могу я согласиться с этим, что с жизнью нашей и сознание наше погибает, ведь природа - она не дура, она делает все разумно, экономно, ну, скажи, зачем бы ей тратить такой дорогой материал, как сознание, совесть, разум, на тупую тушу, колодину, которая через пять-шесть десятков лет потухнет и сгниет... не-ет, тут что-то не так, тут и без микроскопа видно, что дело тут в чем-то другом... может быть, природе на туше этой самой, на колодине, вырастить нужно было частичку эту самую... духовную, для чего-то...

- Да, но ведь этого не признает, к сожалению, наука...

- Ну, и что же... Пусть не признает, а я верю, что всегда буду жить и понимать, и чувствовать, и красотой любоваться, и врагов своих, мать их за ногу, всегда на косое веретено наматывать... так-то, матушка!

Как хорошо, покойно, просто жить Василию с этой его "философией". "Не верю!" - и все тут. "Чувствую"... Сколько людей терзались этими мыслями, а он себе и думушки не имеет об этом, живет во всю силу, воспринимает все по-детски просто, свежо, цельно, а потом, когда придет его время, так же просто и легко отойдет, словно отлетит тополевый лист от ветки в золотой осенний день.

Завидую я Василию: он не мудрит, не копается в себе, не мечется в поисках разрешения всяких "проклятых" вопросов, для него они или не существуют, или решаются очень просто. Старость его, - как яркий осенний денек с бодрящим морозцем, с прозрачным воздухом , с чистыми открытыми светлыми далями.

Мне представляется: он - самая глубинная, самая здоровая и свежая частица той народной стихии, что питает, без конца обновляет и укрепляет жизнь человечества. Пока жива будет эта стихия, что бы ни случилось с людьми, какую бы грязь не суждено было бы им перебрести, какие раны, беды не принять на себя - все перенесут, от всякой нечисти очистятся и снова станут здоровыми, чистыми, сильными.

(Публикуется в сокращении)

С.Я.Надсон (1862 - 1887)

* * *

Сколько лживых фраз, надуто-либеральных,
Сколько пестрых партий, мелких вожаков,
Личных обличений, колкостей журнальных,
Маленьких торжеств и маленьких божков!..
Сколько самолюбий глубоко задето,
Сколько уст клевещет, жалит и шипит, -
И вокруг, как прежде, сумрак без просвета,
И, как прежде, жизнь и душит, и томит!..
А вопрос так прост: отдайся всей душою
На служенье братьям, позабудь себя
И иди вперед, светя перед толпою,
Поднимая павших, веря и любя!..
Не гонись за шумом быстрого успеха,
Не меняй на лавр сурового креста,
И пускай тебя язвят отравой смеха
И клеймят враждой нечистые уста!..
Видно, не настала, сторона родная,
Для тебя пора, когда бойцы твои,
Мелким, личным распрям сил не отдавая,
Встанут все во имя правды и любви!
Видно, спят сердца в них, если, вместо боя
С горем и врагами родины больной,
Подняли они, враждуя меж собою,
Этот бесконечный, этот жалкий бой!..

Ноябрь, 1881

Е.П.Ростопчина (1812-1858)

Негодованье

"Полковник Фитц-Патрик прибыл в Сент-Маркс, имея при себе от 30 до 40 ищеек, этот хищный и плотоядый полк предназначается для борьбы с индейцами из племени семинолов"

"Газет де Франс" .

Свобода!! Равенство!! - Вот что кричат они,
Младой Америки богатые граждане,
Земель украденных владельцы искони,
Республиканцы, пуритане,
Народ торгующий, и мыслящий народ,
Благотворения придумавший науку,
Который гибнущим спасающую руку
В воскресеный день не подает.

Свобода!! Равенство!! - И с этим громким кликом
Натравленных собак они на брань ведут
И хищности зверей, в своем свирепстве диком,
Людей на жертву отдают!..
Неистовой борьбы свидетели немые,
Они без ужаса глядят на смерть и кровь,
И к человечеству забыта их любовь,
Забыты чувства выказные!..

Их мудрость с толку сбил индейцев красный цвет;
Лесные племена гордыне их не братья;
Непросвещенному закрыты их объятья,
Для дикаря в них сердца нет.
Корысть и выгоды внушили их расчеты;
Им нужны реки, лес, и пажити, и степь;

Сосед помеха им, - соседу смерть или цепь!!.
Пусть торжествуют обороты!
И вот как действует та мощная страна,
С кого пример берут народы вековые,
Кто шлет из-за морей законы, утопии,
Кто мечет в старый мир крамолов семена!..

* * *

О Боже! где твой гром? И скоро ль осужденье
Мятежных выходцев достойно поразит?..
Но если с всяким злом дар просвещенья слит,
Пусть нас минует просвещенье!

Апрель 1840
Село Анна

Протоиерей Евгений Касаткин

Русская святость

Термины "святой" и "святость" восходят к Священному Писанию (Библии), указывая на связь земного человеческого с верховной Тайной божественности. Человек святой посвящает свою жизнь Богу и имеет на себе отпечаток мира иного, жизни вечной. В христианском понимании святые - это не просто люди добрые, праведные, благочестивые, но, прежде всего, причастные запредельной Реальности. Это, однако, не лишает их (святых) индивидуальных черт, присущих конкретному человеку, вписавшемуся в определенную историческую эпоху. Одновременно святые возвышаются над своей эпохой, указывая путь в будущее. В древнерусской святости формировался свой особый русский подвижнический образ, тип святости. Генетически он связан с общехристианскими началами и византийским наследием, но, в то же время, он рано усваивает индивидуальные русские черты.

Византийская святость соприкасается с духом торжественности и, несмотря на сильное влияние иноческого аскетизма, она видится через пышную красоту священнодействия, отражающего на себе невечерний Свет Вечности. На Руси христианская духовность, сохранив акскетическую традицию Византии в лице преподобного Феодосия Печерского, усвоила такие духовные качества, как деятельная любовь, служение людям и милосердие. Это можно видеть уже в первые десятилетия после св.князя Владимира. Это первый этап русской святости. Если центральной подвижнической личностью этого периода был Феодосий Печерский, То таким же представителем второго этапа мы видим преподобного Сергия Радонежского. В этот период характерен для подвижников подвиг мистического созерцания: духовного самоуглубления, молитвы, преображения личности через ее сокровенное единение с Богом.

В третьем (московском) периоде основные тенденции первых двух периодов приходят в столкновение, воплотившееся в спор: Иосиф Волоцкий - Нил Сорский. Сторонники первого были выразителями социальной активности Церкви, опирались на поддержку мощной государственной власти, окрепшей после свержения монгольского ига. Представители другой стороны, Нила Сорского, - нестяжатели, носители аскетического идеала, не отрицая значения социального служения, не желали превращения Церкви в богатый репрессивный институт и поэтому выступали против монастырского землевладения и против казни еретиков. Победа в споре была за иосифлянами, что повело к глубокому и затяжному

кризису, создавшему предпосылки для раскола - старообрядчества. А затем последовала другая ломка, связанная с реформами Петра Первого, когда патриаршество на Руси было заменено духовной коллегией - Святейшим Синодом. Эти драматические эпизоды в истории русской святости, однако, не привели к гибели изначального русского духовного идеала, сочетавшего гармонически служение обществу с духовным самоуглублением. Синодальный период, казалось бы, неблагоприятный для оживления русской религиозности, принес оживление святости. Он дал таких светочей духовной жизни, как Димитрий Ростовский, Паисий Величковский, Тихон Задонский. Замерзшую русскую духовную жизнь согревают Оптина пустынь и Саров. Серафим Саровский и оптинские старцы воскрешают русскую святость.

Изучение русской святости является в наше время насущной задачей христианского и национального возрождения. В святых земли Русской мы чтим не только небесных покровителей нашего Отечества. В них мы также ищем откровения собственного духовного пути. Каждый народ имеет свое религиозное призвание, которое полнее всего осуществляется его религиозными гениями. Их идеал веками питал народную жизнь. Вся культура народа, в конечном счете, определяется его религией. Именно последнее позволяет найти ключ к русской святости, объясняющей многое в явлениях современной секуляризованной русской культуры. Большим заблуждением является тенденция рассматривать христианство только лишь как часть национального наследия вне зависимости от самой сущности Евангельского учения. Тогда и язычество в равной степени может претендовать на значение культурного феномена. Уникальность христианства - во Христе и в Евангелии. Именно в этом ключе следует оценивать каждую цивилизацию, основанную на христианстве, в том числе и русскую. Ставя перед собой задачу оцерковления русской культуры, ее обратного включения в тело Вселенской Церкви, мы должны найти ту особую ветвь на Лозе, которая отмечена нашим именем - русскую ветвь православия.

Теперь касательно канонизации святых. Канонизация - это установленное Церковью почитание святых. Акт канонизации, будь он торжественно провозглашенным или безмолвным, не является определением небесной славы угодника Божия. Он обращен к земной Церкви, устанавливает почитание святого в формах общественного богослужения. Известно церковное почитание и неведомых святых, слава которых не открыта на земле. На Руси, как правило, народное почитание предшествует церковной канонизации. Какова же компетенция органов церковной власти в деле канонизации? В древней Церкви каждая епархия вела списки мучеников и святых (диптихи). Расширение почитания святых до пределов Вселенской Церкви было делом выбора всех городских епископальных церквей. Затем процесс канонизации централизуется на Западе - в Риме, на Востоке - в Константинополе. На Руси киевские и московские митрополиты-

греки сохраняли за собой право торжественной канонизации. А о канонизации митрополита Петра известно, что русский митрополит запрашивал патриарха Цареградского. Со времени митрополита Макария (1542-1563) канонизация как общечтимых, так и местных святых становится прерогативой соборов при митрополите, впоследствии - патриархе московском. Обьединение Руси под скипетром московских князей окрылило московское национально-церковное сознание. Выражением высокого призвания Русской земли, ее святости были ее святые угодники Божии. Этим и объясняется назревшая необходиомость в канонизации новых святых. После Макарьевских Соборов 1547-1549 гг. количество святых земли Русской удвоилось. По епархиям было предписано произвести "обыск" о новых чудотворцах. Четьи-Минеи и канонизационные соборы при митрополите Макарии - две стороны одного и того же церковно-национального движения. С ХУ111 в. единственной канонизационной инстанцией является Святейший Синод. Петровский Духовный регламент уже относится к канонизациям весьма сдержанно. Правда, по инициативе Петра Первого были канонизованы двое святых: преподобные Вассилан и Иона Пертоминские, Соловецкие чудотворцы (память 5/18 июня), в благодарность за спасение во время бури на Белом море. Два последних столетия синодального периода характеризуются весьма ограниченной канонизационной деятельностью. До Николы Второго было канонизовано всего четверо святых. В последнее же царствование в соответствии с направлением личного благочестия императора канонизации следуют одна за другой: семь новых святых за одно царствование. Из них трое явились немеркнущей славой Русской Православной Церкви - это преподобный Серфим Саровский, священномученик патриарх Гермоген и святитель Иоасаф, епископ Белгородский.

Границей современного периода канонизации святых является Поместный Собор Православной Церкви 1917/18 гг., канонизовавший святителей Софрония Иркутского и Иосифа Астраханского. В 1977 г. был канонизован равноапостольный Иннокентий, митрополит Московский. Незадолго до этого, в 1970 г., состоялась канонизация святителя Николая, архиепископа Японского. По существующей церковной традиции святые, канонизованные отдельными церквами, могут вноситься в святцы других церквей. В Русской Православной Церкви практикуется также соборное празднование святых. В эти соборы входят все канонизованные ранее святые одной местности (соборы Киево-Печерских, Новгородских, Белорусскийх, Ростово-Ярославских, Казанских, Смоленских, Радонежских святых и др.). Также следует упомянуть о празднике всех святых в земле Российской просиявших. В этот день Церковь чтит всех русских угодников Божиих (вместе), как прославленных, так и не известных людям, но ведомых Богу. Канонизация осознается, как явление в Церкви святости Божией, действующей через подвижников благочестия ("Дивен Бог во святых Своих" - возглащает богослужебный про-

кимен). Поэтому условием канонизации является проявление подлинной святости угодника Божия. Свидетельством святости являются следующие признаки:

1. Вера Церкви в святость подвижников, угодивших Богу, послуживших пришествию на землю Сына Божия и проповеди Евангелия (святые праотцы, отцы, пророки и апостолы).

2. Мученическая за Христа смерть или истязания за веру Христову (мученики и исповедники).

3. Чудотворения, совершившиеся по молитвам подвижника или от его святых мощей (св.чудотворцы).

4. Высота святительского служения (св.святители).

5. Высота заслуг перед Церковью и народом христианским (князья, цари и равноапостольные).

6. Праведная, святая и добродетельная жизнь (князья, преподобные).

7. Большое почитание народом еще при жизни.

8. Противостояние за веру до крови.

Нередко началом канонизации являлось возникновение чудес от св.мощей. Мощами являются останки святых, сохранившиеся полностью или частично. Нередко мощи износились из земли уже после канонизации. Из этого следует, что наличие св.останков являлось лишь одним (но не обязательным) из возможных условий прославления святого. Касательно нетления мощей следует заметить, что Церковь чтит как кости, так и нетленные тела святых одинаково именуемые мощами. Это наименование останков святых означает мощь, силу, сверхъестественное проявление ввиду их причастности Божией благодати. Церковный историк Голубинский приводит примеры нетленных (княгиня Ольга), тленных (Серафим Саровский) и частично нетленных (Дмитий Ростовский) мощей. Известны случаи и естественного нетления (мумификация) тел, ничего общего со святыми не имеющих, на некоторых кладбищах Кавказа, Сибири и Франции. Хотя Церковь всегда видела в нетлении святых особый дар Божий, видимое свидетельство их славы, в Древней Руси не требовали этого чудесного дара для канонизации к а ж д о г о святого. В синодальную эпоху в общем мнении укоренилось неправильное представление о том, что все почивающие мощи угодников Божиих являются нетленными останками. Впервые это заблуждение опроверг Санкт-Петербургский митрополит Антоний и Святейший Синод при канонизации преподобного Серафима Саровского. Несмотря на это и на соответствующие разъяснения, в народе продолжали бытовать прежние взгляды. Поэтому результаты кощунственного вскрытия мощей большевиками в 1919/20 гг. явились для многих разочарованием. Древняя Русь трезвее и разумнее смотрела на этот вопрос, чем новые "просвещенные" столетия, когда и просвещение и церковная традиция страдали от взаимного разобщения. С петровских времен русская культура развивалась в двух обособленных друг от друга направлениях, и ни одно из них нельзя назвать худшим. Они могли бы плодотворно взаимовосполняться с великой взаимной пользой, но этого не было. Одна из этих ветвей культурного развития делала упор на просвещение клас-

сическое - ее можно было бы назвать дворянской. Если Петр Первый требовал от дворян общественной отдачи, государственной службы, то при его премниках вышел указ "О вольности дворянской", рассматривавшей государственную службу дворян не как обязанность, а как дело их доброй воли. Свободные от государственной службы дворяне имели время, а следовательно, возможность усваивать плоды мировой культуры, и, таким образом, они стали носителями этой культуры в русских условиях. Другая ветвь культуры основывалась на византийских церковных традициях и была ближе к простому народу, а также служила основой образования для духовенства. Следует отметить очень высокий уровень образования и культурного достижения в обоих этих направлениях. Но их разобщенность влекла за собой взаимные обвинения в примитивности, ограниченности и бескультурии. Представители этих направлений не общались ни в какой сфере жизни. Просвещение и церковная традиция противостояли друг другу. Известно, что такие столпы духовности в разных ее аспектах, такие великие современники, как Пушкин и преподобный Серафим Саровский не знали даже о существовании друг друга. Москва и Петербург подтрунивают друг над другом. Но почитание святых сильно в народе как в Москве, так и в Петербурге. И опять приходится обратиться к истине, что древняя русская мудрость превосходила просвещение новых времен. Кого видит современник в лице святых Бориса и Глеба, в лице Александра Невского? В первых он видит лишь жертв княжеских междоусобиц, а во втором - русского героя-полководца. Но в чем же их подвиг как святых? Летописец Нестор, стремясь к житейской полноте изложения, сообщает некоторые сведения из жизни князей Бориса и Глеба до убиения их. Они показаны летописцем связанными тесной духовной дружбой. Юный Глеб всегда пребывает рядом с Борисом, слушая его день и ночь. Борис читает жития святых, особенно мучеников, моля Бога о том, чтобы ходить по их стопам. Князья отличаются милостыней и нищелюбием. Но все эти факты отсутствуют в распространенном тогда на Руси "Сказании" о мучениках, составленном монахом Иаковом. Это говорит о том, что не христианское благочестие князей, а лишь смертный подвиг их остался в народной памяти. Рассматривая причину такого подхода, легко увлечься ближайшей морально-политической идеей: послушание старшему брату. Словами летописи Борис говорит дружине: "Не буди мне возняти руки на брата своего старейшего"... Нравственный вывод автор летописи дает такой:"...коль высокопокорение, ежа стяжаста святая к старейшему брату... Мнози бо суть детескы князи, не покоряющеся старейшим и супротивящеся старейшим им; и убиваеми суть; ти не суть такой благодати сподоблени, яко же святая сия". Память этих мучеников - голос совести в обстановке междоусобиц, не ограниченных никаким законом, дающий нравственный образец для подражения. Но этот политический мотив старшинства должен предостеречь от его религиозной переоценки. Известно, что начало

старшинства не было действенным в княжеской среде. Преступный брат не мог требовать повиновения себе. Сопротивление ему было всегда оправдано. Таково праведное мщение Ярослава в наших житиях. С другой стороны, популярные на Руси династии создавались по линии младших сыновей: Всеволодовичей, Юрьевичей, Даниловичей. Добровольная смерть Бориса и Глеба не могла быть их политическим долгом. Размышления Бориса по "Сказанию" дают евангельское обоснование подвига страстотерпцев. Он говорит (о смирении): "Господь гордым противится, смиренным же дает благодать. О любви: "И же рече: Бога люблю, а брата своего ненавидит, ложь есть", или "Совершенная любы вон измещает страх". Подчеркивается также аскетическая оценка суеты мира и бессмысленности обладания властью. Еще сильнее Борисом приживается идея мученичества: "Аще кровь мою пролиет, мученик буду Господу моему". Ночью накануне убийства он вспоминает о мученичестве Никиты, Вячеслава и Варвары, убитых от руки своих близких родных. У Нестора Борис - "сообщник страсти" Христовой. Здесь очевидно имеет место евангельская идея вольной жертвы за Христа (хотя и не за веру Христову). Подвиг непротивления есть национальный русский подвиг, религиозное открытие новокрещеного русского народа. Через жития святых страстотерпцев, как через Евангелие, образ кроткого страждующего Христа вошел в сердце русского народа навеки.

Борис и Глеб впервые на Руси выявили чин "старостотерпцев" один из самых пародоксальных ликов русских святых. Непротивление смерти сообщает характер вольного заклания насильственной кончине и очищает закланную жертву там, где младенчество не дает естественных условий чистоты. Здесь не делается различия между смертью за веру во Христа и смертью в последовании Христу. И последняя особенность почитания страстотерпцев - по кончине они становятся во главе небесных сил, обороняющих землю Русскую от врагов: "Вы нам оружие, земля Русская забрала и утверждение и меча обоюду остра, има же дерзость поганьскую излагаем" ("Сказание"). Кто читал житие благоверного князя Александра Невского, помнит описание видения Пелгусия в ночь перед Невской битвой (1240): Борис и Глеб находятся в ладье посреди гребцов, "одетых мглою", положив руки на плечи друг другу, говорят: "Брате Глебе, - сказал Борис, - вели грести да поможем сроднику нащему Александру". Эта особенность почитания страстотерпцев тесно связана с почитанием Креста Господня в христианстве. Крест - символ всех страстотерпцев - из орудия самой мучительной и позорной казни становится символом нашего спасения, оружием на диавола, знамением победы над врагом.

В князе Александре Невском мы видим самоотверженную любовь к народу, готовность отдать душу "за други своя". Высшая христианская заповедь - это заповедь о любви. Христос Спаситель говорит: "Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет бльше той любви, как если

кто положит душу свою за друзей своих"(Ио. 15, 12-13). Проявляя христианское смирение, князь ездил в Золотую Орду, умилостивлял хана и тем сохранял землю Русскую от татарских набегов. Когда он был оскорблен псковичами, то не только не затаил обиды, а проявил добродетель христианского всепрощения. Когда ввиду опасности псковичи вынуждены были обратиться за помощью к князю Александру, он приехал в Псков и оказал эту помощь.

Как в первом примере, с князьями Борисом и Глебом, так и во втором, с князем Александром Невским, мы видим идеальное христианское отношение к обстоятельствам жизни. В этом - их подвиг святости.

И еще один лик святых пользовался всегда на Руси большим почитанием, в то время как современному человеку их подвиг не вполне понятен. Это лик блаженных, или Христа ради юродивых. Если остановиться на очень трудной духовной феноменологии русского юродства, то это могло бы составить самостоятельный капитальный труд. Здесь только схематически укажем ключевые моменты, цементирующие воедино все стороны подвига юродства.

Во-первых, аскетическое попрание тщеславия. В этом смыле юродство есть притворное безумие или безнравственность с целью достижения поношения от людей.

Во-вторых, выявление противоречия между глубокой христианской правдой и поверхностным "здравым смыслом" и "моральным законом" с целью посмеяния миру, ибо "немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее человеков" (1 Кор. 1,25).

И, наконец, служение миру своеобразной проповедью, совершаемой не словом или делом, а силой Духа, духовной властью личности, нередко облеченной пророчеством.

Почитанием блаженных почти всем им усваивается дар пророчества. Высший смысл и разум, прозрение духовных очей - все это рассматривается как награда за попрание человеческого разума. В тропаре блаженной Ксении Петербургской говорится: "...безумием мнимым безумие мира обличавшим, смирением крестным силу Божию восприяла еси..."

Юродивый не признает мирской иерархии ценностей и пародирует ее своей жизнью. Не всегда юродство проявляется в чистом виде. Чаще в подвиге святых можно видеть лишь отдельные элементы юродства. Так о некоторых преподобных можно было слышать, что они юродствуют как бы временно (Исаакий Печерский, Авраамий Смоленский). Социальное самоунижение, "худые ризы" преподобного Феодосия граничат с юродством смирения. Соединяемое с подвигом преподобных юродство является не самостоятельной формой подвижничества, а привходящим моментом аскезы.

Первым настоящим юродивым на Руси (т.е. с самостоятельным подвигом юродства) был святой Прокопий Устюжский (XIY в.) Его юродство, согласно житию, навлекает от людей "досаду и укорение и биение и пхание", но он молится за своих обидчиков. Житие свое он ведет настолько жестокое, что с ним не может сравниться самый су-

ровый монашеский подвиг: не имеет кровли над головой, ночует на паперти соборной церкви. По ночам Прокопий тайно молится, прося у Бога, "полезных граду и людям". Немного пищи принимает от богобоязненных людей и ничего - от богатых. Он обладает пророческим даром прозорливости и однажды возвестил гнев Божий на город "за беззаконные и неподобные дела". Никто не слушает его призывов к покаянию, и Прокопий в молитвенном плаче за город целые дни пребывает на церковной паперти. Только когда нашла на город тьма и страшная туча, а земля затряслась, все побежали в церковь. Общая молитва перед иконой Богородицы отвратила Божий гнев, и каменный град разразился в двадцати верстах от Устюга, где столетия спустя еще можно было видеть поваленный лес.

Неотъемлемый от юродства пророческий дар прозорливости блаженный проявляет и в другом эпизоде. В страшный мороз, каких не знали устюжане, когда замерзали люди и скот, Прокопий попросил приюта у клирошанина Симеона, отца будущего святителя Стефана. В этом доме он предсказывает Марии, жене Симеона, о рождении от нее святого сына. В общении с людьми в юродивом нет ничего сурового и мрачного. Он целует хозяина, приветствуя словами: "Брате Симеоне, отселе веселися и не унывай".

Новгород - родина русского юродства. Блаженные XIY - нач. XY вв. связаны с Новгородом. Здесь, в частности, в XIY в. юродствовали Никола Качанов и блаженный Феодор. В то время Новгород "славился" систематическими драками на городском мосту через реку Волхов, в которых сталкивались жители Софийской и Торговой сторон города. Блаженный Никола (живший на Софийской стороне) и Федор (живший на торговой стороне) очень живо пародировали этот народный порок. Они переругивались и перебрасывались через Волхов. При попытке одного из них перейти мост другой гнал его назад: "Не ходи на мою сторону, живи на своей". Предание говорит, что после таких пародированных "боев" блаженные иногда возвращались каждый на свою сторону не через мост, а прямо по воде, "яко по суху". В пятнадцати верстах от Новгорода в Клопском Троицком монастыре подвизался блаженный Михаил, являвшийся провидцем, а житие его было собранием пророчеств юродивого. В числе их - провидение рождения Ионна III и предсказание о гибели новгородской свободы.

В ряду московских юродивых XY век дает блаженного Максима, в XYI в. - Василия Блаженного и Ионна по прозвищу Большой Колпак. Единственным источником, позволяющим ознакомиться с народным русским идеалом блаженного, является житие упомянутого выше Василия. Свою прозорливость он проявил уже в детстве, посмеявшись и прослезившись над купцом, заказавшим себе сапоги: купца ожидала скорая смерть. На рынке он уничтожает товар, наказывая недобросовестных торговцев. Все его поступки имеют таинственный скрытый мудрый смысл, который был выражением духовного видения. Блаженный швыряет камни в стены жилища добродетельного христианина и целует стены дома

злого человека. Это объясняется тем, что из дома благочестивого изгоняются бесы, а дом злого покидают ангелы. Подаренное царем золото он отдает не нищим, как казалось бы естественно ожидать, а чисто одетому купцу, ибо купец, утратив все свое состояние и голодая, не решается просить милостыню. В гостях у царя Василий поданое ему питие выливает в окно, чтобы потушить пожар в далеком Новгороде. Не раз он является обличителем царя Ивана Грозного за его жестокости и по другим поводам. Так он кротко укорил царя за то, что тот, стоя в церкви на молитве, мыслями был на Воробьевых горах, где строились царские палаты. Однажды блаженный пригласил царя к себе и стал его угощать сырым мясом и кровью. В ответ на отказы царя Василий, обнимая его одной рукой, показывает другой на возносящиеся на небеса души невинно замученных людей. Царь в ужасе взмахом платка приказывает остановить казни. Тогда страшные явства (мясо и кровь) превращаются в сладкий арбуз и вино. К моменту кончины Василий пользовался уже всенародным почитанием. Погребен он был в Покровском соборе на Красной площади в Москве, который народная память переименовала в храм Василия Блаженного..

Ряд русских блаженных, согласно житиям, имеет немецкое происхождение. К таковым можно отнести Ростовского юродивого Исидора, Прокопия Устюжского, Ростовского блаженного Иоанна Власатого (милостивого) и других. Известно, что католический Запад не знал юродства. Как ни парадоксальным кажется несение этого подвига перешедшим в православие немцам, опыт нашего времени показывает, что нередко православные немцы обнаруживали настоящую русскую душу в славянофильстве и религиозной ревности. Но иностранное происхождение первого русского юродивого Прокопия Устюжского весьма сомнительно.

В XIY в. неотъемлемой принадлежностью юродства стало обличение сильных мира сего. Ярко передает псковская летопись беседу блаженного Николы с Иоанном Грозным. Когда Пскову грозила участь Новгорода, этот юродивый вместе с наместником велели ставить на улицах столы с явствами и с поклоном встречать царя. Когда после молебна царь зашел к Блаженному благославиться, Никола поучал его "ужасными словесы еже престати велия кровопролития". Когда Никола поставил угощение из мяса, царь стал отказываться, ссылаясь на пост, юродивый возразил вопросом: "А кровь христианскую пьешь?" Когда Иоанн Грозный распорядился снять колокол с храма Св.Троицы, несмотря на бывшие предупреждения, у него тотчас же пал лучший конь "по пророчеству святого".

Иностранные путешественники нередко пишут о политическом служении юродивых. Так, в 1588 г. Флетчер писал: "Кроме монахов русский народ особенно чтит блаженных (юродивых) и вот почему: блаженные подобно пасквилям указывают на недостатки знатных, о которых никто другой и говорить не смеет. Но иногда случается, что за такую дерзкую свободу, которую они позволяют себе, от них тоже отделываются, как это и было

в предшествующее царствование за то, что они уже слишком смело поносили правление царя".

Об огромном уважении русского народа к блаженным в начале XYI в. Герберштейн пишет: "Юродивые ходили нагими, средина тела у них закрыта тряпкой, с дико распущенными волосами, железной цепью на шее. Их почитали и пророками - явно обличаемые ими говорили: "Это по грехам моим." Если они что брали в лавке, торговцы еще благодарили." Из этих описаний можно заключить следующее. Юродивые в Москве были многочисленны и составляли особый класс. Но Церковь канонизовала из них немногих. Общее к ним уважение (за исключением отдельных случаев насмешки детей и озорников), носимые ими вериги совершенно изменили в русских условиях смысл древнехристианского юродства. Теперь это уже менее всего подвиг смирения. В данную эпоху юродство принимает форму пророческого в древнееврейском смысле служения, соединенного с крайней аскезой. Спецификой юродства остается посмеяние миру. Теперь уже не мир ругается над блаженными, но они ругаются над миром. В XYI в. подвигу юродства начинает усваиваться социальный, в дополнение ко всему, и даже политический смысл. В древности святые князья строили государство и стремились к осуществлению в нем правды. Московские князья упрочили это государство весьма крепко. Церковь всецело передает государственное строительство царю. Но на торжествующую в мире и государстве неправду восстает христианская совесть, которая выносит свой суд тем свободнее и авторитетнее, чем меньше она связана с миром, чем радикальнее отрицает мир. Блаженные вместе со святыми князьями вошли в Церковь как поборники Христовой правды в социальной жизни.

Снижение уровня духовной жизни с середины XYI в. разрушительно коснулось и юродства. Юродивые уже встречаются реже. Из них московскиее уже не канонизируются. Юродство и монашество более сосредотачиваются на севере, тяготея к своей новгородской колыбели. Городами последних святых юродивых являются Вологда, Тотьма, Каргополь, Архангельск, Вятка. В Москве государственная и церковная власти относятся к блаженным уже с некоторым подозрением. Среди них уже присутствуют лжеюродивые, натурально безумные или обманщики (тунеядцы). Умаляется уровень празднования канонизованных святых Христа ради юродивых. Синод вообще прекратил практику канонизации их. Лишаясь духовной поддержки, гонимое полицией, юродство спускается в простонародье и претерпевает вырождение.

Синодальный период Русской Церкви можно изучать как историю духовной жизни, историю праведности, но пока еще не историю святости. В то же время святость допетровской Русской Церкви представляется цельной и законченной. Процесс ее развития имел свое возрастание, свою вершину (XY век) и свой упадок. Для этой цельной русской святости характерна светлая мерность, отсутствие радикализма, крайних и резких отклонений от древних христианских идеалов. В русском монаше-

стве мы не видим жестокости аскезы, самоистязания. Господствующая аскеза русских святых - это пост и труд. А от трудовой аскезы один шаг до аскезы хозяйственной. Отсюда большое значение монастырей в системе всего хозяйства страны. Соловки, Валаам и другие обители - это оазисы образцового хозяйства на основе последних достижений своего времени. Хозяйственная жизнь монастыря получает свое религиозное оправдание в его социальном служении миру. Иноки заповедуют милостыню и благотворительность как условие духовного процветания: "Страннолюбия не забывайте". Служение монастырей и святых не ограничивается смягчением экономических язв и телесных недугов. Мир притекает к монастырям и к святым в жажде очищения, желая хотя бы на время приобщиться к созерцанию духовной красоты (как это было бы актуально в наше время!). Бесстрашие святого перед властью (государственное исповедничество) - характерная черта русских преподобных княжеского и первого столетия царского периода русской истории. Мученический исход этого исповедничества в XYI веке говорит о разрушении старинных отношений между святостью и миром. В трудовую аскезу включается и книжный труд. Уважение к духовному просвещению было велико., Но немногие подвижники достигли учености (Авраамий Смоленский, Стефан Пермский, Дионисий Троицкий, Максим Грек). Зато многие из них были иконописцами.

Самой глубокой печатью русской святости является образ уничиженного Христа. Многочисленность святых мирян, евангельский образ их подвига говорят, что сияние лика Христова не ограничивалось стенами монастыря, и пронизывало всю толщу народной жизни. Древняя Русь была сильна простой и крепкой верой, до конца утоляемой в ограде Церкви, в ее быте и в ее узаконенном подвижничестве. "Святое беспокойство" и "богоискательство" (в которых иногда склонны видеть суть русской религиозной души) - явления нового времени. В синодальный период создавшийся холодок в отношениях между иерархической Церковью и народной религиозностью не погубил святости, начавшей пробуждаться от летаргии XYII века.

Среди монастырей с приходившей в упадок иноческой жизнью всегда находится лесной скит или келия затворника, где не угасает молитва за весь мир. И народная любовь отмечает их. В пустынь, скит, келию к старцу или в хибарку блаженного стекается народное горе с жаждой преображения убогой жизни, чуда, благодати, исцеления. Преподобный Серафим Саровский излучает богатство духовных даров. К нему тянется не одна темная сермяжная Русь. Он распечатал ту синодальную печать, которая была наложена на русскую святость. Наше поколение чтит в нем величайшего из святых Древней и Новой Руси. Явление преподобного в обстановке XYII-XIX вв. воскрешает мистические традиции, заглохшие уже в Московской Руси. В XYIII веке старец Паисий Величковский возрождает "умную" молитву, став отцом русского старчества.

Оптина и Саров - центры духовной жизни России. "Откровенные

рассказы странника" - безымянное свидетельство умной молитвы в середине XIX века вне монастырских стен, в среде странников и пустынножителей. Старчество становится преемником духовных даров и служения миру, наставляя и монашествующих и мирян к духовной жизни, соединяя умное делание с мирским бытом. У преподобного Серафима соединяется глубокая традиционность с пророческим обетованием нового. Он своим пасхальным приветом и ощущением радости свидетельствует о новых духовных временах. В эти времена (а они уже наступают) Русская Православная Церковь становится лицом к лицу со своим новым предназначением. Это предвидел даже светский глубокий исследователь русской святости Георгий Федотов, развенчавший миф об отсталости Древней Руси. Он писал: "... придет время, и Русская Церковь станет перед задачей нового крещения обезбоженной России. Тогда на нее ляжет ответственность и за судьбы национальной жизни. Тогда окончится двухвекоая отрешенность ее от общества и культуры. И опыт общественного служения древних русских святых приобретает неожиданную современность, вдохновляя Церковь на новый культурный подвиг" (Г.Федотов. "Святые Древней Руси").

В новейшеее время, как уже отмечалось выше, неоднократно имели место канонизации новых святых. Кроме того, в 1988 году празднование 1000-летия крещения Руси ознаменовалось Поместным Собором Русской Православной Церкви, на котором было канонизовано девять подвижников благочестия. В их подвиге проявились следующие добродетели, послужившие основание канонизации: "любовь к ближнему, служению Отечеству, благотворительности и храмоиздательство князя Московского Димитрия; постничество, аскетический подвиг и творчество иконописания Андрея Рублева; строгая христианская жизнь, терпенеие и твердость в вере преподобного Максима Грека; забота о Церкви, смирение, постничество и пример почитания святых, данные митрополитом всея Руси Макарием; старчество, молитвенность и подвиг ученого монаха схиархимандрита Паисия Величковского"; самопожертвование и бескорыстие, смиренномудрие и любовь к ближним Блаженной Ксении; труд просветителя, богослова, аскета и проповедника - святителя Феофана Затворника; образ пастыря, пример душепопечительства, сострадания, снисхождения к людям и верности Богу схииеромонаха Амвросия Оптинского; глубокое богословствование, образ молитвенности и пример всецелой отданности для служения Богу епископа Игнатия Брянчанинова. ("Канонизация святых", Загорск, 1988).

Этим же собором была создана комиссия по канонизации святых, в задачу которой вошла деятельность по подготовке материалов к последующим прославлениям новых подвижников благочестия. В результате работы комиссии были канонизованы два российских патриарха - Иов и Тихон. Патриархом Тихоном начинается ряд канонизаций6 которые еще несколько лет назад были невозможны. Святей-

ший Тихон был незаслуженно репрессирован с предъявлением нелепых обвинений. Сейчас он реабилитирован. На очереди - канонизация убиенных митрополитов Вениамина Петроградского и Владимира Киевского.

Летом 1990 г. состоялся Поместный Собор Русской Православной Церкви по случаю избрания нового патриарха вместо умершего Святейшего Пимена. Помимо избрания патриарха Собор рассмотрел назревшие вопросы жизни Русской Православной Церкви. В их числе - вопрос о канонизации праведника Божия Протоиерея Иоанна Кронштадтского. Канонизация и прославление нового святого происходили в Свято-троицкой Сергиевой Лавре. Это на сегодня - последний святой, канонизованный в Русской Православной Церкви. До настоящего времени невозможность его канонизации имела место по причине монархических взглядов о.Иоанна и навешанных на него ярлыков ("черносотенец", "мракобес" и т.п.). В жизни же это был народный священник. Он всегда был там, где горе, нужда, болезнь. По его молитвам исцелены многие тысячи людей. Именно этой стороной своего подвига он известен народу. Но была еще другая, более сокровенная сторона его подвига, особое живое восприятие литургии, глубокое переживание ее смысла и символики. При ежедневном служении эта сторона подвига Кронштадтского пастыря давала высшую силу его молитве. Его молитва (особенно об исцелении) исполнялась нередко на виду у людей, что делало отца Иоанна вождем уверования в эпоху начинающегося упадка веры.

Среди сонма святых земли Русской имеются подвижники всех существующих ликов. Ни одна православная церковь в мире не имеет у себя столько небесных покровителей. И мы верим, что силою их молитвы Русская Православная Церковь преодолеет все искушения и трудности, как преодолевала их и до сих пор. Этой всепредолевающей духовной силой она будет способствовать возрождению духовности и русской культуры.

ПРОТОПОП АВВАКУМ

XVII век.

Поехали из Даур, стало пищи скудать и с братию Бога помолили, и Христос нам дал изубря, большова зверя, - тем и до Байкалова моря доплыли. У моря русских людей наехала станица соболиная, рыбу промышляет; рады, миленькие, нам, и с карбасом нас, с моря ухватя, далеко на гору несли Терентьюшко с товарищи; плачут, миленькие, глядя на нас, а мы на них. Надавали пищи сколько нам надобно: осетроф с сорок свежих перед меня привезли, а сами говорят: "вот, батюшко, на твою часть Бог в запоре нам дал, - возьми себе всю!" Я, поклонясь им и рыбу благословя, опять им велел взять: "на што мне столько?" Погостя у них, и с нужду запасцу взяв, лотку починяи парус скропав, через море пошли. Погода окинула на море, и мы гребми перегреблись: не больно о том месте широко, - или со сто, или с осьмьдесят верст. Егда к берегу пристали, востала буря ветеренная, и на берегу насилу место обрели от волн. Около ево горы высокие, утесы каменные и зело высоки, - двадцать тысящ верст и больши волочился, а не видал таких нигде. Наверху их полатки и повалуши, врата и столцы, ограда каменная и вдоры, - все богоделанно. Лук на них ростет и чеснок, - больши романовскаго луковицы, и слаток зело. Там же ростут и конопли богорасленныя, а во дворцах травы красныя - и цветы и благовонны гораздо. Птиц зело много, гусей и лебедей, - по морю, яко снег, плавают. Рыба в нем - осетры и таймени, стерледи и омули, и сиги, и прочих родов много. Вода пресная, а нерпы и зайцы великия в нем: во окиане-море большом, живучи на Мезени, таких не видал. А рыбы зело густо в нем: осетры и таймени жирны гораздо, - нельзя жарить на сковороде: жир все будет. А все то у Христа тово, света, наделано для человеков, чтоб, упокоясь, хвалу богу воздавал. А человек, суете которой уподобится, дние его, яко сень, прехо-

дят: скачет, яко козел; раздувается, яко пузырь: гневается, яко рысь; съесть хощет, яко змия; ржет, зря на чюжую красоту, яко жребя, лукавует, яко бес; насыщаяся довольно, без правила спит; бога не молит; отлагает покаяние на старость и потом исчезает, и не вам, камо отходит: или во свет, или во тьму, - день судный кое гождо явит. Простите мя, аз согрешил паче всех человек.

(Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск, Восточно-Сибирское книжное издательство, 1979)

Критика

Павел Забелин

Когда золото темнеет...

(Литературное обозрение с прологом и эпилогом)
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

2

Какая разница между русским и русско-язычным стихом? Что значит русскость в русском стихе? - стали ныне спрашивать начинающие.

Все начинается с рода, клана, нации.

Историк Л.Н.Гумилев, странно с нерусским произношением, настаивает на текучести, относительности национального признака.

Национальный генотип существует как всеобщее в нации, роде, но сама индивидуальность, характер могут оказаться выше или ниже. Можно рассуждать о поповщине, раскольничестве, русской натуре, но протопоп Аввакум - это вам не мифический Прометей, а живой великий русский человек в высочайшем общемировом смысле.

С.Золотцев, касаясь этой темы, советует не быть ханжески-боязливым, исследовать национально-психологические особенности, корни стихов евреев Г.Гейне, О.Мандельштама, В.Рабиновича, немки К.Павловой (с.121-122). Согласны, но зачем опять этот смешанный ряд разновеликих авторов? Попутно столичный критик - эссеист называет еврейский народ сотни лет преследуемым, унижаемым. Легенда о страданиях иудеев - одна из великих мистификаций Сиона. Сионизм старается замыть расистскую идеологию Талмуда. Если иудеев гнали с Б.Востока, Балкан, из Персии, Европы, то гнали ростовщичество, талмудизм, торгашество, племенную ненависть ко всем гоям, не-евреям. Да, при мировых катастрофах

евреи страдали, но не больше других, а гораздо меньше. 6 млн. слуг Давида, замученных фашистами, - это м и ф .

Еврейская народная культура, философия, искусство остаются "терра инкогнито", вероятно, заменились талмудистским империализмом масонских лож, организаторов английской, американской, французской, Русской (иудейской) революций.

Общепризнано, что русский язык богаче, интереснее, сложнее европейских по словарному составу, синтаксическому строю, интонационно, орфоэпически. Не будем хвастаться словами Ломоносова (великолепие гишпанского, крепость латинского и др.). Латинское правило: подежащее всегда впереди сказуемого - доминирует в "европейской" стилистике.

Русский язык богат инверсионно, подвижностью слов, членов предложения, Подлежащее может оказаться на втором, даже третьем месте после сказуемого, дополнения, обстоятельства. Во французском, английском языках ударение в слове постоянно: на последнем, на первом слоге. В русском такого железного порядка нет. Русский стих силлабо-тоничен.

Сравните последовательно.

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет...
Люблю отчизну я...

Раскроем "Цветы зла" Бодлера

Лишь Смерть утешит нас и к жизни вновь
пробудит,
Лишь смерть - надежда тем, кто наг, и нищ, и сир...

Своеобразны стилистика русского языка как средства общения и воздействия (публицистическая, поэтическая речь), лексическая стилистика, синтаксическая, стилистика художественной речи и пр. Интересующихся глубже отсылаем к лингвической энциклопедии "Русский язык" (М.: 1979,-С. 123,257, 335 и др.) На наш взгляд филолога-литературоведа, суть не в инверсионности, а в лексическом богатстве, синонимии. Для автора не русского происхождения освоение лексики,

запаса слов - труднейшая задача. Пушкин ее узаконил. Автор "Евгения Онегина" коробил офранцуженную публику просторечием, которое полагалось за вульгаризмы, в том числе синтаксический.

"Я?" - "Да, Татьяны именины
В субботу. Оленька и мать
Велели звать, и нет причины
Тебе на зов не приезжать."
"Но куча будет там народу
И всякого такого сброду..." -

Народно-разговорные лексика, синтаксис приобрели у Пушкина стилистическую окраску, давали автору, персонажу национально-человеческую характеристику.

Русский стих певуч, как например речь орловчанина, москвича.

Есть песня в исполнении И.Кобзона "Русское поле".

Поле, русское поле...
Здравствуй, русское поле!
Я твой тонкий колосок.

Русский простолюдин придумывать, украшать себя не любит высокими словесами, наоборот, может усмехнуться в свой адрес. "Русское поле" вычурно, надуманно: "Я твой тонкий колосок".

Это русско-язычный стих, выглаженный как стилизация, прием.

Вспомним лермонтовскую синтагму "Люблю отчизну я", полонившую целые поколения поэтов... Обратим внимание на словесное богатство, стилистическую окраску слова - понятия (отчизна, странная любовь), антонимы "слава, купленная кровью" - "покой", "темная старина - заветные преданья". Строки певучи, благозвучны в синтаксисе разговорно-книжной речи. Анафора "люблю" организует мелодию. Это русский стих, певучий, элегический, раздумчивый, посвященный не себе, а чему-то свыше. Вместо змеиного шипения являются

звуки "т", "д" (тревожные), "н", "л", "м" (выражающие чувства нежные, возвышенные, по Ломоносову).

У Е.Евтушенко есть строки: "Людей неинтересных в мире нет. Их судьбы - как истории планет"... Это русско-язычный стих, склонный к изобретательству, каламбуру.

Последний штурм бушует на экране
С душой поставил битву режиссер.
Вот только боль слышнее в старой ране.

И.Бро. Ветеран.

Пробило полночь ровно в полночь,
А ровно в пять пропел петух.
И тут же свет в избе потух,
Иван Савельич встал, вздохнув,
И налил водки ковшик полный.

Б.Драгилев

Это русско-язычные стихи.

Искусство является любовью ко всем проявлениям жизни. (Л.Толстой).

Без национального духа с о б о р н о с т и не может быть музыки слов на русском языке.

Что существенно?

В Англии, Франции есть еврейская англоязычная и франкоязычная литература, которая никак не замещает национальных культур этих стран.

И.Шафаревич справедливо подчеркивает:

"Если бы Василия Гроссмана мы назвали еврейским русскоязычным писателем, то все встало бы на свои места. У него ведь есть рассказы из жизни еврейских местечек, где он продолжает традицию Бабеля". Да, было бы честнее.

* * *

В серии "Советский сибирский роман" явилась переизданная объемная "Ингода" Л.Щедровой, добротно тканое полотно разнохарактерной старой забайкальской деревни, подпавшей под

коллективизацию. В ней была та же диковатая вольница, как в "Любавиных В.Шукшина, "Канунах" В.Белова, "Мужиках и бабах" Б.Можаева, - на "Ингоду" нельзя смотреть вне исторического переосмысления "года великого перелома", воспетого "Поднятой целиной" М.Шолохова, "Страной Муравией" А.Твардовского, "Разбегом" В.Ставского.

На своенравной Ингоде правят богачи Митрий Дорошков, его родня Иван Матвеевич, таящие от советской власти свои богатства. Кулаки свирепствуют, убивают комсомольцев, коммунистов, разгоняют по тайге скотину. Председатель совета Туезов-за трактора, за колхоз. Появляются крестьянские бунтари Селифон с сыном. С первого взгляда может показаться, что "Ингода" вторична по ситуации, образам. Между тем, "что было - то было". Авторскую мысль выражают другие, свежие образы. Старик Евграф Евстигнеевич против слепого насаждения грамоты. "Революция, - вещает он, - искусственные роды", а новоиспеченное государство - "недоношенное дитя, хлипкое и недолговечное. Россия доведена до полного маразма"; "Церковь карала прелюбодеяние, воровство, корысть и тем самым очищала нравственность простого народа". Учитель Граф Стигнеевич утверждает: -"Да, мужиков потрясло свержение царизма, война, отделение церкви от государства, но только потрясло, не больше". Учитель покидает деревню. Общинная натура мужика способствовала слепому вхождению в колхозы. Христос, царь сменились вождями, - эта мысль в романе могла бы получить более яркое освещение. Батрак Кешка-стихотворец, будет новым заправилою, но что из этого выйдет?.. Кешка сам рубит любимую сосну.

Самое главное в романе - найти интересного ведущего героя.

Н.Д.Кузаков занял наше внимание национальной трилогией о любви шаманки к русскому охотнику, о целостном разумении жизни, вере в бессмертие любви, как отмечает в предисловии к последнему роману "Отзовитесь, лебеди" поэт М.Вишняков.

Тем не менее, главный персонаж охотовед Воронов - из разряда знакомых передовиков. Его желанию вернуться в тайгу, разумно вести промысел пантов препятствуют консерваторы местные. По злому навету погибает любимая. Роман

местами лиричен, панорамен - город, судьба актрисы, тайга, - от скользящего слога, однако, не уходит:

"Отрешенные, безразличные к окружающему миру стоят сосны. Под ними среди снежной целины сереет извилистая полоска тропинки".

В тайге нет ничего неживого.

А, может, был другой герой в истории литературы нашенской?

В послесловии к сборнику Г.Куклина (1902-1938) "Сквозь ветер" О.Гантваргер хвалит писателя за ленинский тезис учиться и учиться: "Коммунисты обрабатывают сердца и головы людей, чтобы бросить их в бой за новую жизнь".

Не совсем так, не такими словами следует характеризовать роман "Краткосрочники", оригинальный по слогу, персонажам. Один из них, вдумчивый, интеллигентный Марк Струков говорит:

"- Горький ошибся, сказав: "Человек звучит гордо". Никогда слово "прохвост" не звучало гордо".

"- Теперь даже плакать стыдятся".

За такие энтимемы сильно не поздоровилось автору, выходцу из нижне-илимских крестьян.

Из элегичности слога Куклина мог родиться психологически тонкий художник: не действие, а состояние, вторжение необыкновенности, предсказанности. Изящество, живость авторского настроения ведут композицию, группируют образы, описания. В самом начале "Краткосрочников", как видение из тумана, возникает облик девушки, бегущей по "тургеневскому саду" под окрики старухи. Любовь молодого красноармейца вскоре становится ей ненужной. Педтехникум - главное в жизни, ставшей казармою. Ломается и М.Струков. В Г.Куклине намечался какой-то новый тип романиста с драматической личностью жуткого века, когда душа, ум, культура, любовь к людям вдруг оказались пережитками прошлого. В чудесном по лирическому строю рассказе "Спутница" встретившиеся в дороге Он и Она, несмотря на вспыхнувшую симпатию, расстаются, так надо: он писатель, она врач, едет в деревню по распределению.

Роман "Учителя" - пример того, как гонимый художник ради собственного спасения приспосабливается под Горького, под партийный энтузиазм в образе. В дальнее таежное селение приезжают ссыльные Власов, Антиапов, др. Разумеется, они несут культуру, знания закоснелым мужикам, философствуют о природе, войне. Они новые учителя свободной жизни - от засилия мироедов, купцов - "голованов". Они вместе с Соломоном истые ленинцы: "Наш лозунг - пораженчество. Да здравствует война гражданская!" Разумеется, они организуют забастовку. Мироед терпит полный крах. Род его разваливается. Дочери уходят к революционерам. Все по Горькому: "Фома Гордеев", "Дело Артамоновых" и пр.

Так в литературе, рожденной Октябрем, а также массовым приспособленчеством новой интеллигенции, набирали силу демагогический передовизм, противостояние двух идеологий, злостно антинародный пролетарский гуманизм. Да, фашизм есть расизм. Но и "социализм" в СССР есть скрытый иудейский1 расизм. Его спасли от Гитлера русские и другие рабы-патриоты. Но лучшие силы наций гибли, калечились таланты.

Два мира - две непримиримых идеологии, как отмечает редакция, лежат в основе переизданного романа Л.Кукуева "Живые и мертвые". Живые - это представители страны социализма, их победа потому неизбежна. Мертвые - это фашисты. Сибиряк, офицер Курганов, медичка Надя, их боевые коллеги нравственно противопоставлены духовно убогим "мюллерам и швабам". Надя в бою спасает немца. В плену Мюллер понимает свои тяжкие заблуждения. Роман недурно смотрелся, смотрится в той военной прозе, которая нажимает на героические начала советского человека, а всю жестокую правду войны опускает... Полезно вспомнить "Однополчан", "Лихолетье" И.Черемных, изданное "Советским писателем" в 1990 г. Это любопытнейший опыт создания невыдуманного романа на основе действительных фронтовых историй, приключений, без вымышленных фамилий. Поднимается со страниц, книги живой сибиряк из илимской тайги, разведчик, окопник, артиллерист "без званий и наград", обойденный вниманием генералов жестокосердых.

Роман Е.А.Федорова "Ермак" создан по марксистским меркам личности в истории. Казачий атаман, носитель передовой государственной тенденции, является со своей дружиной в Сибирь. Он - исторический мессия, храбр, мудр. "Мурзов" разных сечет еще на Волге. Кучум, местные инородцы трусливы, коварны, невежественны. Землю пахать только при Ермаке Тимофеевиче начали. Кучум обречен. Его задушили сами ногайцы. Именитый уральский романист повествует излюбленным "скользящим" стилем:

"Сибирь - суровая землица".

"Сибирь прочно вошла в состав России, и прежние поданные хана быстро забыли о нем".

* * *

В.Карнаухову иркутская публика обязана знакомством с миром уголовщины. В 1990 г. он выпустил сборник очерковых корреспонденций "Солнце не всходит дважды" о браконьерах, ворах, насильниках, взяточниках, аферистах. Зло - психология фальшивой государственности, злу подвластны все: врачи, крупные чины, милиция, лесничие. Впечатляющ рассказ о садисте-враче В.Кулике, образованном, прирожденном злодее, артистически пользовавшимся дремучей некомпетентностью иркутских следователей, Полезно познакомиться с историей преступности в СССР, появления воровской общины, данной автором в "Обвинительном заключении". "Город Иркутск оккупировали фарцовщики! И на войну с ними надо идти всем миром. Иного выхода нет!"

Да.

Для этого нужны в начале всего здоровые верхи-"врачеватели".

Верно, но жаль, что документальный разнообразный материал лишается свежей исследовательской мысли. Да, размыты идеалы, нет веры в человеческие души, однако, и правовое государство нескоро изменит общество к лучшему. В книге теплится утешительная "горьковщина". Описания воровских деяний Агафонова, Гураева, Губерта заканчиваются таким вот

резюме: "Разгорится ли слабо мерцающий, добрый огонек в его глазах?"

Нынешним публицистическим шагам ("Голос", к примеру) предшествовали серия "Писатель и Сибирь", "Диалоги о Сибири". В.Распутин привнес историко-философскую, социально-нравственную проблематику. Ученые, экономисты (Г.Фильшин и др.) повели разговор об "оперативном" использовании науки, природно--хозяйственных, людских ресурсов. Под крышей "Писатель и Сибирь" стали собираться все, в том числе рядовые репортажники, еще недавно воспевавшие БАМ (Б.Р.Ротенфельд). (Издательство, редакция во всю тянули, пропагандировали "своих"). А им было невдомек, что экономические преобразования невозможны без разнообразия форм собственности, административно-хозяйственных реформ, политических. Заглянем на выбор, ну.. в N 5, "Сибири" за 1987 г. В.Распутин ("Моя и твоя Сибирь") веско бросает взгляд в прошлое, радуется становлению Русской Сибири, призывает осваивать производство с умом, дает определение сибирского характера: "Это взятая в собственность личность". (Можно добавить старобогословское: "Личность - бог в человеке"). Г.Михайловский зовет все слои общества к эффективному управлению экономикой, охране окружающей среды, высказывает удивительные мысли: "Наше правительство следовательно борется за ограничение гонки вооружений." (?!!!) А наше правительство снабжало оружием кого попало - кто на всякий случай заявит о своей социалистической ориентации (Менгисту Хайле и пр.) Позор на века, в том числе ленинской журналистике, вещавшей о миролюбии КПСС (Ю.Жуков, вся компания комментаторов).

Другие имена в сборнике: Л.Мерзликин, А.Вознесенский, С.Залыгин, Б.Ротенфельд - все бьют тревогу: спасите, спасите Сибирь-матушку, оцените ее красу нетленную. Сторонность взгляда не может содержать боли истинной, мысли оригинальной. Всем так охота всплыть на байкальской волне - никому нет дела до трагической судьбы трижды обделенного сибиряка. В стихах властвует старая-старая газетчина. "Понимаете, где живете? Чем владеете, цените ли?" (С.Иоффе, "Пригляделся к байкальским красотам".)

А.Вознесенский в "Озере" удосужился подчеркнуть, что надо заботиться об омуле, нерпе: "чтоб заповедником стало озеро, чтоб его воды не целлюлозили..."

Самый затасканный, мальчишский прием в журналистике - описание сбора материала: "я познакомился, я увидел..." Именно им пользуется Б.Ротенфельд, не первый год в печати. Его записи "От нужды" снабжены эпиграфом из доклада М.С.Горбачева на знаменательном июньском Пленуме ЦК КПСС - против бесхозяйственности. А я брожу по Улькану, захожу, знакомлюсь, говорим о себестоимости, быте. Да, нужны людям квартиры, да, берем лес, а что будет потом? По золоту ходим, по золоту. Я был еще на делянах, был даже в милиции, как "влияет леспромхоз на оперативную обстановку в Улькане, но и без того уже можно было подводить итоги". Но их нет. Они нужны исследователю, а не ф и к с а т о р у.

"Диалоги о Сибири" (1988) - Г.Фильшин, Р.Саляев, В.Распутин, В.Астафьев, Н.Логачев и др. - являют целый букет умных наблюдений, рассуждений, но часто мешает опять-таки затасканная журналистика, интервью-протокол, где в о п р о с п р е д п о л а г а е т о т в е т (глядите-ка, журналист-то какой умница!). На поверку становится ясным, что ученый, специалист написал сырой материал-болванку, а интервьюер разбил его на вопросы-ответы.

"Г.Фильшин... А если взять, к примеру, мировые цены, то удельный вес Сибири увеличивается примерно вдвое.

Журналист (Г.Сапронов). Вы имеете ввиду уголь, нефть, газ, лес, электроэнергию, многие виды химической продукции?

Г.Фильшин. Разумеется..."

Любопытное заключение дает в этой беседе Г.И.Фильшин, в недалеком будущем народный депутат, наобещавший всем сибирякам богатую жизнь, погоревший на авантюре вице-премьер:

"Да, Сибирь - отличный полигон для социально-экономических экспериментов". Мало еше наэкспериментировали.

Альманах "Голос" - поживее, умнее, но погнался за столичными оперативными публикациями на темы "нового мышле-

ния" с сохранением излюбленной традиции: подбор авторов, желанных редакции.

В документальном роде литературщина саморазоблачается. Зато находки, подлинные свидетельства могут оказаться глубже, интереснее самого искусства.

Двухтомник "Память" собрал по-фамильно сведения о погибших иркутянах под Орлом, Смоленском, Москвою, Ленинградом, Сталинградом. Домой не вернулись по области свыше 50 тысяч. В списках находишь имена знакомых, родных... тогда им было по 20-30 лет. Как величава, ужасна трагедия народа, как страшна судьба отцов-дедов, непостижимых в простоте своей христианской, духе ратном! Невосполнимая утрата: война, большевистский геноцид унесли 300 миллионов учитывая неродившихся!

"Баранина по-итальянски с рисом и капустою, буженина, превкусные манные блины, картофельное суфле с грибами... - так когда-то угощали друг друга в Иркутске наши прабабушки ("Вы ждете гостей". Составители М.Б.Бородина, Л.В.Иоффе).

Чистятся зубы от хлеба с вином, а зренье остреет.

То, чего мало растет, много, уменьшается то, что в избытке.

Да, недолго ели предки наши!..

Вы ждете гостей? - так знайте же, как одеться, какие блюда, напитки изготовить из того, что под рукою. Такие документальные издания приносят в сотни раз больше пользы, чем тысячи надуманных повестей, близирных дискуссий, интервью.

В век эстрадной вакханалии с торжищем американизма так любезны сердцу серьезные размышления о музыке. И в кои веки у нас появилось любопытное беллетристическое рассуждение И.Чижовой "Музыка времен", где устанавливается связь песен "битлз" с английской народной балладностью, ведется профессиональная беседа с читателем о рок-музыке. От нее никуда не денешься, как ни крути - новый жанр, каким в свое время показался Стравинскому джаз. Отрадно слышать от автора критику в адрес всевозможных рок-групп, а вот "сегодня мы еще не можем сказать, что у нас есть сформировавшаяся национальная рок-музыка". (!!?) Лично мы не сожалеем. Православная Русь бесовщины не приемлет.

Издатель, писатель, дети. "Сибирячок" в морозильнике. Откуда Баба-Яга.

Искусство зависит от авторов, со всеми из которых оно может распоряжаться.

Детская редакция намерена выйти из прорыва. Затевается журнал "Сибирячок". Первый опыт состоялся еще в 1987 г. Ребятишки его заметили, пишут письма.

Появились два номера: сказки, стихи, загадки, рассказы.

Вот образчик.

Г.Граубин.

Морозильник

(Рассказ сибирячка-детсадовца, приехавшего к бабушке в гости).

Мы в морозильнике живем.
Мы так Сибирь свою зовем.
В ней никому не тесно.
В ней очень интересно!
Когда на улице мороз
И все сине, как купорос,
В замерзшее окошко
Мы смотрим из окошка!

Прочитав такие стишки, бабушка вместе с внучком засмеются тем вредным биологическим смехом, о котором пишут Ильф и Петров в фельетоне "Детей надо любить".

В добрый путь, "Сибирячок"!

Но вот в чем суть.

В каком случае золото темнеет?

Если самоварное, поддельное.

Художественность, сюжетность, поэтичность без приукрашивания, назидательности, научная обеспеченность особо принципиальны для издательской редакции.

Детская литература всегда в дефиците.

Нарасхват "Сибирская библиотека для детей и юношества" - по два тома в год. Много обещает научно-познавательная серия "Азимут"."Начинается сказка, начинается побаска - сказка добрая, повесть недолгая, не от сивки, не от бурки, не от вещего каурки, не от молодецкого посвисту, не от бабьего

покрику." ("Диво-дивное" Рус.нар.сказки от "А" до "Я". Сост. В.Соколовский. Художник С.Ковалев). Днем с огнем не найти этого красочного издания, составленного из прославленных сборников А.Н.Афанасьева, обработок А.К.Толстого, В.П.Аникина, К.Д.Ушинского. Однако и здесь выпирают излучины отечественной филологии, издательской также.

На всю страницу разрисована Баба-Яга, жуткое страшилище с клыками, пальцами-крючьями. Она хочет заживо сожрать кроткую племянницу.

Неужели в народе русском издавна создавался только такой облик старой женщины - как воплощения зла, уродства, коварства?

ЭПИЛОГ

О правде и стиле РусоФобия в миллионах Классика редактора и классика читателя Если любишь мед...

Есть в альм. "Сибирь" рубрика "Из нашей почты". Это письма читателей к редакторам, издателям, писателям.

В первом номере напечатаны отклики на диалог Н.Тендитник и Б.Лапина о массовой культуре в прозе - "Дети Арбата" или "дети России"? П.Прокопов (Иркутск) пишет: "Сытые, самоуверенные "детки Арбата" издеваются над голодным народом": А где вы были раньше, спрашивает читатель. Неужели не знали, что евреи занимают 20% командных должностей в народном хозяйстве, культуре и т.д.? А писания А.Терца-Синявского - где вы были раньше, а, писатели? "Нужна правда не коротичей и сахаровых, а вся правда. О.Ульянов (из Бердянска) сетует: подписался на "Сибирь", и что же: "... стиль построения речи- - как будто пишет все один человек. Ни одного рассказа, повести, чтобы начал читать и, как говорится, неохота открываться..." Не интересны стиль, сюжет.

Больно за русских (Т.Мальцева, Иркутск).

"Дм.Сергеева и В.Захарову и прочих, подстраивающихся под "апрельских" "приставкиных" и коротичей, я не уважаю, они чутко держат нос по ветру, где выгодно, там и они. Да и кто их читает-то, господи! Читали и читать будем В.Распутина, В.Сидоренко, Н.Тендитник, А.Байбородина. Тут и талант, и чистая совесть, и боль за народ".

Читательница видит фальшь в романе В.Гроссмана "Жизнь и судьба" - там ненависть к украинцам, русским.

Во втором выпуске редакция альманаха перепечатывает из "Лит.Рос." "Письмо писателей России" в ВС СССР и РСФСР, в ЦК КПСС от 02.03.90. В нем указывается: под Флагом демократизации проповедуются откровенный расизм ("Комсомольская правда", "Знамя", "Огонек", "Московские новости", "Советская культура", "Юность"). Русских называют фашистами, расистами, "детьми Шарикова". Шельмуется история России. Процветает русофобия - это удар по дружбе народов. Русофобская, русско-язычная литература являются в 60 млн.экз., а патриотическая печать - в 1,5 млн! Этому необходимо положить конец, коли мы за национальное достоинство всех, в том числе все великороссов, за сострадание, патриотизм.

Да, так, если мы в самом деле хотим возрождения Росси и как общей Матери-Земли, на которую зарится весь мир, попавший в капкан масонства и Израиля - им служат Европа и США.

Издательства тоже в капкане...

Да еще рыночные отношения!

Чтобы выжить, нужен ходовой товар.

По итогам 1 квартала 1991 г. за счет договорных цен 300 тыс. сдано в бюджет. Это один из парадоксов. Если рентабельность выше 40% - прибыль направляется в бюджет. В то же время недополучены 184 тыс.руб. Цены договорные должны быть пониже. Да, так. Но за счет кого опять же стремимся выехать?

В основном - желанных авторов.

1989 г.

Гениальный (и хитроумный) М.А.Булгаков: "Мастер и Маргарита", "Белая гвардия", "Роковые яйца", "Собачье сердце", (а не оттуда ли и вышли "Дети Шарикова"?). Цена божеская - 9 р. 30 к. и т.д.

1990 г.

Б.Н.Ельцин. "Исповедь за заданную тему". 4 р. (без успеха!).

Б.Пастернак. Земной простор. 3 р.50 к.

Диво дивное. 8 р.

Затем: "Ермак", "Угрюм-река", "Хождение по мукам", "Записки иркутских жителей", "Вы ждете гостей", И.Лифшиц - "Спутники нашего здоровья". Это открытый грабеж читателя, с дозою оболванивания (пора бы читателю сообщить, что А.Н.Толстой благославляет революцию и рабский труд при партии и советах!).

В четвертом квартале 1991 г. является Л.Троцкий, главный вершитель иудейского Октября. Так договорный закон стоимости играет на руку духовному возрождению России.

Было бы нескромно, опрометчиво в тяжкое переходное время "горбостройки" советовать издательству, как выжить. Но все же есть классика редакторов и классика читателя, вдумчивого, политически выросшего, заинтересованного в расширении своего сознания, т.е. культуры. Он не нуждается в Троцком. Ему не захочется копаться в масонских тонкостях "Мастера и Маргариты", но именно Он покупает серьезные книги, журналы. Перед ним огромный, еще неопознанный материк духовный собственной Сибири, России Православной, России философской. Он с нетерпением прозревающего набросится на сочинения великих сибиряков Г.Потанина, Н.Ядринцева, крестьянских сибирских поэтов (П.Васильев, Г.Орешин, В.Непомнящих, Л.Мерзликин, А.Горбунов).

Мешает упорная прежняя тактика: превращать, перетягивать в классику "желанных", на голодном пайке держать "детей Шарикова". Появление таланта слишком беспокойно, не желательно. Вместо художественной подлинности, проявления идеальности в классических национальных формах насаждается художественный дидактизм (или: дидактический натурализм) - злато поддельное.

Однако: русский в поле не робеет, по пословице.

Отчего его не приветить, не понять, если в народе нашем нет национального чванства и замкнутости?

Не будем обижаться на критику, братья-издатели и писатели!

Без спорного слова не беседа, говорят в народе.

ЛЮБОВЬ К РОДНОМУ ПЕПЕЛИЩУ

Новая книга рассказов Александра Грязева "Грех игумена" (Северо-Западное кн.изд., 1990) написана в духе времени, в духе поисков новых подходов к прошлому и решительного неприятия замшелых стереотипов, окаменевших вульгарно-политизированных оценок, наделавших немало вреда, карикатурно исказив многие крупные исторические фигуры.

Рассказы воскрешают в основном допетровскую Русь - эпоху, скудно отраженную в художественной литературе, скудно и противоречиво: все еще господствуют представления о ней, как о "сермяжно-лапотном", "сонно-ленивом" царстве Берендея... Между тем именно туда, в русское средневековье, уходят питательные корни могучего древа русской государственности, когда русичи через тернии противоречий, преодолевая удельную амбициозность и местнические интересы, сплачивались в единую социально-политическую и духовно-нравственную общность под названием РОССИЯ, сплачивались навеки, навсегда...

Конечно же, не история сама по себе, а люди в истории, цельные, могучие характеры находятся в центре внимания рассказчика. Первое достоинство книги я вижу в том, что автор повествует о предтечах с чувством высокой благородной гордости за их славные дела, но без кичливости и национального чванства. Это черзвычайно важно сегодня, когда разгулялись по свету оскорбительные лживые мифы о России - "тюрьме народов", стране "исконного идиотизма и квасного патриотизма, черносотенствса и антисемитизма", о русском человеке с "рабской, татаро-азиатской душой" и пр. Со сладострастной яростью мажут грязью дореволюционную "расейскую жисть" нигилисты-ниспровергатели, уверяющие неискушенных людей, будто никакой многовековой истории, высокой культуры Россия вовсе не имела.

На сей счет поучительные для потомков слова произносит главный герой повести "Отечески пенаты" поэт Батюшков: "Русский народ никогда не имел и не имеет ненависти к другим

нациям, кто бы это ни был. Он желает только одного: чтоб ему не мешали жить... Чужеземцы всегда говорят о гениях своей нации, будто у нас их и нет вовсе. А мы обезьянничаем, в рот им глядим. Видеть это противно..."

Автор глубоко проникся обращением Гоголя: "Писатель земли русской! Прежде чем браться за перо, воспитай в себе гражданина. Иначе все будет невпопад".

"Все невпопад" ныне у русофобов, нещадно шельмующих и бессовестно дискредитирующих патриотизм, цинично называющих его "биологическим чувством, которое есть и у кошки" (Б.Окуджава), "свойством негодяя (Ю.Черниченко), А.Стреляный видит в нем "фашизм, это самое грозное оружие патриотизма, его ядерную бомбу..."

На карту поставлены честь, достоинство, жизнь и судьба России. Вот почему каждое слово в ее защиту в эпоху смуты и разврата ценится на вес золота.

Под флагом демократизации, нового мышления, плюрализма целый косяк "неомыслителей" развили оголтелую кампанию в направлении космополитизма и агрессивной русофобии. Ставка делается (и не безуспешно) на международную поддержку разного толка реакционных сил, объединенных остервенелой ненавистью к России, ее культуре, истории. Бесконечно муссируется тема о якобы "первородной" русской "ксенофобии" (ненависть к иностранцам), на весь мир распространяется клевета на наиболее патриотически настроенных советских писателей, критиков, пуублицистов. С порога безоговорочно отметаются какие бы то ни было попытки объективно рассмотреть нашу историю, человека, поднимается на щит авангардизм, массовая "культура", якобы выросшая на народных традициях и представляющая собой современное "народное творчество". Причем нередко, к сожалению, подобные псевдонаучные перлы высказывают почтенные ученые в академических мантиях...

Столетиями по крохам собиралась великая Россия, а растащить ее по частям, запродать иностранцам оптом и в розницу - ума много не надо. Ум нужен ее сохранить. Вот почему до боли тревожно, очень своевременно звучит в заглавном рассказе книги "Грех игумена" извечный - еще со времен "Слова о полку Игореве" - мотив собирания Руси под единые стяги, вложенный в уста Великого князя Московского Василия Темного - страстотерпца, мученика, законного наследника Великого Престола:

"Не за себя прошу, отче, не ради корысти, ради святой Руси, ради единения ее под началом Москвы..."

Всё понимал и все знал старый игумен. Поганые сыроядцы татары, как бешеные волки, все еще терзают русскую землю. Плетет свои козни литовский Казимир-князь, заигрывая с Новгородом и Псковом. Вот уже двадцать лет полыхает на Руси кровавая усобица, затеянная еще отцом Дмитрия Шемяки князем Юрием. Кто выведет Русь из удельного раздора? Кто освободит ее от ига татарского? Сколько лет будет литься кровь на земле русской?

О каком времени повествует художник?.. Уж больно знакомые беды и горести перечисляет! Без труда, с глубокой скорбью воспринимаем мы прозрачные реминисценции, отчетливо проецирующие драмы и трагедии истории на современность, столь изобилующую опасными межнациональными раздорами, амбициями, кровавыми стычками... Писатель возвращает нашу память к поучительным урокам прошлого, к тому, без чего жить нельзя на белом свете, - исторической ПАМЯТИ. Воистину, как говорил Белинский, не зная прошлого, нельзя понять настоящее и невозможно предвидеть будущее. Мудро заметил Валентин Распутин: "Сколько в человеке ПАМЯТИ, столько в нем и ЧЕЛОВЕКА".

Появление сборника исторической новеллистики "Грех игумена" - не ординарное явление в нашей прозе. Явственно ощутимо эпическое мышление автора, тяготеющего к широкомасштабным романным полотнам. Читатель вправе ожидать от него новых книг, отражающих подлинную историю Отечества.

Владимир Юдин

Иркутская летопись

(Летописи П.И.Пежемского и В.А.Кротова) [1]

6 декабря подле Знаменского монастыря, во вновь выстроенном иждивением покойного Ефима Андреевича Кузнецова деревянном здании было открытие преосвященным Нилом вновь учрежденного и принятого под покровительство Императрицы Александры Федоровны училища девиц духовного звания, под названием "училище Евфимия Кузнецова", в присутствии военного губернатора Венцеля и прочих чиновников и почетных особ; для управления этим училищем приехала из С.-Петербурга назначенная директрисса Александра Ивановна Гамбурцева.

12 декабря, во 2 части города сгорела торговая баня Иркутского купца Андрея Евсеевича Гранина.

12 декабря ночью был ветер и выпал порядочный снег и с сего числа началсь санная дорога, до этого времени ездили более на колесах и в городе вовсе снегу не было.

С половины декабря Иркутское казначейство переместилось из дома Баснина Павла Петровича во вновь выстроенное каменное здание рядом с губернским правлением.

19 декабря р.Ангара против города покрылась льдом при 20 град. холода и при посредственном возвышении воды.

20 декабря, в 4 часа утра, по 1 части города, в Чудотворском приходе, у мещанина Мусонова сгорел дом.

26 декабря, в 11 часов утра, по 2 части города, в тюремном замке, горела кухня; по прибытии пожарных инструментов скоро сломали.

26 декабря, в 12 часов ночи, по 2 части города, в доме умершего купца Ефима Кузнецова, а ныне принадлежащем наследнику его Занадворову, был пожар: горел флигель подле института; сгорел во флигеле мезонин, а нижний этаж флигеля не разломан.

31 декабря, в 9 часов вечера, по 2 части города, в общественных кузницах загорелась кузница, была пожарная команда и били набат.

Общественный дом на площади, против гауптвахты, занимаемый прежде казенною палатою, сгоревший в 1849 г., ныне вновь исправлен, покрыт железом и отдан обществом для помещения присутственных мест, которые помещались в доме Чупалова и чиновника Березовского, а именно: губернский суд, строительная комиссия, земский суд, окружной суд; все они с этого времени поместились тут.

1854 г. 1 января, в новый год, по получении с почтою (известия), в кафедральном Богоявленском соборе преосвященным Нилом, с

(1) Продолжение. Начало см."Сибирь" N 4, 1989.

градским духовенством, было отправляемо благодарственное Господу Богу молебствие по случаю блистательной победы, одержанной русскими войсками 14 ноября 1853 г. близ Ахалцыха под начальством генерал-лейтенанта, князя Андроникова и по случаю истребления 18 ноября истекшего года на Синопском рейде турецкой эскадры Османа-паши вице-адмиралом Нахимовым, состоящей из 7 фрегатов, 1-го шлюпа, 2-х корветов, 1-го парохода и нескольких транспортных судов. После литургии и молебствия принимали присягу избранные на трехлетнее служение церковные старосты по благочинию на общественные годичные службы.

6 января, по получении с почтою (известия), в кафедральном соборе преосвященным Нилом, с градским духовенством, отправляемо было благодарственное Господу Богу молебствие по случаю блистательной победы, одержанной русскими войсками 19 ноября 1853 г. под командою генерал-лейтенанта, князя Бебутова, между Александрополем и Карсом, над турецкими войсками:: главному тридцатишеститысячному корпусу, состоявшему из 20000 регулярной пехоты, 4000 кавалерии и более 12000 курдинцев и прочей милиции, при 46 орудиях, нанесено совершенное поражение; отбито 24 орудия; корпус обращен в бегство отрядом русских войск, состоящим из 7000 человек пехоты и 2800 кавалерии при 36 орудиях.

16 января в Знаменском монастыре было освящение храма в корпусе монашеских келий. Бывшая прежде в них церковь во имя святого Дмитрия ныне вновь переправлена и прибавлена к ней еще одна келия; переименована церковь эта во имя св. Евфимия Новгородского и назначена для училища девиц духовного звания, именуемого училищем Евфимия Кузнецова. Освящение храма и литургию совершал преосвященный Нил с двумя архимандритами и прочим духовенством; проповедь говорил благочинный этого заведения, протоиерей Спасской церкви Прокопий Громов. По окончании литургии его преосвященство изволил идти в заведение училища и там провозглашено многолетие Государю Императору и супруге его Александре Федоровне, принявшей это заведение под свое покровительство, а основателю этого заведения Ефиму Андреевичу Кузнецову - вечная память. Поступившие в это заведение семь питомиц духовного звания окроплены святою водою, равно и комнаты их помещения. По окончании всей духовной процессии в этом заведении у директрисы Александры Ивановны Гамбурцевой был обеденный стол; и с этого дня заведение это приняло начало своего существования. При всем этом присутствовали Иркутский военный губернатор Венцель, управляющий губерниею председатель губернского правления Струве, председатель казенной палаты Кукуев и прочие военные и гражданские чины.

11 февраля с почтою получен указ Святейшего Синода, состоявшийся 24 декабря 1853 года, о том, что Иркутский архиепископ Нил переведен в Ярославскую епархию архиепископом Ярославским и Ростовским, а на место его в Иркутск назначен епископ Томский Афанасий и при назначении на Иркутскую епархию возведен в сан архиепископа.

16 февраля вечером Иркутский 3-й гильдии купеческий сын Иннокентий Максимович Апрелков, мо-

лодой человек 26 лет, имевший семейство - мать и моложе себя братьев и сестер, занимавшийся торговлею в лавке в купеческом гостином дворе, вечером сидел дома в своей комнате в халате; потом, надевши на халат шубу и не надев даже на ноги калош и оставив свечу в комнате не погашенною, ушел из дома, куда - неизвестно, и потерялся без вести. Причины, побудившие его к такому поступку, никому из семейства не известны.

4 марта в Воскресенской церкви бывший архиепископ Иркутский Нил, а ныне архиепископ Ярославский и Ростовский, с градским духовенством, совершал отпетие Иркутского купца Степана Степановича Попова, известного в Иркутске долговременною мясною торговлею, скончавшегося 1 марта, в преклонных уже летах, и состоявшего несколько времени в самом слабом положении от старости.

7 марта, в 3 часа по полудни, из Иркутска выехал в Кяхту бывший Иркутский архиепископ Нил, а ныне Ярославский, для обозрения вновь строющейся в Кяхте в торговой слободе церкви. 22 марта вечером прибыл обратно из Кяхты в Иркутск.

13 марта, в 4 часа по полудни, в Иркутск прибыл из С.-Петербурга по Якутскому тракту (по случаю в то время против города раскрытия р. Ангары) Генерал-Губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев с супругою; встречен был у Якутского шлагбаума чиновниками и градским главою Медведниковым с гражданами.

14 марта, в 3 часа по полудни, в город Иркутск прибыл по Якутскому тракту из Томска преосвященный Афанасий, архиепископ Иркутский и Нерчинский. Приехал его высокопреосвященство в город по Якутскому тракту по случаю в то время раскрытия реки Ангары ото льда против города Иркутска. Его преосвященство въехал в город через Якутский шлагбаум в дорожном тарантасе и доехал в нем до Знаменского девичьего монастыря, где изволил остановиться для посещения монастыря; встречен был игуменьею с монахинями и священниками того монастыря. Преосвященный вошел в церковь; приложась к святым иконам и кресту, благословил игуменью и духовенство и вышел из ограды монастыря, сел на чью-то случившуюся тут пролетку в одну лошадь, так и приехал в собор. По случаю неверных слухов и скорого неожиданного приезда его высокопреосвященства, духовенство не успело распорядитьсся встречею и прислать ранее для него экипаж. Несмотря на неожиданное прибытие, приезд преосвященного был замечен, начался вдруг колокольный звон в городе по всем церквам, который возвестил жителям приезд архипастыря, и они со всех кнцов города собрались немедленно к собору. При таковом стечении прибыл к кафедральному собору его высокопреосвященство. Тут он встречен был на крыльце протоиереям Спасской церкви Прокопием Громовым и благочинным Алексеем Шергиным и ключарем собора Иоанном Протопоповым, с некоторым градским духовенством; на крыльце преосвященный облачился в мантию, взял жезл и вошел со славою при пении певчих, приложась ко святым иконам и престолу; в алтаре подходило к благословению духовенство, потом провозглашено было многолетие Государю Императору и всей Августейшей Фамилии; по окончании многолетия преосвященный произнес краткую приветственную речь; из

собора следовал в келии в мантии и с жезлом через холодную церковь; позволил всем подходить под благословение к руке; при стечении множества народа шествие его было очень медленно. Поднявшись на крыльцо архиерейского дома, обратился к предстоящему народу, оградил его и ушел в свои келии, куда сопровождало его все духовенство и градской глава с гражданами. По входе в келии, приняв от него благословение, вышли вон. Тут ректор Иркутской семинарии, настоятель Вознесенского монастыря, архимандрит Нифонт поднес его преосвященству икону Святителя Иннокентия Иркутского Чудотворца и хлеб-соль; после сего преосвященный занялся рассматриванием полученных с почтою на имя его бумаг, в коих был Манифест о рождении Великой Княжны Веры Константиновны, тут же он сделал распоряжение на следующий день отправлять торжество и приказал с вечера отправлять по всем церквам в городе всенощное бдение. В 5 часов по полудни посетил его Генерал-Губернатор Муравьев с супругою; проводя их, изволил быть в домовой церкви и заутрени, а на завтра, 15 числа, по случаю отправления торжества о рождении Великой Княжны Веры Константиновны, служил первую литургию в Иркутске в кафедральном Богоявленском соборе. По прибытии преосвященного в собор и по облачении к служению до начала литургии был прочитан Манифест протодиаконом Беляевым и потом отправлено молебствие с коленопреклонением в присутствии Генерал-губернатора Муравьева, военного губенатора Забайкальской области Запольского и прочих военных и гражданских чинов и градских общественных сословий; потом совершил литургию и сам раздавал антидор; говорил поучение. После обедни в келиях преосвященного ректор семинарии и духовных училищ, а благочинные протоиереи Фортунат Петухов и Алексей Шергин представляли преосвященному градское духовенство и поднесли хлеб-соль.

17 марта, в 7 часов вечера, в Иркутск прибыл из Якутска его преосвященство Иннокентий архиепископ Камчатский для поклонения Святителю Иннокентию Иркутскому Чудотворцу; принят был на квартиру в дом купца Николая Егоровича Черных.

21 марта в кафедральном Богоявленском соборе после литургии, которую совершал преосвященный Афанасий, архиеписком Иркутский, читан был Манифест, данный в С.-Петербурге в 9 день февраля 1854 года, на обьявление войны Англии и Франции.

21 марта в доме благородного собрания Иркутское градское общество всех сословий давало обед по случаю возвращения из С.-Петербурга Генерал-Губернатора Восточной Сибири Муравьева с супругою; удостоили посещением обеда недавно прибывшие в Иркутск два архиепископа - Афанасий Иркутский и Иннокентий Камчатский, Генерал-Губернатор Муравьев с супругою и все чиноначалие как военное, так и гражданское.

25 марта, в день Благовещения Господня, служили литургию два архиепископа в Иркутске: в кафедральном Богоявленском соборе совершал литургию Афанасий, архиепископ Иркутский; в церкви храмового праздника Благовещения Господня совершал литургию недавно прибывший на время в Иркутск Иннокентий, архиепископ Качатский, который был при этой церкви сначала четыре года диаконом, потом с 1819 по 1823 год той

же Благовещенской церкви священником и именовался Иван Евсеевич Вениаминов, а после пожелал в Америку, на остров Уналашку; в последствии был там миссионером; при учреждении Камчатской епархии посвящен в сан епископа Камчатского в С.-Петербурге в 1840 г. 15 декабря.

28 марта в кафедральном соборе преосвященный Афанасий совершал пострижение в монашество профессора Иркутской духовной семинарии Михаила Ивановича Конопсевича; обряд пострижения совершался после малого выхода; при пострижении в монашество наречено ему имя Мисаил.

В марте месяце на северо-западе была видима на небе звезда с хвостом (комета); в последних числах марта стала невидима.

31 марта, по получении с почтою (известия) отправляемо было торжество молебствием и целодневным звоном по случаю крещения Великой Княжны Веры Константиновны, совершенного в С.-Петербурге 28 февраля.

8 апреля, в святой великий четверток, в кафедральном Богоявленском соборе преосвященный Афанасий совершал обряд омовения по чиноположению церковному.

11 апреля, в день Св.Пасхи, в кафедральном Богоявленском соборе заутреню и по окончании ее литургию совершали два архиепископа - Афанасий, архиепископ Иркутский, и Иннокентий, архиепископ Камчатский, а в Вознесенском монастыре служил литургию Нил, архиепископ Ярославский. За литургиею в кафедральном соборе посвящен в иеродиакона новопостриженный монах Мисаил, бывший прежде Михаил Иванович Конопасевич. На второй день Св.Пасхи, 12 апреля, в кафедральном соборе литургию совершал Иннокентий, архиепископ Камчатский, а в Вознесенском монастыре - Афанасий, архиепископ Иркутский; на третий день Св.Пасхи, во вторник, архиепископ Иркутский служил литургию в Знаменском монастыре, а Иннокентий, архиепископ Камчатский - в Спасской церкви; на четвертый день Св.Пасхи, в среду, 14 апреля, Афанасий, архиепископ Иркутский служил литургию в Благовещенской церкви; в четверг, 15 апреля, Афанасий, архиепископ Иркутский служил литургию во Владимирской церкви; 16 апреля, в пятницу, Афанасий, архиепископ Иркутский, служил литургию в Крестовской церкви, а Иннокентий, архиепископ Камчатский, служил литургию в Преображенской церкви; 17 апреля, в субботу, Св.Пасхи, в день рождения Наследника Цесаревича Александра Николаевича, Божественную литургию совершал в кафедральном соборе Афанасий, архиепископ Иркутский, а молебствие отправляли два архиепископа Афанасий Иркутский и Иннокентий Камчатский, а 18 апреля по случаю храмового праздника в Воскресенской церкви литургию совершали два архиепископа - Афанасий Иркутский и Иннокентий Камчатский; прежде сего в Иркутске такого каждодневного служения архиерейского никогда не было.

19 апреля, в 9 часов утра, скончался Иркутский 2-й гильдии купец Иннокентий Петрович Нефедьев, после трехдневной тяжкой болезни, 22 числа было отпетие в Благовещенской церкви.

20 апреля Генерал-Губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев, по случаю отправления из Иркутска в дальний путь, предполагаемый по р.Амуру, в китайские владения, изволил при-

гласить по утру чиновников в Вознесенский монастырь для отправления молебствия Святителю Иннокентию. Молебствие это отправляли два архиепископа - Афанасий Иркутский и Иннокентий Камчатский с монастырским духовенством; потом Генерал-Губернатор Муравьев и все бывшие с ним чиновники прибыли обратно в город; в 4 часа по полудни по Кругоморскому тракту через реку Ангару, по Троицкому перевозу, Его Высокопревосходительство Николай Николаевич Муравьев изволил выехать из Иркутска в сопровождении своих спутников в далекий путь: за рекою Ангарою в доме казака Могилева градским главою Алексеем Прокопьевичем Медведниковым был приготовлен обед для отъезжающего Генерал-Губернатора и его спутников.

На отъезд Генерал-Губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьева в Китайские владения по реке Шилке в Амур, на выстроенном пароходе в Шилкинском заводе, написаны стихи:

Как за Шилкой, за рекой,
В деревушке грязной
Собрался народ толпой
И народ все разной.

Новобранцы-казаки
Собрались толпами
И градские торгаши
С ихними женами.

Посмотреть все хочут бал
В Шилкинском заводе,
Каждый шел и рассуждал
Все о пароходе:

- "Эко чудо завелось!
Надо ж ухитриться,
Что посредством двух колес
Он летит, как птица.

А смотреть, кажись, простой
Все он же чудесит,
Пустит пар и за собой
Тащит барок десять.

Как не будем диковать,
Как не погадаем:
Его хочут отправлять,
А куда, не знаем?

Если рыбу неводить, -
Невода бы брали;
Если диких коз ловить, -
Так бы не сряжали;

Если б шел не в дальний путь -
Шилкой прогуляться,
Для чего же тысячи пуд
Сухарей сушатся?

Знать не даром про Аян
Славу проложили,
И наверно в океан
Пароход срядили".

Вдруг на Шилке на реке
Волны заиграли,
И чуть видно вдалеке
Лодки выплывали.

Все засуетились
И из каждого двора
К Шилке торопились.

И все с радостью живой
Ура! повторили,
И пошел вдруг пир горой,
Обо всем забыли.

Жданный всеми генерал,
Громкий по державе,
Ободряя всех, сказал
О походной славе:

"Не жалеть своих трудов,
Подвигом гордиться,
С нами Бог и рой штыков,
Нечего страшиться".

- "Кто со мною, он сказал,
Обратясь к народу.
- "Все готовы, генерал,
Хоть в огонь, хоть в воду".

Вдруг раздался песен хор,
Пушки загремели,
И по Шилке между гор
Лодки полетели.

21 апреля, в 10 часу вечера, по 1 части города, в Чудотворском приходе, при доме купца Николая Шмарова, который был прежде умершего купца Андрея Мичурина, а ныне квартировал в нем чиновник Суровцев, сгорел сарай большой с амбарами; горел очень пылко, так что соседние дома едва могли отстоять.

23 апреля, в 12 часу ночи, по 1 части города, в Чудотворском приходе, в доме мещанина Дмитрия Николаевича Пежемского, на берегу Ангары, был пожар: сгорели до основания флигель и сарай с амбарами, а дом при сильном содействии полиции и пожарных инструментов едва могли спасти. Все эти здания были недавно выстроены.

23 апреля, в торжественный день тезоименитства Императрицы Александры Федоровны, в кафедральном соборе литургию совершал Афанасий, архиепископ Иркутский; а в институте Восточной Сибири благородных девиц литургию совершал Иннокентий, архиепископ Камчатский.

25 апреля, в воскресенье, в неделю Жен Мироносиц, по случаю храмового праздника в Архангельской церкви литургию совершал Афанасий, архиепископ Иркутский; в тот же день преосвященный Иннокентий, архиепископ Камчатский, служил литургию в Кладбищенской церкви и отправлял панихиду на могиле супруги своей, скончавшейся в Иркутске и погребенной на этом кладбище около 1840-х годов.

30 апреля, в 5 часу по полудни, из Иркутска выехал по Якутскому тракту его высокопреосвященство Иннокентий, архиепископ Камчатский, Курильский и Алеутский, в свою епархию; провожаем был из города с колокольным звоном.

2 мая, по получении с почтою (известия) отправляемо было благодарственное Господу Богу молебствие, по случаю благополучного перехода российских войск через реку Дунай и занятия двух крепостей турецких Тульчи и Мачин.

14 мая, в начале 12 часа скончался священник Преображенской церкви Дмитрий Егорович Попов, после тяжелой болезни, на 38 году жизни; мая 18 числа погребен на общем кладбище.

16 мая, воскресенье, в кафедральном Богоявленском соборе последнюю в Иркутске литургию совершал отъезжающий бывший архиепископ Иркутский Нил, а ныне архиепископ Ярославский и Ростовский; говорил проповедь, прощаясь с Иркутскою паствою; собрание народа в церкви было очень большое; в тот же день Афанасий, архиепископ Иркутский служил литургию в Успенской церкви.

18 мая, в 1 часу по полудни из Иркутска выехал к месту своего назначения бывший Иркутский архиепископ Нил, переведенный в Ярославскую епархию. В начале первого часа по полудни начался в соборе и по всем церквам города колокольный звон. Его Высокопреосвященство, архиепископ Нил вышел из келии архиерейского дома со славою, облаченный в мантию с жезлом, следовал в кафедральный собор; служил молебствие с духовенством.

Вслед за ним прибыл туда же в собор Афанасий, архиепископ Иркутский, просто, в рясе, прошел в дьяческие двери в алтарь и стоял там во все время отправления молебствия, по окончании коего Его Высокопреосвященство Нил произнес краткое прощальное приветствие к предстоящим; на очах его блистали слезы. Потом, помолившись с земным поклонением, приложась к престолу к иконам, изволил следовать из собора в мантии и с жезлом на приготовленный у собора для переправы через реку Ангару крытый карбаз, при стечении множества разного звания народа, который приходил принять от него последнее архипастырское благословение; этим шествие его из собора очень замедлилось. Между тем преосвященный Афанасий вышел из собора и спустился с берега в приготовленный для переправы через реку Ангару карбаз; с ним следовали Иркутский военный губернатор Венцель, управляющий губерниею председатель губернского правления Струве, председатель казеной палаты Кукуев, градской глава Медведников и почетные граждане. Тут долго ждали преосвященного Нила, который медленно подвигался вперед, удерживаемый множеством народа, принимавшего от него благословение; наконец, достигнув карбаза и оградив предстоящий на берегу народ, вошел в карбаз с жезлом и в мантии, сел вместе с преосвященным Афанасием; певчие во все время шествия его из собора пели ирмосы, и на колокольнях в городе по всем церквам продолжался звон. Тут же приготовлен был другой карбаз, в который сели певчие и многие провожающие преосвященного чиновники и граждане; во время пути по Ангаре певчие продожали пение. Переплывши Ангару, высокопреосвященные оба вместе сели в одну карету, Нил Ярославский в мантии и с жезлом, а Афанасий Иркутский в рясе, а иподиаконы в стихарях стали на запятки архиерейской кареты и так следовали до Вознесенского монастыря. Там встречен был архимандритом того монастыря Нифонтом с прочим монастырским духовенством и монашествующими; по входе в церковь преосвященный Нил слушал молебствие, которое отправлял архимандрит Нифонт с братиею. Когда преосвященный Нил приложился к мощам Святителя Иннокентия Чудотворца Иркутского, архимандрит Нифонт поднес в дар Его Высокопреосвященству икону Святителя Иннокентия Иркутского Чудотворца, и просфору, приготовленную ранее, лежавшую в раке Святителя. Его Высокопреосвященство принял с большим удовольствием священный подарок и произнес краткое приветствие. Потом все сопровождавшие Его Высокопреосвященство духовные, чиновники и граждане были приглашены к обеденному столу, приготовленному усердием общества градским главою Медведниковым в келиях настоятельских на сто персон; обед был самый радушный и сопровождался пением хора певчих. Вскоре запенились кубки и предложены тосты за здравие Государя Императора и всего Августейшего Дома, Святейшего Синода, Высокопреосвященного Нила архиепископа Ярославского, Афанасия, архиепископа Иркутского, Генерал-Губернатора Восточной Сибири Николая Николаевича Муравьева, военного губернатора Карла Карловича Венцеля, управляющего губерниею

Струве, Иркутского духовенства, за градское общество и за победоносное храброе русское войско. По окончании обеда все участвующие в проводинах гости согласились проводить за монастырь до рощи, где Его Высокопреосвященство Нил, архиепископ Ярославский, простившись с преемником своим Афанасием, архиепископом Иркутским, со всем бывшим тут духовенством, со всеми начальственными лицами, чиновниками, гражданами и со всеми ему коротко знакомыми, благославил всех его сопровождавших, сел в дорожную карету и отправился в дальнейший путь к месту своего назначения - в Ярославль. Некоторые еще последовали за ним сопровождать до первой станции от Иркутска.

Бывший Высокопреосвященный Нил, архиепископ Иркутский, управлял Иркутскою епархиею с назначения указом 1838 г. 23 апреля по 24 декабря 1853 г., т.е. 15 лет 8 месяцев и 1 день, а с прибытия в город Иркутск в 1838 г. 22 июля и по выезд из Иркутска 1853 г. 18 мая, всего его пребывание в Иркутске продолжалось 15 лет, 9 месяцев и 27 дней. Его Высокопреосвященство Нил был всеми любим и уважаем, имел видную наружность и в священослужении был величествен, в обращении вежлив, умен, учен, любознателен, благоразумен, исполнителен и сколько нужно строг. Стены его келии были обставлены шкафами, где лежали тысячи минералов; в других комнатах помещались книги, а на столах стояли машины: электрическая, гальваническая, дагерротип и другие, и всегда занимался делами сам; много трудился на переводах служебных книг и литургии на монгольский язык; на обедах и беседах в обществе был разговорчив, и тут развертывались его многосторонняя ученость и приветливость в обращении. Архиепископ Нил первоначальное образование получил в Могилевской семинарии и именовался Николаем Федоровичем Исаковичем; высшие науки слушал в С.-Петербургской академии; впоследствии он был ректором Ярославской семинарии, оттуда в 1835 г. хиротонисан в епископа Вятского, в 1838 г. сопричислен к ордену Св.Анны 1 степени и того же 1838 г. 23 апреля переведен в Иркутскую епархию и в бытность свою на Иркутской епархии получил Монаршие награды: возведен в сан архиепископа в 1840 г., сопричислен к ордену Св.Владимира 2 степени большого креста 1847 г., сопричислен к ордену Александра Невского в 1852 г. Во время управления его Иркутскою епархиею произведены многие значительные постройки; новое большое каменное здание Иркутской духовной семинарии; напротив этого здания иждивением Иркутского первой гильдии купца Прокопья Федоровича Медведникова выстроен новый большой камерный храм во имя Успения Божией Матери; многие в городе храмы Божии во внутреннем и наружном устройстве переправлены и поновлены; его же старанием и убеждением на капитал, пожертвованный статским советником, почетным гражданином Ефимом Андреевичем Кузнецовым, основано и выстроено в Знаменском монастыре училище для девиц духовного звания; в том же Знаменском монастыре на каменных келиях монахинь настроен второй этаж келий деревянный; в Вознесенском монастыре выстроен новый каменный большой корпус для братий; старанием, убеждением и дружеским распоряжением его же

Высокопреосвященства, пожертвовано статским советником и кавалером, почетным гражданином Ефимом Андреевичем Кузнецовым двести пятьдесят тысяч рублей серебром на сооружение в городе Иркутске нового каменного собора; капитал этот остался и поступил преемнику его Афанасию, архиепископу Иркутскому; в Тунке, на горячих Туранских водах основал он пустыню во имя Нила Столбенского; очень любил это место и часто посещал его и хотел увековечить память о себе построением этой пустыни, с целью обращения живущих в окрестности бурят в христианство.

20 мая, по получении с почтою, в кафедральном соборе и по всем церквам в городе, читан манифест, данный 11 апреля 1854 г. в С.-Петербурге, о начале военных действий с Англиею и Франциею и об объявлении с этими державами войны.

3 июня получен с почтою манифест, данный в С.-Петербурге 27 апреля 1854 г., о наборе рекрут с восточной полосы по девяти человек с тысячи душ, независмо еще от сего по три человека с тысячи оставшихся в недоборе против западной полосы по уравнительному расчету за прежнее время, а всего по двенадцати человек с тысячи душ; повелено начать набор с 15 июля и окончить к 15 августа.

5 июня к Преображенской церкви, на место умершего священника оной церкви Дмитрия Попова, переведен по прошению из кафедрального Богоявленского собора священник регент архиерейских певчих Серафим Васильевич Шашков; при поступлении нового священника к Преображенской церкви в первый раз по прибытии его на Иркутскую епархию.

18 июня получен с почтою N 111 С.-Петербургских Ведомостей 1854 г. с Высочайшим приказом от 16 мая 1854 г., коим назначен Иркутским полицмейстером бывший Кяхтинский полицмейстер, состоящий по армии подполковник Рейнгарт Отто Федорович, с составлением по армии. Он прибыл в Иркутск, следуя к месту для исправления должности Иркутского полицмейстера, на место исправлявшего тогда временно сию должность частного пристава 3 части Пашинникова, после майора Евреинова, бывшего полицмейстером Иркутска.

В июле месяце по 2 части города, против флигеля дома военного губернатора Венцеля, начали строить на каменном фундаменте большой деревянный дом для Александрийского приюта.

25 июля по получении с почтою (известия) отправляемо было благодарственное Господу Богу молебствие по случаю победы, одержанной генерал-лейтенантом князем Андрониковым на реке Чолоке, на границах Гурии: разбит на голову 34-тысячный турецкий корпус и взято при этом деле у неприятеля три лагеря со всем имуществом и все 13 пушек, 35 знамен и значков и множество оружия; победа эта происходила 4 июня 1854 года.

В июле из Иркутска выехал по Московскому тракту в Россию бывший бригадный командир казачьих конных полков, генерал-майор Александрович с семейством, по прошению его уволенный от службы с мундиром и 2/3 жалования.

4 августа утром в Иркутск прибыл с Якутского тракта из Аяна состоящий при Генерал-Губернаторе Восточной Сибири Муравьеве подполковник Корсаков и с ним Красноярский купец Кузнецов,

бывшие оба с генералом на Амуре, и того же дня вечером Корсаков выехал из Иркутска в С.-Петербуг с пакетами от генерала Муравьева - донесением о его поездке и о благополучном проплытии в Китайском государстве по реке Амуру до устья ее при впадении в море, где и построена наша новая крепость.

6 августа в 8 часов вечера по 1 части города по Луговой улице, против дома чиновника Сукачева и купца Базанова, в подвале Иркутского мещанина Алексея Петровича Кузнецова вспыхнул фосфор и произошел пожар; по прибытии пожарной команды с инструментами скоро прекращен был без большого вреда зданию.

В первых числах августа общее губернское управление переведено во вновь отделанный большой флигель при доме военного губернатора Венцеля.

В августе месяце по 2 части города, недалеко от Преображенской церкви, у жандармских казарм вновь выстроен на каменном фундаменте большой деревянный дом для манежа.

30 августа вечером, в день тезоименитства Наследника Престола Александра Николаевича, Иркутский публичный сад у Спасской церкви и дом благородного собрания были великолепно иллюминованы плошками в разных видах; на крыше дома были вензеля, освещенные плошками, а по аллеям сада везде были повешены разноцветные фонари. За рекою Ангарою против сада на острове, был пущен прекрасный фейерверк; все это освещение и фейерверк были насчет содержателя винного откупа г.Соловьева, по распоряжению его сына Степана Федоровича Соловьева, проживавшего в Иркутске и управлявшего делами откупа; зрителей было множество всех сословий и вход в сад был для всех свободный. По приказанию частной управы, всем домохозяевам в городе в этот день приказано всякому против своих домов ставить на улице плошки; по всем улицам горело плошек очень много; вечер был тихий, без ветра.

На 7 сентября, ночью, в Вознесенском монастыре скончался скоропостижно архимандрит Амвросий, бывший прежде в Посольском монастыре настоятелем, впоследствии уволенный на покой; погребен 10 сентября в Вознесенском монастыре.

8 сентября, по получении с почтою (известия), в кафедральном соборе преосвященным Афанасием с градским духовенством отправляемо было благодарственное Господу Богу молебствие по случаю победы, одержанной начальником Эриванского отряда, генерал-лейтенантом бароном Врангелем 17 июля 1854 г. в Азии, и совершенного разбития двенадцати-тысячного турецкого корпуса, а 19 июля - занятия города и двух замков Базета и всего Баязетского санджака: трофеи сей победы - 4 орудия, 3 зарядных ящика с полною упряжью, 16 знамен, 3 значка, 37- пленных, оружие, барабаны и более 2 тысяч трупов; разбросанные снаряды, вьюки с зарядами, аммуниция и одежда покрывала поле сражения; два лагеря со всем имуществом и припасами провианта были брошены турками; в числе убитых турок находился начальник баши-бузуков Али-паша; главнокомандующий Лим-паша бежал вместе с другими. В Баязете найдено 3 орудия, одно знамя, большие запасы пороха, артиллерийских снарядов, более 2 1/2 миллионов патронов, 1800 ружей и сабель, аммуниция, 10 больших ящиков медикаментов английского и французского приго-

товления, пшеницы 1000 четвертей, муки 150 четвертей, сарочинского пшена 300 чет., полбенной крупы 1000 чет., ячменя 1600 четв., коровьего масла 300 пуд., соли 500 пуд., буйволовые кожи, различная одежда, обувь и прочее. Кроме того, в лагере при Арзабе и в Мусуне взяты большие запасы ячменя и пшенницы, количество коих не приведено в надлежащую известность.

12 сентября, по получении с почтою (известия), в кафедральном Богоявленском соборе преосвященным Афанасием с градским духовенством отправляемо было благодарственное Господу Богу молебствие, с коленопреклонением, по случаю победы над турками генерал-лейтенантом князем Бебутовым: 24 июля нанесено совершенное поражение шестидесятитысячному турецкому корпусу российским отрядом, состоявшим из 18 тысяч под ружьем. Трофеи сей славной победы, одержанной Александропольским отрядом, близ селения Кюрук-дара, состояли в следующем: 15 орудий с 16 зарядными ящиками, 3 знамени, 4 штандарта, 20 значков, множество оружия, барабанов, музыкальных инструментов, 2018 пленных, из которых штаб-офицеров 2, обер-офицеров 84, нижних чинов 1932 человека, - все регулярной пехоты; убитых на месте неприятелей более 2-х тысяч. Подобный кровавый бой, в котором с обеих сторон гремело в продолжение 4 часов до 140 орудий, не мог и нам обойтись без значительной потери: у нас убито штаб-офицеров 4, обер-офицеров 17, нижних чинов 568; ранено: один генерал, штаб-офицеров 9, обер-офицеров 70, нижних чинов 1831; контужено: генерал один, штаб-офицеров 9, обер-офицеров 29, нижних чинов 444; убито милиционеров 10, ранено и контужено 61 человек.

19 сентября, в 4 часа по полудни, из Иркутска выехал по Заморскому тракту преосвященный Афанасий, архиепископ Иркутский, в Кяхту для освящения там вновь выстроенного собора и для обозрения края.

26 сентября , в 10 ч. вечера, в Иркутск прибыл по Якутскому тракту Генерал-Губернатор Восточной Сибири Николай Николаевич Муравьев из поездки своей на Амур. От российской границы с Китаем и в китайском владении проплыл по реке Амуру до впадения в море и морем прибыл в Аян, а оттуда в Якутск. Назавтра приезда его - 27 числа в 11 часов утра представлялись ему чиновники всех ведомств и граждане всех сословий, а потом по распоряжению его следователи все в кафедральный собор, куда прибыл и сам Его Высокопревосходительство Николай Николаевич с супругою и всем своим штабом, где по предварительному его распоряжению ожидало духовенство. За отлучкою преосвященного Афанасия, архиепископа Иркутского, в Кяхту, инспектор Иркутской духовной семинарии, архимандрит Петр со старшим градским духовенством отправлял Господу Богу благодарственное молебствие по случаю счастливого окончания дальнего пути на Амур и благополучного возвращения в Иркутск. Провозглашено многолетие Государю Императору и всей Августейшей Фамилии и христолюбивому воинству. Стечение народа в соборе было очень большое.

На 15 октября, в 3 часа ночи, по 2 части города, в Спасском приходе,

при доме чиновника Василия Никифорова Парнякова сгорел его сарай до основания.

28 октября, в 3 часа дня, в Иркутск прибыл из-за Байкала преосвященный Афанасий, архиепископ Иркутский. Изволил прибыть прямо к кафедральному собору в дорожном экипаже, тут встречен был духовенством, по входе в собор слушал молебствие и произнес краткую речь.

На 30 октября, в 1 часу ночи по 1 части города, в Троицком приходе, недалеко от каменного дома купца Милкова, к берегу, сгорел дом мещанина Попова, занимавшегося выделкою восковых свеч. Того же 30 октября, в 5 часов по полудни, в Рабочем доме (1) сгорела баня.

31 октября, в 5 часов вечера, в Рабочем доме сгорел дом.

6 ноября утром к Генерал-Губернатору Восточной Сибири Мураьеву прибыл нарочный из Камчатки - лейтенант князь Дмитрий Максутов 1-й, от Камчатского военного губернатора Завойки с донесением от 1-го сентября 1854 года, что англо-французский флот, состоявший из шести судов, 18 августа подошел к порту и 20 числа сделал нападение на Петропавловский порт: начал бомбардировать со своих судов порт и город и сделал высадку из 600 человек, которые были отражены и бежали обратно к своим шлюпкам, и более 8 часов 11 наших орудий выдерживали действие против 80 неприятельских. Одно гребное судно было потоплено, а прочие удалились, и ночь прекратила бой. По прекращении бомбардирования неприятель отошел в море для починки своих судов, потерпевших значительное повреждение от наших выстрелов. 24 числа сделал опять общее нападение и высадку на берег десантного войска до 650 человек и хотел решительно овладеть портом, но, благодарение Всевышнему Богу, отражён с большою потерею. Всего наших было 347 человек, кои стремительно ударили в штыки, и неприятель не выдержал нападения, несмотря на храбрость своих офицеров; враги наши бежали в беспорядке по гребню Никольской горы прямо к обрывам и побросали ружья и знамя; одна часть людей была сброшена с крутого оврага и погибла, а другая достигла шлюпок, провожаемая нашими ружейными выстрелами. Неприятель потерял кроме убитых и раненых на судах, еще около 300 человек. В числе убитых найдено на берегу 4 офицера и в плен взято 4 человека, отбито у них одно знамя английское, 7 сабель и 56 ружей. Знамя привезено князем Максутовым и доставлено генералу Муравьему. 25 и 26 августа неприятель хоронил в Тарьинской губе убитых и исправлял повреждения, а 27 числа ушел в море. С нашей стороны потеря состояла в убитых чел. нижних чинов, раненых 3 офицера и 75 нижних чинов, всего 115 человек. Из числа офицеров князь Максутов ранен смертельно. Повреждения на судах наших незначительны; в городе сгорел рыбный сарай, ядрами повережедено 8 домов и 5 разных других строений. - По получении сего радостного известия, Генерал-Губернатор немедленно дал знать преосвященному Афанасию, архиепископу Иркутскому. В 10 часов утра в кафедральном соборе начался благовест в большой колокол; тот же час собралось в собор

(1) Предместьи Иркутска, называемом ныне Рабочею слободою. Ред.

старшее градское духовенство и преосвященный Афанасий, потом прибыл Генерал-Губернатор Муравьев со всем своим штабом, чиновники всех ведомств и граждане. Преосвященный Афанасий отправлял благодарственное Господу Богу молебствие по случаю одержанной победы над неприятелем и провозглашено многолетие Государю Императору и всей Августейшей фамилии и победоносным войскам. В тот же день у генерала Муравьева был обеденный стол после стола для показания народу возили по главным улицам города отнятое в сражении у англичан знамя в сопровождении отряда конных казаков и полицмейстера. На второй день вторично возили знамя по улицам таким же порядком, как и в первый день, а вечером в доме благородного собрания дан был бал градским главою Медведниковым от имени градского общества, и дом был освещен плошками.

В Иркутске по этому случаю написаны стихи учеником Иркутской гимназии Лисавиным:

Раздался колокольный звон.
Народ шумящими толпами
Идет, бежит со всех сторон
И мчатся сани за санями,
Лишь у коней из-под копыт
Пыль серебристая летит.
Но, что все это знаменует?
Куда теперь спешит народ?
Сибирь победу торжествует, -
Разбит англо-французский флот!
Уже давно Сибири влажной
Военный гром не оглашал:
С тех самых пор, когда отважный
Ее Ермак завоевал.
Но вот на севере туманном,
Где с бурей спорит океан,
В Камчатку к нам француз нежданный
Пришел с ватагой англичан.
И дорогим гостям навстречу.
Пустили русские картечу
И пулей град. Вот грянул гром,
И содрогнулся Альбион,
И сшиблись трех народов груди.
Свист пуль, гром пушек, стон людей,
И говор волн, и стук орудий.
И треск разбитых кораблей; -
Все это чудно было слито
В один торжественнейший гул,
И гордый враг, стыдом покрытый,
К нам в страхе руки протянул.
Завойка всех на пир кровавый
Камчатских жителей созвал
И долго он еще на славу
Гостей незванных угощал.
Теперь мы ясно доказали
На нас озлобленным врагам,
Что груди русских крепче стали,
Что Бог защитой служит нам.
И Богу славному в соборе
Молебен служит архирей,
И вот зачем, как волны моря,
Текут туда толпы людей.

1855 г. С 1 января вместо содержателя винного откупа Степана Соловьева поступил новый откупщик Бенардаки с двумя товарищами; начал управлять винным откупом прибывший доверенный от Бенардаки Рукавишников. Бывший откупщик Соловьев еще за два месяца до окончания срока своего откупа, начал продавать вино дешевле: вместо 6 р. 50 к. по 5 р. ведро, в последний же день сын откупщика Степан Федорович Соловьев, управляющий в Иркутске всеми делами откупа своего отца, разослал билеты на получение вина безденежно всему градскому духовенству: протоиереями по три ведра вина или 1 1/2 ведра спирту, священникам по два ведра, диакону по одному ведру вина, в общую градскую управу на всю полицейскую команду в городе - одну соро-

ковую бочку вина; разослал безденежно и многим другим ведомствам и служащим лицам.

3 января получен с почтою Высочайший манифест, данный в С.-Петербург 1 декабря 1854 г., о наборе рекрут с восточной полосы - девенадцатый очередной частный рекрутский набор - по десять человек с тысячи душ. Повелено начать с 15 февраля и окончить к 15 марта 1855 года.

6 января получено с почтою сведение, что высочайшим приказом 6 декабря 1854 г., состоящий по кавалерии в распоряжении Генерал-Губернатора Восточной Сибири генерал-майор Аничков назначен бригадным командиром Иркутского и Енисейского казачьих полков вместо генерал-майора Александровича.

12 января р. Ангара против города покрылась льдом при очень посредственном холоде и верховом ветре; возвышение воды было более прошлогоднего.

16 января, в воскресенье, в кафедральном Богоявленском соборе читан был Высочайший манифест о призыве всех верноподанных не щадить ничего: ни достояния, многолетними трудами приобретенного, ни жизни, ни крови. "Буде нужно, - сказано в манифесте, - мы все, царь и поданные, с железом в руках, с крестом в сердце, станем перед рядами врагов на защиту драгоценного в мире блага - безопасности чести и отечества". Дан в Гатчине 14 декабря 1854 г., по случаю войны с Англией, Францией и Турцией.

18 января по Московскому тракту из Иркутска выехал бывший советник Иркутского губернского правления отставной коллежский ассесор Анатолий Петрович Лавровский с супругою своею Катериною Константиновною и с шестью малолетними детьми в Тобольскую губернию для постоянного проживания там.

(Продолжение следует)

Журнал "СИБИРЬ"

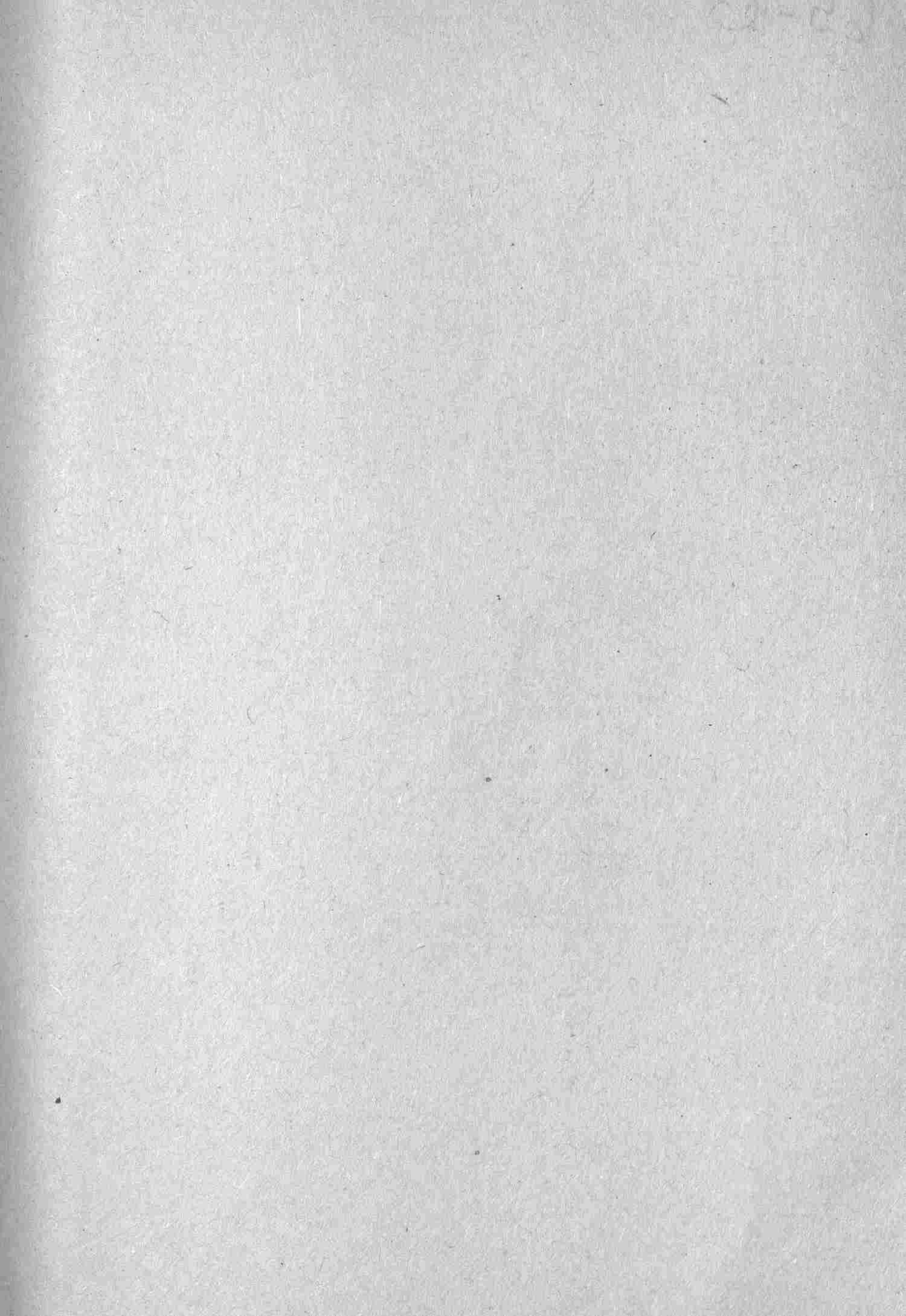
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции :
664000, г. Иркутск, ул, Степана Разина, 40.
Союз писателей, тел. 24-56-76.

ИБ № 1758
Сдано в набор 14.04.92
Подписано в печать 28.08.92
Формат бумаги 84 × 108 1/32

Бумага газетная. Усл. печ. л. 9,94
Тираж 10000 экз. Заказ 580.
Изд № 6431

Набрано и отпечатано
в Восточно – Сибирском
аэрогеодезическом предприятии.
664026, г. Иркутск,
ул. Декабрьских событий, 3

65-00

СИБИРЬ

1 93

аемый читатель!

олучения нашего журнала доста-
ить свой домашний адрес и
наш расчетный счет 100
в течение полугода
журнал "Сибирь".

аш адрес:
кутск, ул.Степана Разина 40,
расчетный счет 000700532
в Русско-Азиатском банке,
МФО 125004. Журнал "Сибирь".